

259
Др. Гордины.

Нѣтъ ни бога,
ни природы!

ВЕСѢДЫ

съ

АНАРХИСТОМЪ-ФИЛОСОФОМЪ.

ИЗДАНИЕ

Петроградской Федерациі Анархическихъ Группъ,
Ассоціациі Пананархистовъ (Союза Пяти Угнетенныхъ).

ПЕТРОГРАДЪ.
1918.

0.
ерб

БР. ГОРДИНЫ.

Р 104
394

БЕСѢДЫ

СЪ

Анархистомъ- Философомъ.

==

ПЕТРОГРАДЪ.
1918.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
13
ИЗДАТЕЛЬСТВО

81-15

Типографія „Петроградской Федерациі Анархическихъ Группъ“.
Невскій пр., д. № 88.



4988-80

Бесѣды съ анархистомъ-философомъ.

1.

Интеллигенція и народъ.

Интеллигентъ. Я слышалъ вашу рѣчь, рѣчь, правда, увлекательную, но не совѣмъ ясную. Я пришелъ къ вамъ. У меня много вопросовъ. Скажу правду: страхъ передъ Анархіей у меня отпалъ. Хи-хи-хи, чего же я, дуракъ, раньше боялся. У меня, слава Богу, меньше милліона... а у кого меньше милліона, тому никакая Коммуна и Панкоммуна не помѣшаетъ. Въ конечномъ счетѣ въ выигрышъ останется. Я вижу-слышу—вы желаете добра всѣмъ, истиннаго равенства всѣхъ людей. Вы желаете равенства мужчинъ и женщинъ—пусть, у меня жена хорошая, рѣдкость, скажу правду: порою мнѣ кажется, она умнѣ моего. Впрочемъ, и умнѣ моего еще порядочный дурачекъ выйдеть. Кстати, былъ бы по-богаче, былъ бы поумнѣ: богачи всѣ умны, а у кого въ карманѣ пусто, тому и въ головѣ пусто. Вы хотите, чтобы дѣтей поменьше мучили, чтобы имъ уроковъ не задавали, поменьше книжками кормили, а побольше жить-работать учили—и съ этимъ соглашусь. Быть можетъ, поменьше книжекъ было бы въ моей головѣ, побольше жизни было бы во мнѣ, поменьше словъ на устахъ, побольше дѣла въ рукахъ. Это все не страшно. Равенство? а почему бы нѣтъ. Деньги хороши—но кто ихъ имѣетъ, всегда сволочь. Вы говорите: голышъ, батракъ, милліардеръ—все равно. Вы думаете только вамъ все равно. Нѣтъ, и мнѣ все равно. Я уже сказалъ: у меня меньше милліона... Но вотъ что не помѣшается въ моей головѣ—интеллигентъ и не интеллигентъ—все равно! Это ужъ какъ хотите—абсурдъ (безсмыслица). Интеллигентъ, то интеллигентъ, а неукъ—неукомъ и останется, какъ же ихъ сравнить! Это же не деньги, которыя вы можете экспроприровать. Можете ли вы отнять у меня дарованіе писать хорошіе стихи, научные труды, рѣшать математическія задачи?

Нѣтъ, этого не отнимете. А если такъ, не лучше ли всего было бы передать власть интеллигенціи, ученымъ, профессорамъ и академикамъ. Согласитесь, что они умнѣ народа, а ужъ правили бы они обществомъ лучше, чѣмъ невѣжественный и суевѣрный народъ.

Анарх. Товарищъ интеллигентъ! Благо и то, что по крайней мѣрѣ, свой страхъ передъ анархіей потеряли, а то господа интеллигенты еще пуще упомянутаго швейцара запуганы, хотя, впрочемъ, интеллигентъ, въ дѣйствительности, отъ анархіи потерять что-то можетъ, а именно свою глупость. Мнѣ всегдъ стыдно и больно за васъ; вы, задача которыхъ распространята свѣтъ, сѣете тьму, невѣжество, предрасудки. Въ вашей головѣ, какъ въ вашихъ вопросахъ, какая то неразбериха, своеобразное сочетаніе истины съ ложью, проницательности съ ограниченностью: вы тонете въ предрасудкахъ и не менѣе, чѣмъ народъ, надъ которымъ вы такъ возвеличиваетесь. Васъ коробитъ мысль о томъ, что кто-то хочетъ васъ поставить на одной доскѣ съ народомъ. Быть можетъ, вы правы, но съ противоположной стороны. Весьма возможно, что народъ скорѣе долженъ обидѣться отъ сопоставленія его съ вами, а вы еще къ довершенію дерзнули заговорить о власти. Во всякомъ случаѣ, ужъ попы вторично властвовать надъ нами не будутъ! Будьте покойны.

Интеллиг. Признаться, товарищъ анархистъ, если бы я не зналъ васъ какъ человѣка ученаго, не смотря на ваши частые выпады противъ науки, то я бы считалъ себя настолько оскорбленнымъ, что не хотѣлъ бы говорить съ вами. Но я за вами этого права, бичевать насъ интеллигентовъ, отрицать не могу. Да къ тому, болѣе чѣмъ обиженъ, я задѣтъ за живое, и болѣе чѣмъ задѣтъ, я пораженъ, и болѣе чѣмъ пораженъ, я любопытенъ. Ужъ оставьте вопросъ о равенствѣ на послѣ; вѣдь вы говорите сейчасъ также о неравенствѣ, но съ обратной стороны. Могу ли вѣрить моимъ ушамъ? Я недоумѣваю, что сіе означаетъ? Да откуда у васъ то взялись попы, вѣдь мы не о попахъ говоримъ, а объ ученыхъ.

Анарх. Я, какъ анархистъ, не вѣрю ни въ какую религію и ни въ какую науку, а интеллигенцію, являющуюся одной своей частью представительницей религіи (религіозные попы, ксендзи папы и т. д.) и другой своей частью представительницей науки (научные попы: ученые, профессора, академики и т. д.) считаю самымъ реакціоннымъ классомъ или группой современнаго общества. Ну ужъ теперь вы меня понимаете. Я, конечно, не говорю о согласіи, а лишь о пониманіи.

Интеллиг. Какъ мнѣ это ни трудно даже представить себѣ, но понимать ваше отношеніе къ интеллигенціи я уже понимаю. Вы относитесь къ ней какъ отъявленный атеистъ, отрицающій

существованіе Бога къ священникмъ, попамъ; вы считаете научную интеллигенцію; задача обѣихъ по вашему это околпачивать народъ. Не такъ ли? Это мнѣ и больно и страшно слышать, но такъ ли это?

Анарх. Да, это такъ. Интеллигенція такимъ образомъ не менѣе суевѣрна, не менѣе опутана предрасудками чѣмъ народъ, и, въ сущности, даже больше, ибо источникъ предрасудковъ, кладовая у интеллигенціи. Притомъ, народъ находится пока лишь въ тенетахъ религіознаго предрасудка, изъ котораго онъ мало-по-малу освобождается и главная культурная задача анархистовъ именно состоитъ въ томъ, чтобы, на этомъ перепутьи отреченія отъ религіи, перехватить народъ, не давая ему вторично попасть во власть того же предрасудка въ преобразованномъ видѣ, т. е. науки, такъ что весьма возможно, что научная интеллигенція останется позади народа, какъ религіозная интеллигенція (духовенство).

2.

Европейская наука и азіатская религія одинаково ложны.

Интеллиг. Я васъ понимаю и все таки не понимаю. Слова ваши довольно ясны и не допускаютъ никакого другого толкованія, кромѣ прямого. Я слышу и все таки это какъ бы проходить мимо моихъ ушей. Такъ неужели, отрекаясь и отрицая религію и науку, остаетесь безъ культуры? Не думаете ли вы вернуться къ первобытному состоянію?

Анарх. Къ первобытному состоянію намъ вернуться нечего, ибо оно передъ вашими глазами. Именно вѣра въ религію и науку и есть продолженіе первобытнаго состоянія, первобытной культуры.

Интеллиг. Какъ это такъ?

Анарх. Исторія человѣчества, есть исторія заблужденія, угнетенія и шельмованія. Первый первобытный человѣкъ, утвердившійся отъ міра реальнаго, чувственнаго къ міру духовъ и положилъ основаніе тому заблужденію и обману вымысленія надчувственнаго міра религіи, изъ котораго впоследствии вышелъ еще болѣе лживый (ибо онъ менѣе реальный) отвлеченный міръ науки.

Интеллиг. У меня прямо мозгъ дыбомъ становится. Или у васъ или у насъ, что то не ладно здѣсь (показываетъ на лобъ). По вашему выходитъ, что наука еще лживѣе религіи, значить, мы интеллигенты, борющіеся съ религіей и проводящіе въ массы научныя знанія, одурачиваемъ и губимъ народъ. Неужели вы это утверждаете. Неужели?

Анарх. А что васъ это такъ смущаетъ, что вы такъ возмущаетесь. Вѣдь я это же все время говорю.

Интеллиг. Но развѣ вы это серьезно?

Анарх. Что вы такъ взволнованы, почему это больше, чѣмъ все высказанное мною, васъ волнуетъ, не хочу употреблять неприличнаго слова, бѣснѣть.

Интеллиг. Такъ что вы, на самомъ дѣлѣ, себѣ думаете. Вы одни нормальны, а мы всѣ сумасшедшіе: мы—всѣ весь міръ съ ума сошли. Англія, Германія, Франція, Америка и проч., всѣ просто на просто спятили. Я, наконецъ, начинаю, не скрывая, сомнѣваться, въ здоровомъ ли вы умѣ.

Анарх. Какъ вы все таки ограничены. Вы же мните себя интеллигентами, вы же читали-изучали исторію. Почему весь древній міръ могъ ошибаться, всѣ великіе гении человѣчества, всѣ эти отцы всѣхъ религій, а вы не можете. Что я говорю древній міръ, вѣдь и по сіе время большинство человѣчества не то, что религіозныя, а просто язычники. А какъ это вамъ нравится, чтобъ весь міръ ошибался. Вся исторія человѣчества могла ошибаться, но вы, всего на всего нѣсколько столѣтій, не можете; весь земной шаръ могъ и можетъ ошибаться, но нѣсколько губерній или странъ, называемыхъ Европой непогрѣшима.

Интеллиг. Хорошо. Мнѣ противъ васъ устоять трудно. Пусть и мы можемъ ошибаться или ошибаемся, какъ азіатскіе и другіе народы. Но почему вы утверждаете, что мы еще пуще ихъ заблуждаемся. Неужели мы и хуже азіатскихъ дикарей.

Анарх. Я, впрочемъ, не вижу, чѣмъ европейскіе дикари лучше азіатскихъ. Мнѣ, кажется, что и въ этомъ отношеніи оказывается какъ разъ обратное: по моему скорѣе самолюбіе азіатскихъ дикарей должно быть задѣто сравненіемъ ихъ съ европейскими коллегами. Что вы, напр. скажете о послѣдней европейской всеобщей рѣзнѣ, называемой войной.

3.

Богъ и природа—вымыселъ.

Интеллиг. Товарищъ! Мы не занимаемся сейчасъ вопросомъ политики, а вопросомъ науки. Вы уклонились немножко въ сторону.

Анарх. Вотъ я вернусь къ темѣ. Міръ интеллекта (ума), отвлеченный міръ науки болѣе далекъ отъ дѣйствительности, чѣмъ міръ фантазіи, міръ чувства, міръ религіи. Послѣдній, міръ религіи, который вначалѣ былъ тождественъ съ міромъ искусства—художества—такъ библія и Гомеръ, какъ и другія религіозныя классическія произведенія, художественны и рели-

гіозны въ одно и то же время—гораздо болѣе конкретенъ-реаленъ, чѣмъ міръ науки: образъ предметнаго отвлеченія (абстракціи). Богъ такимъ образомъ хотя онъ весь вымыселъ, весь фантазія, однако болѣе правдоподобенъ, дѣйствительно-подобенъ чѣмъ природа, которая вся отвлечена, вся вымыселъ ума.

Интеллиг. А что по вашему дѣйствительность, реальность правда?

Анарх. Дѣйствительность это чувства. Правда это чувства. Судья реальности это чувство.

Интеллиг. Такъ вотъ же вся наука наша и основана на чувствѣ, на опытахъ, на экспериментахъ.

Анарх. Это невѣрно, ибо вся наука фактически основана на такихъ же вымышленныхъ умственныхъ существахъ или, какъ мы сказали, еще болѣе вымышленныхъ, т. е. менѣе реальныхъ, чѣмъ созданія религіи, ибо твореніе ума содержать въ себѣ еще болѣе элементовъ вымысла, чѣмъ творенія воображенія.

Интеллиг. Какія же это по вашему научно-миѣическія существа?

Анарх. А вотъ какія. Молекулы, атомы, эфиръ и проч. и проч. Эти химеры-чудовища гораздо хуже религіозныхъ чертей, дьяволовъ, ангеловъ, ибо азіатскаго черта бывало, хотя очень рѣдко и при исключительныхъ обстоятельствахъ, иногда и видятъ, а этихъ то мелкихъ бѣсятъ вродѣ молекулъ, европейскихъ чертей, никогда нигдѣ, даже самый суевѣрный ученый и не видывалъ и не увидитъ. Слѣдовательно, и тутъ оправдывается сказанное о большей глупости и отдаленности науки отъ осязаемаго, чувственнаго, нежели религіи.

Интеллиг. А развѣ безъ этихъ молекулъ наука не можетъ существовать.

Анарх. Конечно, съ натяжкой можетъ, но неудобно безъ нихъ. Какъ гномы, карлы онѣ очень услужливы, и всякую прорѣху въ наукѣ очень легко заполняютъ. Вотъ ихъ и приглашаютъ, куда надо. Біологія (наука о жизни) позавидовала физикѣ (наука о мертвой природѣ) и она также обзавелась этими милыми услужливыми карлами.

Интеллиг. Но вѣдь люди бросивъ вѣру въ чертей, еще продолжаютъ вѣрить въ Бога.

Анарх. Такъ оно и есть. Люди очень старательны въ спасеніи ихъ излюбленныхъ предрасудковъ. Чтобъ спасти тонущій корабль религіи они способны выбросить всякій грузъ, чтобъ спасти куклу—богоматеръ, сына или отца, они горазды выбросятъ всѣ оловянные солдатикки, всю челядь. Но обыкновенно это служить лишь началомъ: начинаютъ съ чертей и кончаютъ Богомъ. Ты только начинай вольничать съ молекулами, и скоро до самой природы дойдешь.

Интеллиг. И неужели вы и въ природу не вѣруете?

Анарх. Нѣтъ, не вѣримъ.

Интеллиг. Но какъ это у васъ, развѣ вы отрицаете существованіе внѣшняго міра, объявили его призракнымъ; вѣдь вы только что говорили, что чувствамъ довѣряете.

Анарх. Мы, только мы признаемъ реальность внѣшняго міра. Довѣряясь только чувствамъ, а не умственнымъ разсужденіямъ, у насъ никакихъ сомнѣній насчетъ реальности міра быть не можетъ. По вашей же наукѣ все можно вывести; по ней, пожалуй, и нетрудно посредствомъ разныхъ умствованій, пуская въ ходъ разное крючкотворство, договориться, домудриться до той нелѣпости, составляющей вѣнецъ научнаго пренебреженія чувствами и возвеличенія интеллекта (разума): **внѣшній міръ призраченъ!**

Интеллиг. Какъ же вы все таки природы не признаете— для меня одна загадка.

Анарх. Подъ „природу“ тутъ нужно понимать не міръ, все-ленную, чувственную, а невидимую пружину, которая гдѣ то за кулисами ворочаетъ всѣмъ чувственнымъ міромъ. „Природа“, „научная“, это какая то отвлеченная сила, міровая сила, законообразность или причинность. Эта „природа“ не реальность, а **вымыселъ, умственное чудище**, плодъ нашего ума, который мало того, что „вносится“ нами въ чувственный міръ, еще, и по ограниченности нашей, многими „наивными“ отождествляется съ самимъ чувственнымъ міромъ. Такъ, напр., въ древности Богъ отождествлялся со вселенной, съ міромъ.

Интеллиг. Признаюсь, то, что слышу, для меня такъ ново, что трудно мнѣ понимать васъ. Но что совершенно для меня непонятно это ваше отношеніе къ опытной (экспериментальной) наукѣ, она вѣдь, кажется, все зиждется на одномъ чувственномъ.

Анарх. Къ сожалѣнію, товарищъ, дѣло не обстоитъ такъ благополучно, какъ вы его себѣ рисуете. Вся современная, такъ называемая опытная наука пресыщена небылицами, изобилуетъ „умственными сказками“. Но предположимъ, что можно было бы очистить ее отъ всего этого хлама. Но какая же послѣ этого получится наука? отъ нея остается, очевидно, лишь названіе.

Довѣряя лишь чувствамъ и объявляя всякія умственные построенія, всякія, какія бы то ни было, теоріи, **произвольными, внесеніями** изъ нашего ума во внѣшній міръ, тѣмъ самымъ мы лишаемъ науку своей основы, лишаемъ ее всякаго смысла и авторитета, какъ проводника истины. При такой постановкѣ вопроса опытъ ни при чемъ. Сдѣланный опытъ не можетъ выйти изъ своихъ собственныхъ предѣловъ, **изъ чувственнаго** чтобъ подняться, по вашему, и испариться, по нашему, въ ин-

теллентуальное (умственное). Опытъ доказываетъ, при такомъ взглядѣ, лишь **себя**, но нисколько не науку, нисколько некакую нибудь науку, даже какую нибудь теорію (ученіе), какое нибудь предположеніе (гипотезу).

Съ этой точки зрѣнія, построеніе какой бы то ни было науки, могущей претендовать на истину, т. е. на соотвѣтствіе дѣйствительности, т. е. чувственному, становится невозможнымъ, ибо **всякое умственное объявляется внѣ опыта** (трансцендентальнымъ). И потому какъ нельзя опытомъ доказать существованіе Бога, такъ нельзя доказать опытомъ существованіе „природы“, „причинности“, такъ какъ опытъ можетъ подтверждать лишь **видимое**, а не **невидимое**. По отношенію къ причинности эту истину ужъ давно провозгласилъ Юмъ, а намъ осталось лишь распространить ее на всю науку, на что имѣемъ полное право въ виду того, что въ основѣ всей науки, въ основѣ всѣхъ ея законовъ лежитъ всеобщій законъ о причинности. А отвергая или объявляя причинность реально-чувственно несуществующей, тѣмъ самымъ выносимъ смертный приговоръ надъ „реальностью“ науки. И спасти ее отъ этой смерти, которая является лишь результатомъ роста сознательности и критики и убавленія слѣпой вѣры и наивности, **никакой опытъ не въ состояніи**.

Опытъ доказываетъ, вѣрнѣе, **показываетъ** и можетъ показать лишь явленіе, а не яко-бы скрытаго въ немъ духа (анимизмъ, фетишизмъ) или Бога (теизмъ); точно такъ же опытъ доказываетъ, вѣрнѣе, показываетъ и можетъ лишь показать **послѣдовательность** явленій, но не яко-бы скрытую въ нихъ **природу** т. е. **невидимую причинную зависимость ихъ**.

4.

Истинность и торжество техники.

Интелл. Хотя нельзя сказать, чтобъ я вполне васъ понялъ, но кое-что все-таки смекаю. Мой умъ не беретъ такъ глубоко. Но одно мнѣ ясно—вы не говорите зря: **отрицаю, отрицаю**. Нѣтъ я чувствую и понимаю—у васъ твердая философская почва подъ ногами. Вамъ надоѣли эти карточные домики, которые человечество строило, забавляясь ими, какъ ребенокъ, на всемъ протяжении такъ называемой культуры (я ужъ говорю „такъ называемой“, ибо вы меня заразили, если не увѣренностью,—для этого у меня не хватаетъ пониманія и смѣлости,—то сомнѣніемъ). Вы хотите строить на гранитѣ—и изъ гранита! Но мнѣ кажется, въ пылу и раздраженіи за содѣянный надъ вами обманъ, вы все поломали, все сокрушили, ничего не оставляя,

ни матеріала, ни орудій. Меня прямо-таки мучить вопросъ: осталось ли у васъ что-нибудь, уцѣлѣло ли, подъ ударами вашего вседробящаго молота критики, хоть что-нибудь. Мнѣ кажется ничего нѣтъ, одна пустота кругомъ. А вотъ, что главное: сможете ли вы создать новую культуру послѣ вашего культурнаго всеразрушенія, всеопустошенія. Не все ли погибло въ вихрѣ Культурной Революціи?

Анарх. Да, все уничтожено, все разрушено. Всѣ научныя зданія, чертоги превращены въ развалины—однако, глубокіе подземные фундаменты остались.

Интелл. Да развѣ что-нибудь еще осталось. Мнѣ какъ-то не вѣрится.

Анарх. Вѣдь отъ религіи-то что-то уцѣлѣло. Въ началѣ богъ создалъ небо и землю: „богъ—оказался вымысломъ, небо—призракомъ“, земля же все еще твердо-истинно-чувственно простирается подъ нашими ногами. Такіе же истинные чувственные обломки—остатки уцѣлѣютъ, очевидно, и отъ науки. При томъ лишь одна часть орудій строительства забраковывается, выводится изъ употребленія для истины, т. е. практики, а другая часть, наоборотъ, получаетъ, даже такъ сказать, повышение въ чинѣ, по службѣ ихъ истинѣ...

Интелл. Какія же это орудія?

Анарх. А вотъ какія: **формы мышленія и чувства.** Первыя, орудія мышленія, объявляются лишь **игрушечными**, пригодными лишь для устройства потѣшныхъ домиковъ, великолѣпныхъ сказочныхъ замковъ науки. Вторыя, **чувства**, орудія пересозданія міра, вышли изъ испытанія даже обновленными, съ новымъ блескомъ, съ новой жадной творчества, съ новой увѣренностью въ своихъ силахъ.

Уцѣлѣлъ главный, хотя опустѣлый и осиротѣлый по изгнаніи изъ него духовъ—боговъ и молекулъ—природа, складъ матеріала—это внѣшній міръ, остался и истинный правдивый оцѣнщикъ—верховный судья реальности—это чувства.

Интелл. А у меня создалось впечатлѣніе, какъ будто все рушится, трещить, небо, земля, все кругомъ, словомъ конецъ свѣта...

Анарх. Напрасно вы такъ встревожились. Въ сущности, тутъ ничего такого особеннаго не произошло. Всѣ ваши страхи и ужасы являются лишь плодомъ вашей разстроенной фантазіи, это самовнушеніе. Не вселенная содрогалась, не міръ рухнулъ—содрогались лишь горы фантазіи, лопнули мыльные пузыри научнаго надувательства, растаяли воздушно-туманные замки. Рухнули міръ вымысла, міръ лжи и обмана, міръ научной мифологіи, міръ научной сказки. Провалился умственный гокусъ—покусъ—да и только. Въ остальномъ все осталось по-старому.

Интелл. У васъ такое легкое отношеніе къ дѣлу. Ваша душа такъ цѣльна, ни одной трещины въ ней нѣтъ. Ваша душа такъ свѣжа, какъ будто ничего не пережила.

Анарх. Это ужъ мнѣ не въ диковинку. **Двѣ культурныя революціи** пережилъ я и изъ обоихъ вышелъ торжествующимъ побѣдителемъ. Въ ранней молодости схоронилъ я моего бога—такъ пустынно—пусто одиноко-заброшено чувствовалъ я себя въ этомъ мірѣ. Но недолго это продолжалось: „философъ“ во мнѣ скоро взялъ верхъ. Вотъ послѣ, даже подтрунивать началъ я надъ собою и надъ пригорюнившимся товарищемъ... Знаешь что, вѣдь это же глупость—говаривалъ я ему—если бы богъ существовалъ бы, и мы бы дѣлали на него покушеніе, убили бы, онъ безсомнѣнно погибъ бы, но такъ какъ мы его отрицаемъ, говоримъ, что его никогда не было, то ужъ міръ рухнуть отъ этого не можетъ, ибо какъ онъ существовалъ съ начала безконечныхъ временъ дотолѣ безъ бога, такъ и будетъ существовать до конца временъ опять-таки безъ бога. Это, товарищъ, можетъ служить отвѣтомъ и на ваши опасенія.

Интелл. Я васъ не понимаю.

Анарх. Вѣдь это то же самое. Если бы была „природа“, причинность, а мы бы ее уничтожили, нѣтъ сомнѣнія, что мірозданіе рухнуло бы, но такъ какъ говоримъ, что „природы“ законобразности, причинности никогда и не было, то, очевидно, никакого мѣста для унынія не остается, ибо какъ міръ существовалъ доселѣ, такъ онъ существуетъ сейчасъ и будетъ существовать впередъ.

Интелл. Такъ по-вашему ничего такого не произошло и впредь не произойдетъ, значитъ вы не ожидаете отъ отрицанія науки никакихъ существенныхъ измѣненій въ жизни человѣчества.

Анарх. Нѣтъ, товарищъ, я подчеркиваю: **пока**, пока это остается мнѣніемъ единичныхъ личностей. Впослѣдствіе же, когда это безвѣріе въ науку станетъ достояніемъ массъ и многихъ творческихъ личностей, то произойдетъ коренная ломка всей нашей жизни. Но въ особенности эта культурная революція отзовется на общественной жизни. Тамъ произойдетъ что-то колоссальное, небывалое. **Парламентаризмъ** съ его многоголосованіемъ, многорѣчивостью и малодѣланіемъ или ничего недѣланіемъ, словомъ, все это блудословіе и пустословіе безсомнѣнно пойдетъ на смарку, замѣняясь однимъ обществостроительствомъ, соціальной техникой (соціотехникой). Вмѣстѣ съ нимъ и будетъ сдана въ архивъ политика реформъ и полумѣръ, ползучести и топтанія на мѣстѣ, альфа и омега (начало и конецъ) современной лжемудрости и обмана народа—постепеновщина, обывательская психологія, величаемая громкимъ именемъ

„эволюція“. Уничтоженіе науки означаетъ смерть социалистическаго марксистскаго обмана, обмана „царствомъ будущаго“. Смерть науки это конецъ буржуазному угнетательскому обману, на которомъ только и держится буржуазный міръ, міръ слезъ и крови.

Величественной, всеразрушающей, и всепересоздающей будетъ эта **Культурная Революція**. Впереди нея, наряду съ ней и сзади нея идутъ, слѣдуютъ **соціалныя революціи**. Ихъ число будетъ несмѣтно, безконечно, какъ неисчислимы слѣдующія за ней (за этой культурной революціей) **физическія революціи**.

Интелл. Въ этомъ мѣстѣ я совершенно не разбираюсь. Вы признаете истинность лишь чувствъ, такъ что вы лишь будете глазѣть, осязать и проч. божій свѣтъ. Дѣлать же вы ничего не сможете. Ничего не признавая, ничего создать, ничего творить нельзя. А откуда это посыплется, какъ изъ рога изобилія разныя благодѣтельныя соціалныя и физическія революціи.

Анарх. Слона-то не примѣтили. Про истиннаго благодѣтеля человѣческаго рода; про того вѣчно-истиннаго генія человѣчества, благодаря которому только мы и можемъ назвать себя культурными, про технику, вы забыли. Забытую и пренебрегаемую всѣми, порабощенную религіей и наукой, мы ее выведемъ въ свѣтъ, освободимъ отъ оковъ, и она, и безъ того творившая чудеса, которыя, впрочемъ, обманно присваивались раньше религіей, а нынѣ наукой, развернетъ свой геній на благо, счастье и освобожденіе всего человѣчества. Этого величайшаго истиннаго (не шарлатанскаго, религіозно-научнаго) техническаго чудотворца (соціотехника) запряжемъ и въ колесницу общественности, въ колесницу Угнетенныхъ, и онъ превратитъ ее изъ гробовой, траурной въ триумфальную, торжественную.

Интелл. Товарищъ! голова у меня кругомъ идетъ: очевидно, я кое-что слышалъ, если не усвоилъ, у васъ. Вотъ какъ, до чего мы наконецъ, договорились! Я не скрываю, вопросъ о равенствѣ меня именно, главнымъ образомъ, интересовалъ по отношенію къ ученымъ. Но сейчасъ я уже понимаю, что для васъ профессоръ и попъ одинаково лишніе люди, и что будущее недалекое или, быть можетъ, скорое настоящее будетъ принадлежать техникамъ, которые все будутъ строить, перестраивать. Вопросъ объ ученыхъ, такимъ образомъ, отпадаетъ. Но у меня еще остались нѣкоторые „интеллигентскіе“ вопросы. Я скоро приступлю къ нимъ, но отвѣчайте первымъ дѣломъ, какъ это возможно, чтобъ техника урегулировала все. Вѣдь не все, вся жизнь, одна машина, одинъ автоматъ.

Анарх. Техника понимается здѣсь въ широкомъ смыслѣ, это собственно не техника, а пантехника, т. е. всетехника. Отбрасывая всякіе вымыслы и отвлеченія, эта пантехника будетъ

имѣть своей задачей не осмысленіе міра, а его **улучшеніе, не познаніе, а пересозданіе**.

Интелл. А что будетъ съ любознательностью?

Анарх. Она замѣнится любосозидательностью, жаждой истиннаго творчества, творчества не миеическихъ міровъ, а реальныхъ, дѣйствительнымъ перекраиваніемъ и перестраиваніемъ всего. Все будетъ технизировано, т. е. станетъ предметомъ практической технической обработки, и коренного совершеннаго преобразования, короче, объектомъ **усовершенствованія** и изобрѣтенія. Техника охватитъ своимъ созидательствомъ и строительствомъ и мертвую природу, т. е. міръ не живыхъ существъ (физотехнику), и живую (биотехнику), жизнь человѣка (антропотехнику), и общество (соціотехнику, распадающую на этотехнику и т. д.).

Интелл. А что будетъ съ врачами?

Анарх. Врачи, они же именно человѣко-строители (антропотехники). Они сбросятъ съ „научной“ медицины всю научность, и тогда она останется однимъ практическимъ искусствомъ, такимъ же, какъ хирургія, напр. И таковой будетъ не только терапия (леченіе), а и гигиена.

Словомъ, съ паденіемъ религіи и науки восторжествуетъ одна техника.

5.

Будущее общество и искусство.

Интеллиг. Ваши мысли меня поражаютъ своей новизной. Это имѣетъ и обратную сторону: онѣ трудно понимаемы. Я бы просилъ васъ разъяснить ихъ подробнѣе. Но, признаюсь, хочу отдохнуть отъ философской головоломки. Вотъ и вернусь на минутку къ „интеллигентскимъ“ моимъ вопросамъ. Какъ будетъ у васъ съ искусствомъ, съ поэзіей.

Анарх. Такъ какъ человѣкъ при коммуны будетъ обеспеченъ отъ голода, то онъ, безсомнѣнно, будетъ творить не только **полезное, но и прекрасное**. Вѣкъ полнаго равенства, будучи вѣкомъ освобожденія человѣка отъ страха передъ жизнью, будетъ и золотымъ вѣкомъ искусства.

Интеллиг. Но не убьетъ ли это имущественное равенство въ корнѣ всякое стремленіе къ творчеству. Въ основѣ всякаго творчества, говорятъ, лежитъ стремленіе къ земнымъ благамъ и накопленію богатства.

Анарх. Мнѣ стыдно слышать эту клевету на человѣка, клевету на творчество. Очевидно, сучекъ въ глазу ближняго

есть лишь щепка от бревна, что в собственном глазу. Быть может, что в основѣ современнаго искусства слишкомъ глубоко залегла погоня за барышами. Но я очень мало цѣню „карманные“ таланты и „дойныя“ музы. У этихъ геніевъ съ наступленіемъ карманной чахотки проявляется и чахотка таланта.

Съ другой стороны, возможно, что творчество „верховъ“, уваженное „желтымъ навозомъ“, оскудѣетъ, но зато творчество низовъ съ лихвой возмѣститъ „культурные убытки“.

Интеллиг. Но какіе у васъ будутъ стимулы (побудители) творчества.

Анарх. Жажда творчества, воля къ творчеству, всестороннее выявленіе своего „я“, это чисто-идеальныя побужденія. Жажда славы, соперничаніе, желаніе выдвинуться въ первый рядъ—вотъ эгоистическіе мотивы.

Интеллиг. Но достаточно ли это?

Анарх. Я думаю, что вполне достаточно. Ибо другихъ побудителей творчества не должно быть. А если современное искусство имѣетъ и другихъ побудителей, то не считайте это благомъ, а несчастьемъ. Эти факторы служатъ лишь гибели и разложенію искусства. Смотрите на современный театръ, говорите со всѣми представителями чистаго искусства, и вы услышите одну жалобу на упадокъ и вырожденіе искусства. А этимъ угашеніемъ истинно-творческой жизни, оно обязано своей внѣшней позолотѣ. Оно задыхается какъ, тотъ кроликъ, съ которымъ продѣлывался извѣстный опытъ; замазывая всю его кожу смолой или лакомъ, онъ хирѣетъ, умираетъ.

Будущее же искусство сможетъ сказать о себѣ, какъ гетевскій пѣвецъ“.

Ich singe wie der Vogel singt.
Der in den Zweigen wohnt.
Gesang aus der Kehle dringt.
Reichlich lohnet.

(Пою какъ птичка, средь вѣтвей обитаетъ, пѣсня, рвущаяся изъ гортани, щедро вознаграждаетъ).

Современные же „таланты“ немножко смахиваютъ на моего знакомаго поэта—богача, который всѣхъ замучилъ своими стихами, которые къ черту годились, но тѣмъ не менѣе всѣми издателями были издаваемы и всѣми критиками восхваляемы. Эта бездарность выплыла на поверхность, задала тонъ въ литературномъ мірѣ и быть можетъ, попала бы въ „исторію“, въ пантеонъ всемірныхъ геніевъ, если бы фортуна вдругъ ему не измѣнила: дѣла разстроились, онъ разорился. Тутъ все пошло

прахомъ. Критики перестали курить фиміамъ, издатели издавать; словомъ пропалъ талантъ. А онъ, при встрѣчѣ со мною со вздохомъ бывало, вспоминая бывшее, поговариваетъ:

Вы знаете, я ничего не жалѣю, ни моихъ рысаковъ, ни каретъ и проч., я сожалѣю лишь о моемъ „талантѣ“. Куда же дѣлся мой талантъ?

Интеллиг. Товарищъ! ваша рѣчь меня очаровываетъ все больше и больше: вы умѣете надѣть дурацкій колпачекъ съ бубенчиками на голову современной глупости. Но вотъ шутъ смѣняется у васъ пророкомъ, а пророкъ философомъ.

Анарх. Ваши комплименты меня лишь смущаютъ, будьте болѣе скупы на нихъ. Но къ дѣлу!

Наши противники говорятъ, что у насъ яко-бы будетъ мало творчества. Но это ложь и клевета. Только наше общество именно и будетъ обществомъ творчества, обществомъ избытка творчества. Главной отраслью творчества будетъ, конечно, **всесоцидающая техника**. Освобождаясь отъ всѣхъ предрасудковъ, и отъ религіи, и отъ науки, техника будетъ вѣчно двигаться впередъ, изобрѣтенія будутъ слѣдовать за изобрѣтеніями. Наша культура больше не будетъ знать застоя, прогрессъ будетъ безпрерывнымъ, безостановочнымъ. Солнце нашего творчества больше не закатится. Будущее общество будетъ обществомъ Вѣчнаго творчества.

Свободный человѣкъ будетъ творцомъ и полезнаго и прекраснаго.

6.

Реакціонность интеллигенціи и науки.

Интеллиг. Послѣ сказаннаго вами мнѣ кажется страннымъ, почему это интеллигенція, мнящая себя носительницей творчества, такъ возстаетъ противъ того общества, которое вы называете обществомъ вѣчнаго творчества?

Анарх. Какая интеллигенція? „ученная“—такъ вѣдь это научные попы, обманщики народа, оправдыватели угнетенія, эксплуатаціи рабочихъ, угнетенія женщинъ, угнетенія молодежи, угнетенія слабыхъ народностей и угнетенія личности. Они знаютъ, что угнетенные, возставая и уничтожая угнетеніе, уничтожатъ и ихъ обманъ.

Интеллиг. Я не возражаю по существу. Но мнѣ, кажется, что вы немножко преувеличиваете, дѣлая научную интеллигенцію отвѣтственной за все зло нашего общества, козломъ отпущенія всѣхъ его грѣховъ.

Анарх. Нѣтъ, нисколько не преувеличено, а скорѣе уменьшено. Наука, какъ религія, всегда служила и служить средствомъ оправданія, обѣленія и очищенія всей грязи общества. Возьмемъ для примѣра хоть бы вопросъ о бѣдныхъ. Религія всегда или оправдывала **бѣдность**, или обманывала **бѣдныхъ**, или примѣняло и то и другое, оправдывая и обманывая въ одно и то же время. Такъ религіозное язычество рассматривало бѣдность, какъ порокъ, о чемъ и свидѣтельствуетъ русская поговорка „Бѣдность не порокъ“,—гласитъ поговорка, стало быть раньше бѣдность считалась порокомъ. Кто бѣденъ, тотъ грѣшенъ. Разъ Боги его наказываютъ, ненавидятъ, то ему и помочь нельзя. Язычество потому и не знало „филантропіи“ (вспомоществованія бѣднымъ) Такъ талмудъ рассказываетъ, какъ одинъ язычникъ—царь спросилъ извѣстнаго равви: какое право вы имѣете пойти противъ Бога, кормить бѣдныхъ, голодныхъ?

Интеллиг. Но какое это прошлое варварство имѣетъ отношеніе къ европейской наукѣ?

Анарх. Наше варварство нисколько не менѣе варварски, чѣмъ варварство древняго міра. Научное язычество, буржуазная политическая экономія, такъ же осуждаетъ бѣдность, считая ее порокомъ, результатомъ лѣни или небрежливости или же чрезмѣрнаго дѣторожденія... Извѣстно языческое безпощадное ученіе Мальтуса, Дарвина и др.

Но не лучше обстоитъ дѣло съ „милосерднымъ“ социализмомъ. Онъ старый обманъ христіанства во второмъ изданіи. Всѣ эти козни продѣлываетъ наука. Она же оправдываетъ угнетеніе женщины, ссылаясь на чрезмѣрно половую и ея духовную и тѣлесную отсталость, являющуюся лишь результатомъ доведенія женщины до вырожденія путемъ разнузданной половой и хозяйственной эксплуатаціи. Наука оправдываетъ и дѣтубійство, духовное рабство молодежи, величающее себя „воспитаніемъ“. Наука одобряетъ истребленіе малокультурныхъ народовъ. Ученные поддерживали мировую войну, подписали воззванія—призывы къ человѣчествоистребленію. Наука подтверждаетъ права одного народа на угнетеніе другого, объявляя законными грабежи и захваты, и священными отечество, родину, которая есть разбой и убой народовъ. Наука обосновываетъ право, государство, которое есть организованное насиліе. Словомъ, науки освящаются всѣ преступленія современнаго общества, всякаго рода эксплуатаціи и угнетенія.

Интеллиг. Да все что вы говорите вполнѣ вѣрно, отрицать и оспаривать этого нельзя, кто не намѣренъ лгать и лицемерить. Но другіе различаютъ буржуазную науку отъ настоящей науки. Буржуазная наука ложна и несправедлива, настоящая наука же истинна и справедлива.

Анархистъ. Но это утвержденіе не истинно и не справедливо. Двухъ наукъ не существуетъ, есть лишь одна наука, „научная“ наука, а она вся буржуазна. Другой науки, кромѣ буржуазной, не существуетъ. Всѣ сподвижники науки были и есть буржуазны. Всѣ хорошіе, настоящіе научные труды буржуазны. Все остальное, называемое „пролетарской наукой“, есть лишь потуги на науку, лженаука; она дрябла, худосочна, еле живетъ. Да къ тому все это „пролетарски-научное“, которое по-нашему имѣетъ право на это названіе лишь потому, что оно является **обманомъ пролетаріата**, все это относится лишь къ области социальнаго, но въ области физической никакихъ такихъ подраздѣленій нѣтъ. А если мы говоримъ: „и естественныя науки буржуазны, и физика, и геологія, и астрономія, и біологія“, такъ это значитъ, что вся наука въ цѣломъ, вся наука, сущностью своей, духомъ своимъ, душой своей основами и началами, сутью и мутью, содержаніемъ и формой—буржуазна, точнѣе **угнетательски**, представляетъ собою одно цѣлое угнетательское **міропониманіе, мірокартину, міровоззрѣніе** и жизневоззрѣніе, имѣющія, въ конечномъ счетѣ, одну общую цѣль: оправданіе всѣхъ мерзостей современнаго общества, **освященіе существующаго**, подхалимствованіе **торжествующему** свинству, подтвержденіе, утвержденіе рабства, насилія и угнетенія, поощреніе всѣхъ преступленій, запугиваніе и застрашиваніе смѣльчаковъ, обрушивающихся на наши безпорядочные „порядки“ и нестройный „строй“.

Наука буржуазно-угнетательски по существу и по всему. Объявляя законообразность природы, тѣмъ самымъ и объявляется **законообразность всѣхъ нашихъ безобразій**. Утверждая яко-бы существующую **причинность явленій**, она тѣмъ самымъ проводитъ контрабандой **причинность**, и, слѣдовательно, неизбѣжность угнетеній.

Все это такъ ясно, что, быть можетъ, только по одному этому люди этого не замѣчаютъ. И хотѣлось бы крикнуть на весь міръ: **Угнетенные! откройте глаза** и узрите весь ужасъ вашего обмана!

Природа—эта природа вашего рабства; единство природы—это единство нашей цѣпи, законы природы это звенья этой цѣпи. Естество это „естественность“ нашего головурученія на войнѣ, желѣзная историческая необходимость служить вашимъ тѣломъ бифштексомъ славы командующихъ, котлетой крови для вампирнаго отечества.

Причинность явленій—это неустранимость угнетеній. Эволюція—это неприкосновенность господствующаго: мерзости объявляются недотрогами, святынями. **Неприкосновенность разбоя и захвата отечества; неприкосновенность грабежа частной соб-**

ственности; неприкосновенность избіенія ребенка и убійства молодежи воспитаніемъ; неприкосновенность изнасилованія женщины; неприкосновенность тюремной рѣшетки государства.

7.

Саботажъ интеллигенціи.

Интеллигентъ. Ваши слова меня ошеломляютъ. Это не слова—а взрывающіяся бомбы. Сознаю свою ошибку, я привыкъ смотрѣть на „ученыхъ“, какъ на продажныхъ людей, коверкающихъ науку.

Анархистъ. Продажные то они всѣ, безсомнѣнно, кто сознательно кто безсознательно, но всѣ они служатъ у буржуазіи, у власть имущихъ, у угнетателей. Но коверкать науку имъ вовсе не нужно. Наоборотъ, чѣмъ чище, чѣмъ истинно-научнѣе наука, тѣмъ лучше она „обосновываетъ“, яко-бы объясняетъ и осмысляетъ и, слѣдовательно, лжеоправдываетъ существующее. Коверкаютъ то науку какъ разъ тѣ наивные люди, думавшіе и думающіе, что это орудіе обмана и угнетенія можетъ быть исправлено, поправлено и превращено въ орудіе освобожденія. Это ошибка Христа и Маркса, но объ этомъ въ другой разъ. Тутъ я хочу лишь указать на невѣрность утвержденія, будто ученые по существу не реакціонны, а лишь по причинѣ продажности. Если бы дѣло, въ дѣйствительности, обстояло бы такъ, то было бы непонятно, почему эти „ученые“ борются съ народомъ даже при его побѣдѣ, что мы видимъ сейчасъ при торжествѣ большевиковъ. Небывалое объявленіе саботажа интеллигенціи является для всѣхъ загадкой, ибо если наука и ея носитель интеллигенція по существу прогрессивны, то возможно ихъ бывшее служеніе капиталистамъ, буржуазіи лишь разсматривать какъ приспособленіе и уступничество жизни. При паденіи и пораженіи буржуазіи они должны были вздохнуть свободно, какъ освободившіеся отъ чужого ига и поспѣшить на службу народа, горя желаніемъ своимъ усердіемъ загладить вину прошлого, смыть позоръ прошлаго. Что же мы видимъ? Интеллигенція всячески раньше тормозила, ставила свои научныя и просвѣтительныя палки въ колеса народной триумфальной (побѣдной) колесницы. Мы видѣли, что интеллигенція и раньше была реакціоннѣе буржуазіи, наиболѣе „ученая“ часть ея, какъ напр. профессора и академики, даже не примыкали къ лѣвымъ кадетамъ, а къ самымъ правымъ кругамъ буржуазіи, къ „Торгово-промышленному союзу“. Не странно ли это?

Интеллигентъ. А что вы отвѣчаете на это?

Анархистъ. Для насъ это вполне нормально, вполне понятно. Религія это идеологія (міропониманіе и жизневоззрѣніе) рабовладѣльцевъ и помѣщиковъ; такъ оно и есть.

Помѣщикъ, какъ членъ привилегированнаго класса, реакціонеръ, заинтересованъ въ неподвижности общества, потому и священникъ, духовное отраженіе помѣщика, реакціонеръ (частенько помѣщикъ и священникъ совпадаютъ, священникъ является и помѣщикомъ). Но такъ какъ идеологія т. е. изображеніе (забудемъ на минуту, что она ложная, исковерканная) жизни менѣе подвижна, чѣмъ даже медленнотекущая феодальная (помѣщичья) жизнь, то отсюда, ясно, что священникъ, олицетворенный духовный обликъ помѣщика, долженъ быть болѣе закоснѣлымъ, болѣе реакціоннымъ, чѣмъ самъ помѣщикъ. Дѣйствительность всегда и подтверждала это. Новая дѣйствительность, исторія нашей революціи, подтверждаетъ истинность этого правила о большей реакціонности „идеологическаго“ и по отношенію къ наукѣ. Ученый, духовный обликъ буржуа (частенько и они совпадаютъ въ одномъ лицѣ), всегда реакціоннѣе самаго буржуа. И потому совершенно бессмысленно говорить о продажности ученыхъ: самимъ себѣ имъ продаваться не нужно. Они защищаютъ буржуазію больше, чѣмъ она себя, они преданнѣе ей, чѣмъ она себѣ. Интеллигенція, поскольку она носителемъ науки, гораздо „буржуазнѣе буржуазіи“. Вотъ ключъ къ ярому саботажу интеллигенціи.

Интеллигентъ. Ваши идеи для меня откровеніе. Онѣ открываютъ мнѣ жизнь, учатъ меня смотрѣть на все другими, открытыми глазами. Порою мнѣ кажется, что былъ слѣпымъ. Но слѣпота еще борется со зрячестью: вотъ бѣльмо спадаетъ, вотъ опять новое вырастаетъ. Многого не понимаю, путаю. Да, вы объяснили мнѣ саботажъ „научной“ интеллигенціи, но вѣдь среди нихъ множество техниковъ, инженеровъ—эту интеллигенцію вы же считаете носителями прогресса, истины, настоящаго творющаго свѣта.

Анархистъ. Нѣтъ, товарищъ; настоящей интеллигенціи пока нѣтъ. Какъ нѣтъ народной культуры, такъ нѣтъ и народной интеллигенціи. Вся современная культура буржуазно-угнетательски, еще болѣе, культура, наука и есть главный источникъ буржуазности. Интеллигенція даже не научная, а техническая буржуазна до мозга костей, ибо она воспитана на наукѣ. И техники, хотя являются трудовымъ элементомъ, хотя они должны были быть ближе къ народу, къ труду, жить съ народомъ, бороться и торжествовать съ нимъ, въ виду порабощенности техники наукой, и они пропитаны насквозь не народно-трудовымъ трезво-реальнымъ духомъ, а лукавомудрствованіемъ, лѣнтяиствомъ и умственнымъ мечтательствомъ. И техники сейчасъ не

сыны трудовой культуры, а родители бездѣльничанія и бѣлоручества. Техникъ еще не отдѣлился и не опредѣлился, какъ особый типъ, какъ творецъ настоящей народной, не лживо-буржуазной, а истинно-трудовой, не фантастически-умственной, а реально чувственной культуры, разсматривающей всякія отвлеченности и научныя построенія, какъ ненужный хламъ или помѣху. Нынѣшній техникъ такой же научный попъ, какъ ученый, какъ профессоръ. Нынѣшній техникъ является такимъ же научнымъ попомъ, какъ древній техникъ—религіознымъ попомъ. Его истинно-цѣнные техническія умѣнія переплетаются, окаймляются и разбавляются у него въ цѣлой массѣ лживыхъ умственно-фантастическихъ небылицъ-выдумокъ. Онъ не господинъ истины, дѣйствительности, а рабъ науки, умственной вѣры, какъ въ сѣдую старину онъ былъ рабомъ религіи, строилъ храмы для боговъ.

Интеллигентъ. А развѣ техника была когда-то подчинена религіи?

Анархистъ. Безсомнѣнно. Она всецѣло регулировалась ею, точь въ-точь, какъ нынѣ наукой. Техника пребывала въ полномъ рабствѣ у религіи. Вся она была пропитана и переплетена колдовствомъ, знахарствомъ, магіей. Земледѣліе, скотоводство, зодчество, стратегія, медицина и проч.—все было основано на магіи. Лѣчили знахари, шаманы, жрецы; воевали опять-таки съ помощью заклинаній, молитвъ и боевой пѣсни. Такъ, на примѣръ, греки не то что враговъ своихъ, а и бушующее море укротили побѣдили пѣснею и игрою, о чемъ намъ рассказываетъ Гомеръ. Веды намъ повѣтствуютъ, какъ пѣснями священными поощряли скотоводство, заставляли Агни горѣть.

Пастушеская пѣсня, пѣсня пахаря, трудовая пѣсня—все это пережитокъ того времени, когда хлѣбопашество, скотоводство и ремесла регулировались религіей, какъ нынѣ наукой. Такимъ же пережиткомъ являются чучела на полѣ, изображавшія когда-то богины, поощрявшихъ плодородіе почвы. Такъ практическая культура, то, что мы называемъ пантехникой, была въ полномъ подчиненіи у религіи и ея причудливѣйшихъ фантастическихъ вымысловъ. Такъ нынѣ она въ плѣну у **умственного вымысла**, у науки, вся она уснащена ложными теоріями (ученіями), законами и гипотезами (предположеніями), которыя задерживаютъ ея наступательное движеніе впередъ, коверкаютъ ее, и увлекаютъ на лживыя безнадежныя пути вѣчнаго скитанія по пустынѣ абстракціи (отвлеченія). Истинныхъ свободныхъ техниковъ, техниковъ своеобразныхъ, идущихъ своими открытіями въ разрѣзъ съ наукой, наперекоръ ея законамъ, ломающихъ научныя преграды и застѣнки и прокладывающихъ новыя пути техники, вопреки запретамъ и предсказаніямъ яко-бы неизбежной неудачи, со стороны науки, словомъ, истинныхъ техниковъ, техниковъ провоз-

глашающихъ и осуществляющихъ **технической произволь**, такихъ почти что нѣтъ.

Интеллигентъ. Вѣдь есть же великіе изобрѣтатели?

Анархистъ. Эти люди и есть **вѣчные враги науки**. Вѣчная вражда, вѣчная борьба между ними и господствующей въ ихъ время наукой. Орлы техники, сыны технической грозы и бури, никогда не мирились съ ея „чертою осѣдлости“, съ ея зонами полета, приноровленными къ взмаху крыльевъ пѣтуха. Эти истинные интеллигенты всегда сознательно или безсознательно шли противъ науки, пренебрегая всеми условностями ея, разрушая все ея проволочныя загражденія, отменяя все стоящее имъ на пути научныя предрасудки. Наука имъ и мстила, наука ихъ преслѣдовала, объявляла ихъ шарлатанами и т. п. Но эти великіе наукохулители побѣдили; повязка предрасудковъ, навязанная на ихъ крылья наукой, пригодная для пѣтуховъ, умѣвшая и умѣющая лишать послѣднихъ подняться и на сосѣдній заборъ, не могла мѣшать плѣненнымъ орламъ вырваться на техническую волю, на волю своего творческаго генія. Тогда наука мирится съ ними и объявляетъ ихъ „своими“, изобрѣтенія, сдѣланныя „вопреки наукѣ“ выдаетъ за „благодаря наукѣ“. Это старая и вѣчно новая исторія, которая прекратится лишь тогда, когда придетъ конецъ рабству техники, когда народъ возстанетъ и стряхнетъ съ себя всю буржуазную культуру, и объявитъ, такъ сказать, диктатуру техники, диктатуру трудовой культуры.

Интеллигентъ. А тогда саботажа интеллигенціи не будетъ?

Анархистъ. Тогда? тогда не будетъ интеллигенціи и не будетъ народа. **Весь народъ будетъ интеллигенціей**, и интеллигенція будетъ народомъ.

Интеллигентъ. Какъ это такъ? Я рѣшительно не понимаю. Развѣ не будетъ болѣе способныхъ и менѣе способныхъ.

Исчезновеніе интеллигенціи—равенство въ культурѣ.

Анархистъ. Конечно, будетъ. Будутъ большіе творцы и меньшіе творцы. Творцами же будутъ все. Между ними будетъ лишь количественная разница, но не качественная. Вотъ какъ, примѣрно, нынѣ между однимъ болѣе даровитымъ или геніальнымъ интеллигентомъ и другимъ менѣе даровитымъ или геніальнымъ. Особой же касты, особаго класса интеллигентовъ не будетъ.

Интеллигентъ. Вотъ я и спрашиваю: почему? почему же это сейчасъ существуетъ такая непроходимая пропасть между интеллигенціей и народомъ, а тогда не будетъ.

Анархистъ. А вотъ почему. Современная культура не есть культура народа, она не исходитъ изъ нуждъ народа, изъ его повседневной жизни, не исходитъ изъ труда. Она не практическая культура, а теоретическая. Она не доступна народу, она противъ народа, она существуетъ лишь для одурачиванія народа, для запугиванія и отпугиванія его отъ торжественнаго водруженія истинной культуры, собственной его культуры, культуры не лѣнтяйской и бѣлоручной, небесной или отвлеченной, религіозной или научной, а трудовой, дѣйственной, технической, все перестраивающей и все пересозидающей.

Интеллигентъ. Прекрасно. Но я не о духѣ спрашиваю, а о чисто практической сторонѣ. Какъ это рабочій станетъ интеллигентомъ, а интеллигентъ—рабочимъ?

Анархистъ. Вы это прекрасно формулировали, и этимъ облегчили мнѣ изложеніе моей мысли. Тенденція сглаживанія противорѣчій между интеллигенціей и народомъ намѣчается и въ нашемъ обществѣ. И какъ всегда, такъ и въ этомъ отношеніи самый страшный врагъ угнетеннаго человѣчества является за послѣднее время—реформа. Она хороша лишь для безсилія. Наше время характеризуется все большимъ ростомъ и накопленіемъ силъ угнетенныхъ для полнаго уничтоженія, для сметенія однимъ сильнымъ, хорошо подготовленнымъ ударомъ всѣхъ строевъ современной пошлости и мерзости. Наша эпоха характеризуется именно спаденіемъ съ глазъ угнетенныхъ бѣльма буржуазной культуры, буржуазнаго обмана. **Воля къ перевороту**, вѣрнѣе, переворотамъ, съ одной стороны, и народное рожденіе соціальной техники (соціотехники), съ другой. Вреднѣе всего тогда реформа. Она разряжаетъ энергію, гнѣвъ, злобу, упорство, порывы; она ослабляетъ **недовольство**—главный двигатель техники вообще и соціотехники въ особенности. И именно потому тогда всѣ реакціонеры, всѣ спасители стараго міра ухватываются за единственный якорь спасенія, за „реформу“.

Интеллигентъ. „Да какая же здѣсь реформа? Я не понимаю. Мы говорили объ „интеллигенціи и народѣ“, „наука и техника“.

Анархистъ. Вы слишкомъ нетерпѣливы. Дайте докончить.

Интеллигентъ. Извиняюсь, что васъ прервалъ. Я вамъ помѣшалъ, а я думалъ, вы перешли на другую тему.

Анархистъ. Я нисколько не увлекся въ сторону. Вопросъ въ высшей степени интересный, хотя и такъ старъ, старъ какъ міръ. Вотъ всѣ эти запутанные старые клубки, начало которыхъ восходитъ къ египетской и индусской древней культурѣ или еще

выше (можетъ ниже...), представляютъ собою заколдованные узлы, олицетвореніе заколдованныхъ круговъ или тупиковъ человѣческой мысли. О нихъ, если стоишь внутри нихъ, можешь лишь въ отчаяніи воскликнуть съ Фаустомъ:

Da stche ich nunn, armer Thor
Und bin so klug wie zuvor.

Интеллигентъ. Да что же съ ними дѣлать?

Анархистъ. Рубить ихъ надо! Разрубить узлы—и путаницы больше не будетъ. Распутать же ихъ—безнадежная трата времени. Реформа лишь—обманъ и отодвиганіе необходимой операціи.

Интеллигентъ. Но кого рубить, а гдѣ реформа—не понимаю.

Анархистъ. Развѣ вы не знаете или умышленно отмахиваетесь отъ проклятѣйшаго вопроса: „интеллигенція и народъ“. На этотъ проклятый вопросъ, вопросъ оторванности интеллигенціи отъ народа, какъ онъ былъ до сихъ поръ, и вопросъ враждебности и антагонизма между интеллигенціей и народомъ, какъ онъ долженъ быть формулированъ подъ влияніемъ послѣднихъ событій, на это даются разные наивные отвѣты и совѣты: старое „хожденіе въ народъ“, старанія сближенія и примиренія съ одной стороны, и затасканное „просвѣщеніе“, использованное сейчасъ лишь разными крикунами-шарлатанами въ своихъ кричащихъ, запруживающихъ всѣ улицы объявленіяхъ, вродѣ тѣхъ, которыя начинаются: „вѣкъ живи—вѣкъ учись“ или: Россіи нужны три вещи—ученіе, ученіе и ученіе. Вотъ ложный путь реформы, идущей рука объ руку съ шарлатанствомъ.

Интеллигентъ. Я васъ понимаю, но лишь на-половину. „Реформа“ снизу, стараніе „просвѣтити“, окнижить народъ, я вижу. Но гдѣ же сближеніе, „опрощеніе“ интеллигенціи, ея стремленіе къ труду, къ практической культурѣ.

Анарх. Это особенно замѣчается въ Америкѣ. Читайте, напримѣръ, Тиндаля о свѣтѣ. Сколько вздоховъ тамъ о заблужденіяхъ Америки. Америка забросила науку, Америка близорука, Америка эксплуатируетъ, утилизируетъ лишь научный безкорыстный геній Европы и т. д. Но, несмотря на всѣ аханія да оханія, побѣдила Америка, и Германія за послѣднее время круто повернула къ техникѣ, перешагнула и оттѣсня на міровомъ рынкѣ Англию. И въ Европѣ и Америкѣ назрѣваетъ глубокой коренной духовный переворотъ, культурная революція, и такая, какой міръ, исторія не знали до сихъ поръ. Всѣ признаки будущей грозы на-лицо, хотя когда и гдѣ именно она разразится еще нельзя установить въ точности. Нельзя даже предсказать произойдетъ ли она въ Европѣ или, быть можетъ, центръ тяжести или фигуральнѣе, кратеръ ея, перенесется, перекинется въ дру-

гую часть свѣта. Во всякомъ случаѣ одно ясно, подземная работа, подготовляющая будущее изверженіе или сотрясеніе идетъ непрерывно и неумоимо въ глубинахъ современной культуры. Въ такихъ случаяхъ главнымъ показателемъ, предвѣстникомъ бури и натиска, своего рода барометромъ является школа.

Интеллиг. А что такое особенное вы видите въ школѣ. Кажется тамъ ничего такого не происходитъ. Тамъ лишь реформа школы-книги въ школу труда, и школу воспроизведенія жизни (Репродуктиву).

Анарх. Изъ-за деревьевъ никогда не видите лѣса. Реформа, умѣренность, всеобщій и вседѣствующій меньшевизмъ вамъ слипаютъ глаза. Трудовая школа есть лишь реформа, однако, тенденція (стремленіе) къ ограниченію монаршествованія науки, къ обузданію ея абсолютизма на-лицо. Нѣтъ сомнѣнія, что школа старается предвосхитить назрѣвающій конфликтъ между техникой и наукой, имѣетъ въ виду смягчить остроту расхожденія между интеллигенціей и народомъ.

Интеллиг. А школа воспроизведенія жизни (Репродуктина) не есть ли она чисто-анархическимъ твореніемъ? развѣ и она стоитъ на точкѣ зрѣнія реформы. Вы, кажется, мнѣ въ другой разъ что-то иное говорили.

Анарх. Я очень радъ, что все слышанное вами сохраняется у васъ. Вы вполне правы. Школа воспроизведенія (репродуктина) стоитъ не за реформу, а за педагогическую революцію, за полное исключеніе религіи и науки изъ школы, и водвореніе и воцареніе въ ней лишь одной техники, **всетехники** (пантехники), короче и проще говоря, **жизни**. Но мы говоримъ сейчасъ не о нашемъ крайнемъ теченіи, а о господствующемъ, преобладающемъ стремленіи, намѣчающемся въ прогрессивномъ педагогическомъ мірѣ. Оно стоитъ пока (подчеркиваемъ пока, ибо мы увѣрены въ конечной побѣдѣ нашей большей послѣдовательности) подъ знакомъ реформы, такъ что вмѣсто педагогической революціи, мы имѣемъ педагогическую реформу и какъ слѣдствіе изъ этого или, если хотите, какъ причина этому является то, что вмѣсто культурной революціи у насъ лишь мѣщанская культурная реформа. Оба враждебныхъ міра, міръ науки и міръ техники, такимъ образомъ уживаются бокъ о бокъ мирно и тихо, дѣлая другъ другу взаимныя уступки. Но результатомъ такой уступчивости всегда бываетъ торжество стараго, старыхъ отношеній подчиненности, и въ данномъ случаѣ, наука остается владычицей, госпожей надъ техникой, какъ было до сихъ поръ.

Интеллиг. Но какое отношеніе это имѣетъ къ намъ, къ вопросу объ интеллигенціи въ народѣ. Какъ нерѣдко это бываетъ со мной, я вдругъ васъ теряю, ходъ вашихъ мыслей становится мнѣ непонятнымъ.

Анарх. Помилуйте, товарищъ! вѣдь тутъ кажется, все просто да ясно. Интеллигенція есть преимущественно классъ служителей науки, это сословіе новыхъ жрецовъ, какъ мы ихъ называемъ, научныхъ поповъ. Наука есть культура буржуазіи. Интеллигенція современная научная и есть потому, волею-неволею, сознательно или безсознательно (суть дѣла отъ этого не мѣняется) служительницей буржуазіи. Техника же есть культура народа, культура труда, культура угнетенныхъ. Торжество, т. е. продолженіе господства науки надъ техникой, означаетъ продолженіе господства буржуазіи и научной интеллигенціи надъ народомъ, надъ трудящимися, надъ угнетенными. Освобожденіе техники изъ-подъ ига науки означаетъ освобожденіе народа косвеннымъ путемъ отъ ига буржуазіи и научной интеллигенціи, а прямымъ путемъ отъ научной интеллигенціи. Этимъ сразу, однимъ ударомъ уничтожается восхоленное тысячелѣтіями народное невѣжество, **ибо нѣтъ больше „ученыхъ и невѣждъ“, а есть лишь научные попы, обманывающіе народъ.** Такъ нѣтъ больше „интеллигенціи и народъ“, ибо или всѣ одинаковые интеллигенты или всѣ одинаковый народъ. Такъ сразу и навсегда отрублены всѣ чудовищныя головы гидры Предразсудка—нѣтъ ни чорта, ни бога, ни законовъ природы, ни законовъ государства, нѣтъ ни причинъ, ни „воздѣйствій“ силъ, нѣтъ ни начала, ни конца, нѣтъ ни происхожденія изъ туманныхъ массъ, ни происхожденія отъ обезьянъ, а есть лишь видимый чувствительный міръ, который нужно преобразовать такъ, чтобъ благо намъ было и чтобъ долготѣни мы были въ немъ; есть лишь общество, которое нужно устроить такъ, въ которомъ должно быть все—всѣмъ—радость и счастье, свободы и творчества всѣмъ—хлѣбъ, воля и Правда всѣмъ!

Нѣтъ больше никакой вѣры въ сверхчувственное, и отвлеченное, нѣтъ больше никакой вѣры въ ученіе, теоріи, въ какія бы то ни было умственные построенія, а есть лишь практическое умѣніе, сноровка, дѣловитость, дѣеспособность.

Этими особенностями-способностями одаренъ главнымъ образомъ народъ, который доставляетъ главный контингентъ практическихъ дѣловитыхъ работниковъ; эта культура, культура низовъ, низовъ безъ верховъ, положить конецъ интеллигентствованію.

9.

Техника—культура трудящихся.

Интеллиг. Я васъ понимаю, хотя у меня еще много возраженій, которыя оставляю на послѣ. Пока отвѣчайте мнѣ только

на одинъ вопросъ: почему считаете реформы, предпринимаемыя въ данномъ направленіи вредными. Въдѣ согласитесь, что распространеніе образованія среди народа, изданіе популярно-научной литературы для народа, открытіе народныхъ университетовъ преслѣдуетъ и достигаетъ той же цѣли—уничтоженія интеллигенціи, сглаживанія противорѣчій между интеллигенціей и народомъ.

Анарх. Нѣтъ. Съ этимъ согласиться никакъ не могу. Эта дешевая размазня, этотъ отвратительный винегретъ, называемый популярной наукой для народа, и бесполезна и вредна. Бесполезна она потому, что, какъ всякая реформа, лишь создаетъ призракъ рѣшенія вопроса и тѣмъ самымъ становится вредной. Тѣмъ, что нѣсколько рабочихъ нахватаются вершковъ какой-то сомнительной науки, или даже нахлебаются до рвоты мутной разбавленной водицы и начиненной всякой дрянью популярной кашицы, отъ этого народъ нисколько не становится „интеллигентнѣе“, никакой истинной культуры не усвоитъ, къ ней не приобщится и въ нее ничего не внесетъ. Народъ не способенъ къ этой отвлеченной культурѣ, она ему чужда и въ ней и для нея онъ нуль. Не лежитъ народная душа къ ней, не беретъ народный умъ.

Интеллиг. А развѣ не были ученые изъ рабочихъ?

Анарх. Послѣ долголѣтнихъ мытарствъ, послѣ долголѣтней муштровки, послѣ мучительной дрессировки случается, правда, въ кой-какіе вѣка исключительный рабочий, который кое-какъ смыслитъ въ буржуазной наукѣ. Но все это у него такъ убого, такъ скудно, такъ ничтожно въ сравненіи съ затраченнымъ трудомъ, что порою сердце сжимается отъ жалости. Къ тому по большей части, все у него такъ изуродовано, искалѣчено, все не на своемъ мѣстѣ и перековеркано, все такъ ляповато, такъ неуклюже, а главное, подмѣшано, сфальсифицировано, все у него такъ фальшиво, что и не жалко тебѣ его, а смѣшно. Нѣтъ. Эта культура не для рабочихъ, не для народа, Народъ съ нею ничего общаго не имѣетъ, не долженъ и не можетъ имѣть. Она и онъ—двѣ противоположности. Но все это еще пустяки—пусть этотъ своеобразный интеллигентъ тѣшитъ публику какъ пьянчужка, герой на „Днѣ“, отпускающій, на-диво и печальную потѣху всѣмъ, слова, вродѣ: Гибралтаръ—организмъ и т. п. Но печально и больно то, что эта „наука“ приноситъ страшный вредъ народу.

Интеллиг. Да какой же особенный вредъ она ему можетъ принести?

Анарх. А вотъ какой. Во-первыхъ, вся эта преподносимая народу муть не есть наука, а лженаука. Это отравя, ядъ. Все тамъ передернуто, извращено и если наука вредна вообще, то это суе-

научіе прямо-таки смертоносно. Популярно-научная литература это духовная смерть народа. Въ этихъ змѣиныхъ, гибель несущихъ книженкахъ дарвинизмъ или другая какая-нибудь ему подобная гипотеза-небылица или прямо научная чепуха преподносится, какъ неопровержимая истина, какъ аксіома. Выходитъ, что то, что сама наука считаетъ сомнительнымъ или, еще больше, что уже давнымъ-давно опровергнуто, „интеллигентами“ изъ народа почитается абсолютной истиной; фальшивыя монеты науки, заклеянные ею же самой таковыми, „имѣютъ хожденіе“ въ народѣ, коимъ онѣ принимаются за чистую монету. Этимъ и закладывается надежный фундаментъ для мерзкаго безглазого чернаго зданія **суснаучія**, которое превзойдетъ своей нелѣпостью, дикими вымыслами и переживетъ своей прочностью несокрушимое зданіе **суевѣрія**. Научная миеология—и такова вся популярно-научная литература, если не вся научная литература—вообще еще опаснѣе религіозной миеологии.

Интеллиг. Да о какой же научной миеологии вы говорите? развѣ таковая существуетъ? Я, впрочемъ, никогда не слышалъ про ея существованіе.

Анарх. А что такое вся атомистика, молекулы, электроны, эфиръ и т. д., законъ инерціи, тяготѣнія, весь дарвинизмъ, „теорія“ эволюціи, и проч. и проч., если не научная миеология. Подобно древнимъ миеамъ, глупымъ людямъ, глупаго времени, они показываются аксіомными или вѣроятными, а болѣе умнымъ или людямъ другого болѣе поздняго умнаго времени—чудовищными, дико-нелѣпыми.

Интеллиг. Отчасти я съ вами согласенъ. Путь популярной научной литературы опасенъ для народа. Вѣрно и вполне справедливо, что такимъ путемъ мы создаемъ новую неприступную крѣпость міровой реакціи и мірового Предразсудка. Я и вполне убѣдился, что достиженіе такимъ путемъ настоящей „интеллигентности“ невозможно. Одно только мнѣ не особенно ясно, откуда вы черпаете вашу увѣренность, что при новой пантехнической культурѣ рабочіе будутъ, смогутъ творить, словомъ будутъ „интеллигентами“... тьфу! интеллигентиковъ тогда не будетъ—будутъ творцами.

Анарх. Увѣренность даетъ мнѣ исторія техники. Если и до сихъ поръ, несмотря на всѣ старанія заградить рабочему классу путь къ культурѣ, онъ все-таки въ этой области, въ области техники, творилъ чудеса, то мы можемъ себѣ представить, какихъ колоссальныхъ техническихъ успѣховъ онъ достигнетъ въ будущемъ, когда будутъ устранены всѣ препятствія по этому пути.

Интеллиг. А развѣ рабочіе отличались въ технику?

Анарх. Посмотрите любую отрасль ея, и вы увидите сколько внесено тамъ улучшеній, усовершенствованій рабочими.

Интеллиг. Да это я знаю. Но крупныя изобрѣтенія?

Анарх. И крупныя техническія изобрѣтенія сдѣланы рабочими. Вотъ, напримѣръ, Стефенсонъ—изобрѣтатель локомотива, чѣмъ онъ былъ, если не рабочимъ.

Интеллиг. Право, если бы не зналъ, что это такъ, то я бы думалъ, что такое великое изобрѣтеніе, какъ локомотивъ, должно было совершиться непременно какимъ-нибудь крупнымъ академикомъ.

Анарх. Да, это пощечина наукѣ. Но такихъ пощечинъ такъ много, что всѣхъ ихъ не перечтешь. Возьмите, напримѣръ, хоть бы Эдиссона, чѣмъ онъ былъ? простымъ телеграфистомъ. Развѣ такіе факты не сулятъ намъ новую цивилизацію, цивилизацію техники, при освобожденіи рабочаго класса.

Интеллиг. Но пока вы привели мнѣ только два факта, факта, право, довольно внушительныхъ, ибо Стефенсонъ и Эдиссонъ—величины не мелкія. Но все-таки, мнѣ кажется, что ваше заключеніе немножко скоропалительно.

Анарх. Нисколько. Вы думаете, что разъ, два, три и обчелся. Нѣтъ, списокъ можетъ быть удлинень до безконечности, и довольно крупными именами. Ботъ вамъ, напримѣръ, Джемсъ Уаттъ, изобрѣвшій паровую машину, онъ былъ ученикомъ механической мастерской.

Интеллиг. Да, это внушительно. Ваши—эти факты довольно убѣдительны.

Анарх. А фактовъ такихъ безконечное множество, ибо большинство изобрѣтателей въ области текстильной индустріи были рабочими. Среди нихъ никакихъ ученыхъ нѣтъ. Одинъ Картрайтъ былъ челоукомъ теоріи. Всѣ остальные люди практики. Все это доказываетъ и гарантируетъ намъ процвѣтаніе техники въ будущемъ, при торжествѣ рабочихъ, ибо, если рабочіе, несмотря на пренебреженіе ими и ихъ практической работой, дѣлали геніальныя изобрѣтенія, то тѣмъ болѣе и тѣмъ чаще это будетъ имѣть мѣсто при будущемъ освобожденіи техники и рабочаго класса.

10.

Наука лишь искусство—искусство умнаго.

Интеллигентъ. Я слышалъ отъ васъ нѣсколько разъ о какомъ-то обществѣ, которое вы называете „Пананархія“. Что оно представляетъ собою?

Анархистъ. Пананархія буквально ознаетъ: „всеанархія.

Интеллиг. Но что значить „все“—развѣ вы ничего не оставляете?

Анарх. Объясню вамъ точнѣе. Пананархія это собственно безначальная или нигилистическая, т. е. всеотрицающая Анархія. Пананархіей мы называемъ такое общество, которое свободно не только въ социальномъ отношеніи, но и въ духовномъ, свободно и отъ предрасудковъ, свободно не только отъ пяти угнетеній, но и отъ двухъ обмановъ.

Интеллиг. Прекрасно. Коротко да ясно. „Пять угнетеній“ я уже знаю, это угнетеніе Работника, Женщины, Угнетенной Національности (Итерриторіалія), Учащейся Моледежи и Личности, но какіе еще два обмана.

Анарх. Какой вы недогадливый. Два обмана—это обманъ религіи и обманъ науки.

Интеллиг. Отлично. Такъ въ вашемъ обществѣ, въ вашей Пананархіи, никто научныхъ трудовъ, разумѣется, писать не будетъ?

Анарх. Нисколько. Будутъ.

Интеллиг. Какъ же такъ. Вы также будете, какъ вы говорите, околпачивать народъ, значить ваша Пананархія не будетъ Пананархіей.

Анарх. Охъ, я вижу, какъ трудно вамъ освободиться отъ предрасудковъ. У насъ никто научными трудами никого не обманетъ, ибо никто въ науку больше вѣрить не будетъ. Это все равно для насъ, какъ бы вы сказали, что мы станемъ вѣрить въ куклу, въ дѣтскія игрушечки, примемъ палочку, на которой ѣздитъ-скачетъ дитя, за настоящую лошадь. Для насъ эта вѣра въ реальность умственно-воображаемыхъ предметовъ пройденная ступень невинной глупости и дикости. Это все равно, какъ бы вы опасались нынѣ поставить памятникъ кому-нибудь въ виду того, что древніе греки вѣрили въ божественность, т. е. въ чувственную дѣйствительность изваяннаго героя, что онъ именно тотъ самый и есть, онъ тотъ самый, который когда то жилъ среди нихъ или никогда и не жилъ, а былъ лишь плодомъ ихъ воображенія. Можно-ли далѣе, возбранять кому-нибудь рисовать портреты—такую глупость и дѣлала библія—потому что дикари вѣруютъ въ реальность изображенія, и желая убить врага, они пронизываютъ иголкой или какимъ-нибудь другимъ острымъ предметомъ сердце его изображенія.

Интеллиг. Развѣ дикари такъ глупы?

Анарх. А развѣ вы менѣе глупы, развѣ не вы ли считаете умственное, научное изображеніе предметовъ реальнымъ, какъ-вымъ дикари считаютъ и художественное изображеніе. Притомъ вы напрасно такъ небрежно отзываетесь объ этихъ дикаряхъ. Вѣдь таковыми и былъ весь древній міръ, вѣдь на этой вѣрѣ

зидется все греческое искусство, архитектура, скульптура, живопись и проч. Да, присмотритесь хорошенько и вы увидите, что это вѣра, которую вы приписываете лишь дикарямъ, еще продолжаетъ жить, конечно лишь въ остаточномъ видѣ, кругомъ насъ. Вотъ икона, изображеніе Бога, она священна не потому-ли что въ ней живетъ Богъ, не потому-ли, что эти люди все еще, какъ дѣти, принимающіе рисунокъ коровы за корову, рисунокъ собаки за собаку, считаютъ изображеніе чѣмъ то реальнымъ.

Интеллиг. Да, вы правы, хотя, признаюсь, безъ вашего указанія я бы никакъ не догадался, гдѣ корень этой глупости.

Анарх. Вы это съ легкимъ сердцемъ называете глупостью, а между тѣмъ люди, что я говорю, все человѣчество въ это свято вѣровало. Да какое же право имѣете называть это глупостью. Вѣдь ваши умственные міроизображенія гораздо дальше отстоятъ отъ дѣйствительнаго, т. е. отъ чувственнаго, чѣмъ эти художественныя изображенія. Ваши боги, т. е. ваши природы отвлеченнѣе древнихъ боговъ, а погому болѣе лживы, болѣе „глупы“, ваша наука менѣе реальна, чѣмъ языческая религія; наша европейская глупость такимъ образомъ хуже, глупѣе глупости азиатской; вы, мнящіе себя солью земли, вы европейцы болѣе глупы, чѣмъ африканскіе дикари, поклоняющіеся своимъ фетишамъ. Вѣдь вы такіе же или еще худшіе фетишисты, они поклоняются фетишамъ своего собственнаго воображенія, считая ихъ сущностью и началомъ міра, а вы поклоняетесь фетишамъ (идоламъ) своего собственнаго ума, такъ же воображая ихъ сущностью и началомъ вселенной. Вы переносите изъ себя, изнутри, во-внѣ, какъ они; вы вносите во внѣшній міръ отвлеченія вашего ума, они вносятъ изображенія своей фантазіи. Они, дикари, называли ихъ Богами, вы ихъ величаете Природами. Но ваши природы менѣе похожи на чувственный реальный міръ, чѣмъ ихъ боги, а потому вы, европейцы, болѣе глупы, и болѣе дики, чѣмъ они, фетишисты, которыхъ ругаете дикарями.

Интеллиг. Вы здорово бичуете насъ, ругаете, но ужъ на васъ сердиться и обидѣться не могу. Хотя не все понялъ, но кое-что поучительное вынесъ. И потому, чѣмъ дальше васъ слышу, тѣмъ больше я начинаю васъ уважать и преклоняться передъ вашей смѣлостью.

Вы величественны и достойны были бы увѣковѣченія въ мраморѣ, если вы, какъ анархистъ, не противъ этого. Вашъ гнѣвъ и сарказмъ напоминаетъ мнѣ гнѣвъ и сарказмъ іудейскихъ пророковъ, возставшихъ противъ язычества. Я вижу недовольство на вашемъ лицѣ. Я васъ понимаю. Пророки по вашему, навѣрное, дѣлали очень глупое дѣло. Разгромивъ одну глупость, создали еще худшую, ибо міръ единобожія по вашему еще болѣе вымышленный, болѣе лживый, подальше отстаеетъ отъ дѣйстви-

тельности, чѣмъ міръ язычества. Подобно этому вы все время утверждаете, что наука еще лживѣе религіи, что природа „глупѣе“ Бога. Это я какъ разъ понимаю. Но простите, товарищ или учитель (я кое-чему уже у васъ научился, и потому вправѣ такъ называть васъ, хотя я понимаю, что для васъ товарищ и учитель понятія равнозначущія), я отъ васъ отвѣта на вопросъ, будутъ ли писать у васъ научные труды, не получилъ.

Анарх. Я же вамъ говорилъ: будутъ.

Интеллиг. Но для чего?

Анарх. Для препровожденія времени, искусства ради; въ отличіе отъ изящнаго искусства, мы ее назовемъ „искусствомъ умнаго“. Научное умственное изображеніе міра, мірокартина, станетъ искусствомъ, какъ религіозное стало имъ, послѣ разочарованія въ его божественности т. е. реальности. Люди будутъ писать научные труды, статьи, какъ пишутъ сейчасъ поэмы, стишки, хотя ужъ люди давно перестали въ нихъ вѣрить.

Интеллиг. Да развѣ люди когда то вѣрили въ стихи?

Анарх. Еще бы. Послѣ архитектуры пошла и скульптура, за ней живопись, и скоро дошла очередь до поэзіи. Вы видите, человѣчество идетъ все, не приближаясь, а удаляясь отъ истины.

Разочаровываясь въ реальности одного вида искусства, оно не пошло обратно къ чувствамъ, а дальше, все заблуждаясь и испаряясь больше и больше. Конечно, передъ поэзіей лежитъ полоса вѣры въ прозу, эта вѣра въ обыкновенные миры. Конечно, поэзія лживѣе прозы, какъ скульптура—архитектуры и живопись—скульптуры. Но у людей былъ одинъ признакъ истины, чѣмъ дальше отъ нея, отъ реального, чувственнаго, тѣмъ **истиннѣе, сущностиѣе**. Человѣчество болѣло и болѣетъ маніей (духовной болѣзью) сущности-искательства, углубленія и „напряженія“. Когда ларчикъ просто открывается, да вообще крышки вовсе не имѣетъ, человѣчество все продолжало и продолжаетъ искать волшебныхъ ключей.

Анарх. Разсказать ли вамъ исторію съ открытымъ ларцемъ?

Интеллиг. Разскажите.

11.

Объ открытомъ таинственномъ ларцѣ.

Анарх. Стоялъ простой открытый ларецъ. Люди взяли изъ арца все, что имъ нужно было, взяли все, ибо въ немъ было все, и крышки на немъ не было и нѣтъ.

Такъ они жили счастливо и мирно, никому въ голову не пришло выдумать, что ларецъ закрытый. Но вотъ появились хит-

рецы желавшіе имѣть ларець въ свою только пользу, эти хитрецы были злыми колдунами, они ослѣпили всѣхъ и уговорили всѣхъ, что ларець то таинственный, закрытый, и для того, чтобы его открыть, требуется особый ключъ.

Съ тѣхъ поръ всѣ въ ослѣпленіи мучатся, бьются открыть таинственный ларець.

Кругомъ этого открытаго ларчика собрались всѣ мастера, ломаютъ себѣ голову, какъ бы ключъ измыслить, чтобы злосчастный ларчикъ открыть. Тысячелѣтія проходятъ за тысячелѣтіями, цѣлыя поколѣнія глупыхъ мастеровъ проводятъ свою жизнь на одномъ, на изобрѣтеніи ключика къ этому таинственному ларцу. Въ каждомъ поколѣніи появляется новый мастеръ съ новымъ планомъ, планъ плана хитрѣе, планъ плана затѣйливѣе, а вотъ люди думаютъ: этотъ ужъ навѣрное откроетъ, не даромъ онъ весь посѣдѣлъ, 60 лѣтъ все въ своей мастерской сидѣлъ,—все думы о ларцѣ раздумывалъ, все ключикъ къ нему мастерилъ. Шестидесятъ лѣтъ, что ли, даромъ похоронилъ среди нѣмыхъ стѣнъ. Такъ цѣлый родъ живетъ вѣрой въ своего мастера и въ смастеренный ключъ. Измышляются все ключи, ключъ ключа чудовищнѣе: въ простые ключи ужъ всѣ давно разувѣрились. Неужели ларчикъ, надъ открытіемъ котораго трудились всѣ мастера міра въ теченіе тысячелѣтій, откроешь отмычкой или простымъ ключемъ. Вотъ одинъ придумалъ ключъ, который нужно было, изъ-за тяжести его, нести вдвоемъ; для перемѣщенія другого ключа съ мѣста на мѣсто понадобилось ужъ пять человѣкъ. А послѣ ужъ цѣлая деревня, послѣ — городъ, затѣмъ — страна. Теперь работаютъ надъ такими колоссальными ключами, для которыхъ, въ цѣляхъ передвиженія, иридется запрячь все чело-вѣчество или нѣсколько чело-вѣчествъ, приглашая и сочувствующихъ нашему горемычному ключейскательству обитателей разныхъ планетъ. А между тѣмъ ларчикъ не то просто открывается, а по-просту стоитъ открытымъ: онъ крышки не имѣетъ, да никогда и не имѣлъ ея.

Интеллиг. Да какое же это отношеніе имѣетъ къ намъ, къ вопросу о наукѣ. Сознаюсь, притчу съ ларцемъ въ толкъ не беру.

Анарх. Какъ это вы не понимаете. Этотъ таинственный ларець это міръ. Вотъ онъ извѣки стоитъ открытымъ передъ нами, обращаясь къ нашимъ чувствамъ. Онъ простъ, не затѣйливъ, не хитеръ, онъ ни схоластикъ, ни казуистъ, ни эллинъ, ни іудей, ни христіанинъ, ни магометанинъ, ни браманистъ, ни буддистъ, онъ ни платоникъ, ни неоплатоникъ, ни аристотелианецъ, ни сократикъ, ни софистъ, ни декартистъ, ни спинозистъ, ни ньютонецъ, ни лейбницистъ, ни ламаркистъ, ни дарвинистъ, ни кантіанецъ, ни неокантіанецъ, ни гегельянецъ, ни шопенгауеристъ, ни позитивистъ, ни спенсеристъ, ни маркистъ.

Онъ старый простофіля. Вы ищите для него ключей, ключъ ключа мудренѣе, а онъ открытъ. Вы думаете, что онъ книга за семью печатями, а эта книга лежитъ открытой передъ вами, перелистываемой малѣйшимъ дуновеніемъ вѣтерка. Вы думаете, что онъ гдѣ то скрывается за горами, за лѣсами, въ таинственномъ полумракѣ, закутанъ сказочными туманами, а онъ подъ вашимъ носомъ, посреди бѣла дня, весь залитъ солнцемъ. Вы обращаете свой взоръ въ таинственныя дали безконечности, а онъ добродушно стелется подъ вашими ногами. Вы уподобляетесь, такимъ образомъ, тому колдуну, который хитрыми чарами искалъ клада на краю земли, не подозревая, что искомый кладъ былъ зарытъ тутъ же на мѣстѣ подъ его ногами.

Интеллиг. А какъ это чело-вѣчество все ключей-то ищетъ, а о ларчикѣ самомъ совсѣмъ и позабыло?

Анарх. А вотъ какъ. Какъ первый дуракъ или слѣпецъ пошелъ искать ключей для открытаго ларца, съ тѣхъ поръ никто ни разу о ларцѣ самомъ и не помышлялъ: времени жаль, все нужно ключи да ключи перебирать и измышлять, О ларцѣ свѣтъ слухомъ полонъ. Всѣ рассказываютъ о богатствахъ, которыя таятся въ его нѣдрахъ, всѣ про него разные чудеса рассказываютъ. Въ немъ, поговариваютъ, больше денегъ, чѣмъ у всѣхъ Ротшильдовъ и всѣхъ королей всего міра. И каждый каменотесъ, обливаясь потомъ, говоритъ другому, каждый углекопъ, задыхаясь въ глубинѣ земли, молвить товарищу: О, если бы ключъ къ ларцу нашли бы, давно бы мы всѣ королями жили на землѣ въ мраморныхъ дворцахъ. А бѣдняга отецъ, помирая, завѣщаетъ сыну: старайся ты, сынокъ, смастерить волшебный ключъ, можеть тебѣ суждено быть счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Послѣ этого, что мудренаго, что люди совсѣмъ позабыли про ларець, а заняты лишь одними ключами. Раньше еще, отъ времени до времени, съ новымъ ключемъ бывало къ открытому ларцу отправляются, тщетно пытаясь его отмыкать; но, наконецъ, и вовсе забросили всякую мысль о немъ. Сейчасъ одинъ ключъ, менѣе усовершенствованный, непосредственно замѣняется болѣе усовершенствованнымъ. Они ужъ даже забыли для какой конечной цѣли предназначены вообще ключи, все дѣло превратилось въ спортъ, въ азартную игру.

Интеллиг. Вѣдь вы сами говорите, что наука превратится въ искусство умнаго, значить въ игру интеллекта, къ чему вы, въ такомъ случаѣ, жалуетесь?

Анарх. Конечно, я ничего не имѣю противъ **игры**, потѣхи, пусть **тѣшатся**, но не обманываютъ; пусть ученые, пусть Геккели вымыслятъ „уйму“ мировыхъ загадокъ, пусть создадутъ себѣ, искусства ума ради, вволю таинственныхъ ключей для таинственныхъ ларцевъ, но пусть не дадутъ этихъ ключей голоднымъ;

пусть создадутъ себѣ, эти сказочники науки, отвлеченный міръ, міръ научной сказки, міръ научнаго миеа, никто имъ въ этомъ не помѣшаетъ, но пусть не смѣютъ сказками, бреднями своими кормить голодныхъ, обувать босыхъ. Ключемастерство, право, никому мѣшать не могло бы, если бы знали, что это дѣлается такъ, развлеченія ради. Совершенно безопасными были бы, если-бъ только эти міровыхъ дѣлъ ключемастера и игроки не внушили бы себѣ и другимъ, что они занимаются серьезнымъ чело-вѣчествомъ-спасительнымъ дѣломъ и не мнили бы себя мудрецами-оракулами, къ которымъ всѣ должны обращаться за совѣтомъ, а главное, не провозглашали бы, сознательно или безсознательно, продавая себя со своимъ знахарскимъ ключе-мастерствомъ, сильнымъ міра сего, королямъ, богачамъ и прочимъ угнетателямъ:

Всѣ голодные желудки, босыя ноги, голая тѣла, во имя ключейскательства, не бунтуйте! будьте терпѣливы и ждите того великаго дня нашего окончательнаго смастеренія волшебнаго ключа къ волшебному ларцу—и тогда мы всѣхъ накормимъ самыми лакомѣйшими блюдами, всѣхъ одѣнемъ въ шелкъ и золотыя сандалии—все таинственнымъ ключемъ изъ таинственнаго ларца.

12.

Не ходи въ церковь и не посылай сына въ университетъ!

Интеллигентъ. Теперь я васъ понимаю. Наука хороша лишь какъ забава, но эта „забава“ превращается въ „отраву“, когда думаешь или уговариваешь кого-нибудь питаться ею. Манна небесная прекрасное блюдо, но лишь въ сказкѣ, а не въ дѣйствительности, и потому кормить голодныхъ обѣщаніемъ манны небесной—преступно. Хорошо видѣть сны о райскихъ блюдахъ, но засыпая голодныхъ мечтами о нихъ, чтобъ отвлекать ихъ вниманіе отъ накрытаго, ломающагося подъ явствами стола, который стоитъ передъ ними, но недоступенъ имъ потому что объявляешь его своей собственностью, — болѣе чѣмъ преступно. Я ужъ много разъ слышалъ вашу проповѣдь, и она запала мнѣ въ душу, хотя временами начинаю опасаться, не выдохлась-ли душа ужъ давно и во мнѣ, ибо кругомъ я вижу все гуляютъ люди „бездушные“. Но во мнѣ жила когда-то живая, трепещущая душа, она болѣла обо всемъ и всѣхъ, она скорбѣла скорбью всего и всѣхъ—я былъ тогда студентомъ—душа не знала покоя, она все ныла, я ее старлся вырвать,

какъ больной зубъ: я видѣлъ всѣ кругомъ, такъ дѣлаютъ, но душа сидѣла во мнѣ такъ крѣпко, что вырвать ее можно было только съ жизнью, я и на это пустился. Покушался на самоубійство. Бездушные люди, не желавшіе и не умѣвшіе спасти меня отъ жизни, считали себя вправѣ спасти меня отъ смерти. Пришлось мнѣ мириться, вотъ я напялилъ на себя „внѣшнее бездушіе“, и когда во мнѣ плачетъ-рыдаетъ душа, лицо хихикаетъ, будто души нѣтъ, будто мнѣ наплевать на нее. Но вотъ я васъ видѣлъ, слышалъ, у васъ проглядываетъ сѣдина, и какой огонь горитъ въ васъ. Пламенемъ вашей души вы зажигаете и мою потухшую, сторбившуюся, какъ моя спина, душу. Она запылала, выпрямилась. Вы чудный душезажигатель, душекователь! Вы все отрицаете—а вы сами одно положительное. Воскресаетъ во мнѣ молодость, вѣра въ себя и въ другихъ. Неужели чело-вѣчество еще можетъ быть счастливымъ, какъ я мечталъ когда-то?

Анархистъ. Оно можетъ и будетъ. Оно сброситъ съ себя напускное бездушіе, оно вновь загоритъ желаніемъ счастья, счастья для всѣхъ, горячимъ желаніемъ и холоднымъ умѣніемъ пересоздать, пересоздать все, перестроить все. Оно броситъ все, броситъ бога, броситъ природы, броситъ религію, броситъ науку и возьмется за общество-строительство (соціотехнику), за строительство новой жизни. И раемъ станетъ адъ нашей жизни, раемъ станетъ земля сію минуту, въ настоящемъ.

Интеллигентъ. Когда говорите о будущемъ, вы арфа, скрипка, когда говорите о настоящемъ, вы колоколь, набатъ. Въ будущемъ—вы пастушеская свирѣль, въ настоящемъ—музыка топора. Въ будущемъ бисквитъ, въ настоящемъ динамитъ.

Анархистъ. Нѣтъ. Наше будущее въ настоящемъ. Выбирайте: бисквитъ или динамитъ, пальму или мечъ. Выбирайте: всеразрушеніе или всесозданіе.

Интеллигентъ. Я васъ понимаю, вы говорите: наука или техника! но нельзя-ли вмѣстѣ?

Анархистъ. Нѣтъ. Пока чело-вѣчество будетъ занята волшебными ключами, оно къ ларцу счастья не подойдетъ. Ему некогда, нужно испробовать ключи, нужно усовершенствовать ихъ; этотъ конкурсъ ключей никогда не закончится. Ключъ: „религія“ замѣнился ключемъ: „наука“, ключе-производство все растетъ да растетъ, работа кипитъ и идетъ во всю, соперниковъ много, не проходитъ дня безъ появленія на свѣтъ Божій новой разновидности ключа; и каждый новый ключъ, представляетъ собою все болѣе сложный механизмъ, чѣмъ предыдущій. На изученіе однихъ загибаній одного его зубца нужно потратить нѣсколько десятилѣтій—вотъ всѣ и занимаютъ этимъ благороднымъ дѣломъ. О простомъ открытомъ ларцѣ, откуда можно

черпать счастье пригоршнями техники, всё забыли. Чѣмъ сложнее ключъ, тѣмъ меньше шансовъ (основаній) для раскрытія обмана. Каждый прозрѣвшій, узрѣвшій открытость ларца, тѣмъ меньше довѣрилъ своимъ глазамъ, чѣмъ сложнее былъ ключъ, который былъ въ его рукахъ: „Неужели человѣчество съума сошло и придумало такой сложный ключъ для открытаго ларца, былъ бы ключъ, хоть бы простой, я бы думалъ мастеръ ошибся, но въ ключѣ моемъ я вижу плоды работы тысячелѣтій, его извилины—извилины изсохшихъ надъ его усовершенствованіемъ мозговъ геніевъ всѣхъ временъ и народовъ. Что я значу въ сравненіи съ ними; я пыль, ничтожество, букашка въ сравненіи съ этими гигантами ума. Нѣтъ, не они и весь міръ ошибся. Нѣтъ, ошибаюсь я. У меня, навѣрное, галлюцинація, обманъ зрѣнія. Нѣтъ, никому не скажу ничего: друзья будутъ смѣяться надо мною, въ сумасшедшій домъ попаду. Вотъ нащупаю рукою, обнаружится мой обманъ. Но, природа моя! что со мною, дурно мнѣ становится, въ обморокъ упаду. Вѣрить-ли глазамъ? неужели ларецъ, на самомъ дѣлѣ, открытъ. Нѣтъ, это обманъ чувствъ Удрать! рѣшено, никому ни слова объ этомъ. Это сонъ на-яву“.

Интеллегентъ. Былъ-ли это или сказка? Случилось-ли ужь, что человѣкъ съ открытыми глазами попалъ на открытый ларецъ?

Анархистъ. Еще бы! Но это осталось тайной нѣкоторыхъ жрецовъ Азии, нѣкоторыхъ философовъ Греціи, нѣкоторыхъ теологовъ средневѣковья и нѣкоторыхъ ученыхъ послѣднихъ временъ. Они умерли со своей тайной, но кто умѣетъ читать между строкъ найдетъ въ ихъ сочиненіяхъ величайшую трагедію ихъ жизни. Нѣкоторые умерли въ мукахъ сомнѣнія, растерзаемые, расточенные червемъ безначалія, безвѣрія, нигилизма; а нѣкоторые и знали, можетъ все, весь обманъ и ужасъ, но убоялись высказать это открыто: они не хотѣли быть ожаренными на кострѣ, не хотѣли быть замученными, поруганными и осмѣянными жрецами науки. Вѣдь человѣчество бѣшенныя деньги тратитъ на это влючеискательство и ключемастерительство. Скажешь слово—вотъ всѣ ключемастерители, живущіе на казенный счетъ, набросятся на тебя, заѣдятъ. Но вотъ пробилъ послѣдній часъ ихъ обмана. За разоблаченіе взялись анархисты, освободители человѣчества отъ рабства государства освободятъ его и отъ рабства религіи—науки, освободятъ его отъ пяти угнетеній и двухъ обмановъ.

Интеллигентъ. А если ученые вмѣстѣ съ духовенствомъ предпримутъ научно-религіозный крестовый походъ на васъ.

Анархистъ. Мы народъ отчаянный. Насъ не устрашишь. Смѣло мы вступимъ въ бой со всѣми темными и разбойничьими силами современнаго общества. Если намъ не страшны тюрьмы,

то тѣмъ болѣе наплевать намъ на гороховые громы, сыплющіяся на насъ съ кафедръ университетовъ и амвоновъ церквей.

Интеллигентъ. А что вы говорите народу?

Анархистъ. Народу мы говоримъ: не иди въ церковь и не посылай сына въ университетъ! Послѣднее намъ тѣмъ легче проповѣдывать, чѣмъ меньше угнетатели подозрѣвали атаки (нападенія) на нихъ съ этой стороны. Научный фронтъ они считали обеспеченнымъ настолько, что они даже не старались стянуть туда войско. Университетъ и науку они себѣ монополизировали для себя, для своихъ сыновей. Большое спасибо имъ за то, что не пустили туда народъ, вотъ его не успѣли околпачить наукой. А когда дурманъ религіи выдохнется, то новаго дурмана науки въ головѣ народа, весьма возможно, не окажется, и тогда пиши пропало надъ ихъ господствомъ. Угнетатели безсомнѣнно примутъ спѣшныя мѣры въ этомъ направленіи, они постараются насадить въ каждой деревнѣ университетъ съ профессоромъ, какъ насадили церковь съ попомъ.

Интеллигентъ. А развѣ когда то не было такъ.

Анархистъ. Конечно, нѣтъ. И религія, пока не угрожала рабовладѣльцамъ опасностью бунтовъ, была лишь удѣломъ высшихъ слоевъ. Распространеніе религіи среди народа, среди рабовъ, считалось запретнымъ. Женщинъ и рабовъ нельзя было учить закону. Такъ талмудъ, священная книга евреевъ, запрещаетъ женщинѣ заниматься торой (религіознымъ ученіемъ). Такъ оно и у индусовъ. Религія, слѣдовательно, была монополией угнетателей, высшихъ классовъ, она была привилегіей. Но какъ только рабы начали бунтоваться, то сразу религія опустилась, пошла въ народъ, „просвѣтитъ“ его, усмирить его, дѣлать его болѣе „деликатнымъ“ и мирнымъ. Эта исторія повторяется и съ наукой. Сначала ее также держали поодаль отъ народа, но когда народъ опять начинаетъ возставать противъ новыхъ формъ его порабощеній, противъ наемнаго труда, тогда начинаютъ спѣшнымъ порядкомъ „культивировать“ его, прививать ему науку, дѣлать его „образованнымъ“, „интеллигентомъ“, ибо нѣтъ лучшаго средства противъ Соціальной Революціи, нежели наука, какъ не было лучшаго средства противъ рабскихъ бунтовъ въ древнемъ мірѣ, нежели евангельская смиренность. Эволюціонное выжидательство науки точь въ точь старая проповѣдь религіи о смиренности.

13.

Обманъ христіанства и марксизма.

Интелл. Итакъ, религія и наука, по вашему, лишь средства обмана народа. Не такъ-ли?

Анарх. Конечно, такъ. Всѣ эти надчувственные міры религіи и науки придуманы, а если не придуманы, то, по крайней мѣрѣ, держатся благодаря тому, что отвлекаютъ вниманіе народа отъ реальной земли, отъ его голода и нищеты, къ заоблачному; къ заоблачному пространству и заоблачному времени, обѣщая ему жареныхъ рябчиковъ на небѣ (царство небесное) или въ будущемъ (царство будущаго).

Интелл. Такъ неужели все это одинъ и тотъ же обманъ?

Анарх. Безусловно. Обманъ христіанства и обманъ марксизма одно и то же. Оба они были сознательными или безсознательными, скорѣе безсознательными, шарлатанами, игравшими и играющими въ руку угнетателей.

Интелл. А почему ихъ преслѣдовали?

Анарх. Это лишь въ началѣ и по ошибкѣ. Пока угнетатели достаточно сильны, чтобъ не считаться съ народомъ, а народъ достаточно слабъ, чтобъ можно было имъ не считаться, они считаютъ „религію бѣдняковъ“, христіанство, вредной, какъ и „науку бѣдняковъ“, марксизмъ. Не лучше ли оставить народъ въ покоѣ, совершенно пренебрегая имъ. Къ чему будить спящее сознаніе? Къ чему оправданіе и освященіе рабства религіей, когда народъ и безъ того молчитъ. Не лучше ли совершенно не разсуждать съ нимъ; къ чему играть съ огнемъ? Эту „культуру рабства“, оправданіе его, будемъ держать для себя, она намъ нужна для успокоенія нашей совѣсти, для запугиванія и отпугиванія народа. Пусть онъ увидитъ издали нашу величественную недоступность, нашу близость съ богами, и пусть проникнется онъ благоговѣйнымъ трепетомъ передъ нами, избранниками боговъ и покровительствуемыми ими. Пусть боится насъ, пусть трепещетъ передъ нами.

Интелл. Да, такъ оно и было. Но какое это имѣетъ отношеніе къ наукѣ?

Анарх. Почему не понимаете! И съ наукой повторяется та же исторія. Раньше высшіе слои хотѣли ее имѣть лишь для себя, какъ оправданіе своего угнетенія. Во-первыхъ: „мы культурны, мы образованы, а потому мы должны властвовать. Мы носители культуры, а народъ — звѣрь, хамъ, его нужно держать въ ежовыхъ рукавицахъ, ибо если дашь ему волю, онъ разоритъ все, какъ свинья въ огородѣ, разоритъ искусство, разоритъ науку. Они же вандалы!“—Такое приблизительно ходъ мыслей первыхъ монополизаторовъ науки, весьма сходный съ тѣмъ, который былъ у древнихъ монополизаторовъ религіи. Народъ можетъ лишь осквернять, опозлять, и изгажать эту культуру, и поэтому подалеже отъ него. Такъ чуждается религія и наука народа до поры до времени—до вспышки первыхъ бунтовъ. Какъ только народъ начинаетъ бунтоваться, начинается тяго-

таться неволею, то къ нему стремглавъ бросается религія, какъ маскированное оправданіе рабства, въ древнемъ мірѣ, и во всѣ лопатки спѣшитъ къ нему наука, какъ оправданіе частной собственности и прочихъ мерзостей и угнетеній въ новомъ мірѣ, въ современномъ обществѣ.

Интеллиг. А что здѣсь помогаетъ наука?

Анарх. Вѣдь я уже объяснилъ: отвлеченіемъ вниманія народа отъ чувственного реального міра и реальныхъ интересовъ его въ настоящемъ мечтаю о какомъ то далекомъ счастьѣ въ концѣ временъ, когда придетъ мессія религіи (всѣ станутъ праведниками) или мессія науки (всѣ капиталы сконцентрируются).

Интеллиг. И такъ, царство будущаго и царство небесное, по-вашему, одинъ и тотъ же обманъ?

Анарх. Безусловно. Марксизмъ это новое научное христіанство, и ему, въ сущности, суждено завоевать буржуазный міръ обманомъ народовъ, обманомъ пролетаріата, какъ христіанство обмануло феодальный міръ.

Интеллиг. Мнѣ это не совсѣмъ ясно. Почему буржуазія вела до сихъ поръ борьбу съ марксизмомъ.

Анарх. А вотъ почему. Пока пролетаріатъ былъ слабъ, буржуазный міръ чуждался марксизма, но сейчасъ спасеніе буржуазнаго міра лишь въ одномъ марксизмѣ. Онъ призванъ спасти его. Онъ его спасаетъ, точь въ точь, какъ христіанство спасло помѣщичій (феодальный) міръ, не смотря на то, что Христосъ былъ распятъ рабовладѣльчески-феодальнымъ міромъ, и Марксъ былъ преслѣдуемъ и гонимъ буржуазнымъ міромъ. Это одинъ изъ любопытнѣйшихъ примѣровъ въ исторіи, гдѣ первоначальные мнимые враги узнаютъ впоследствии другъ въ другѣ истинныхъ друзей. Марксъ, въ сущности самый лучший другъ буржуазіи, ибо никогда еще никто не оказывалъ буржуазіи такихъ услугъ въ смыслѣ предотвращенія всевозможныхъ бунтовъ и вспышекъ. Марксъ „укротитель пролетаріата“. Онъ ввелъ въ берега легальности (законности) и парламентаризма клокочущее море рабочихъ возстаній. Онъ разъ навсегда, (какъ многимъ показалось) отрубилъ голову опасному утопизму, покончилъ съ „вредной“ страстью, съ естественнымъ желаніемъ видѣть свои идеалы осуществленными. Бакуинскій бунтъ низведенъ къ простому бумагоистребленію, къ фабрикаціи резолюцій и проч. пріемовъ европейской соціальной магіи, называемой бумажнымъ демократизмомъ. Попытки коренного и крутого переустройства общества были заброшены и окрещены особымъ презрительнымъ именемъ „утопія“. Мѣсто реального строительства жизни заняло писаніе разныхъ научныхъ книжекъ.

Реальное строительство (соціотехника) утопистовъ, вродѣ Оуэна, замѣнилось глупымъ разсудительствомъ. Далѣе, наука

врагъ народа была объявлена другомъ, защитникомъ пролетаріата. Задача пролетаріата заключается лишь въ томъ, чтобъ свои претензіи „обосновать“ научно, и тогда о нихъ позаботится ужъ самъ прогрессъ, эволюція, вообще боги науки. Преступная роль Маркса состоитъ именно въ томъ, что дѣтище, змѣенишь буржуазіи—науку—онъ бросилъ на грудь пролетаріата, гдѣ она присоалась крѣпко на-крѣпко.

Интеллиг. Ваши мысли просѣкаютъ и освѣщаютъ мнѣ жизнь, какъ молнія темную ночь. Но гдѣ же факты?

Анарх. Вамъ еще нужны факты. Вѣдь вся жизнь Европы одинъ фактъ, подтверждающій наши слова. Кто самый страшный врагъ соціальной революціи? нѣмецкая с.-д., носительница марксизма. Почему въ Германіи нѣтъ революціи, несмотря на свирѣпствованіе вильгельмовщины?

Интеллиг. Хорошо, что вы, наконецъ, договорились до волнующаго всѣ умы вопроса. Но любопытенъ вашъ отвѣтъ.

Анарх. Неужели вамъ еще нуженъ отвѣтъ. Неужели вы не видите, что тутъ марксизмъ и наука стоятъ поперекъ дороги, что они тормозятъ, губятъ всякое начинаніе. На грязной почвѣ марксизма выросли ядовитыя растенія патріотизма, изъ-за котораго вотъ уже четвертый годъ гибнутъ всѣ націи Европы и Америки. Разъ социализмъ откладывается въ долгій историческій ящикъ, называемый процессомъ, то приходится признать отечество, признать оборончество. Марксизмъ изъ-за его эволюционности вынужденъ былъ выродиться въ патріотизмъ. Въ царствѣ будущаго не будетъ права воевать, но пока мы здѣсь на грѣшной землѣ, мы должны „обороняться“, оборонять отечество.

Интеллиг. Такъ, по вашему, и разбойничья война, и мерзкое оборончество обязаны своимъ существованіемъ марксизму, а послѣдній, въ свою очередь,—наукѣ. Не такъ-ли?

Анарх. Оно безсомнѣнно такъ. Мы и видимъ, на нашихъ глазахъ совершается процессъ опощленія социализма, марксизма. Оба стали у насъ спасителями буржуазнаго міра отъ потопа. Вотъ такъ спасло нѣкогда христіанство древній міръ отъ краха. Такъ спасаютъ еще и понынѣ министры-соціалисты Европу и такъ недавно и Россію. Теперь спасителемъ является и бумажный коммунизмъ большевиковъ. Корень зла въ наукѣ и въ его пролетарскомъ представителѣ—марксизмѣ.

Интеллиг. Но развѣ всѣ эти реакціонеры марксисты?

Анарх. А кто нынѣ не марксистъ. Какъ говоритъ поговорка, когда воръ нуженъ, его снимаютъ съ висѣлицы. Распятаго Христа сняли съ креста съ большой помпой, когда онъ лишь понадобился для усмиренія рабовъ. Вотъ такъ нынче всѣ въ марксисты угодили, всѣ поголовно, и бывшіе его отчаянные противники. Черезъ нѣсколько лѣтъ или десятковъ лѣтъ марксизмъ

станетъ господствующимъ ученіемъ—міровоззрѣніемъ буржуазіи, какъ христіанство стало міровоззрѣніемъ феодаловъ.”

Интеллиг. А гдѣ признаки этой крутой перемѣны отношенія къ марксизму?

Анарх. Вотъ они на лицо. Всѣ с.-р. стали марксистами; всѣ умѣренные, всѣ кооператоры (на демократическомъ совѣщаніи) рядились въ марксистскія перья. Вся буржуазная пресса постоянно то и дѣло трубитъ о марксизмѣ, о научномъ социализмѣ. Даже Милюковъ въ предпарламентѣ въ своей рѣчи о внѣшней политикѣ (Рѣчь № 246, четвергъ, 19-го октября, 1917) защищаетъ „научный социализмъ“ отъ Ленина. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что единственное спасеніе отъ соціальной революціи это марксизмъ, это „научное евангеліе бѣдняковъ“; буржуазная наука именно и, главнымъ образомъ, опасна подъ маской дружелюбія и благоволенія къ народу. Такіе лицемѣрные друзья опаснѣе открытыхъ враговъ.

Интеллиг. Такъ христіанство и марксизмъ еще опаснѣе обыкновенной религіи и науки?

Анарх. Безусловно. Мы и говоримъ. Берегитесь отъ буржуазной науки, но еще больше отъ пролетарской науки. Берегитесь религіи—науки богачей, но еще больше религіи—науки бѣдныхъ, ибо религія—наука никогда не защищала и никогда не защититъ бѣдныхъ, а лишь обманываетъ ихъ, проводитъ и продаетъ ихъ богачамъ. Берегитесь волка, но еще больше, когда онъ въ овечьей шкурѣ.

14.

Волшебное зеркальце.

Интеллиг. Я со всѣмъ согласенъ, это все правда, но мнѣ кажется, вы немножко слишкомъ крайни. Правда, христіане и социалисты усыпляютъ народъ прибауткой о какомъ то небесномъ раѣ или будущемъ золотомъ вѣкѣ; но не лучше-ли красивый сонъ, чѣмъ мерзкая дѣйствительность?

Анарх. Но эти сны на-яву губятъ народъ. Въмѣсто того, чтобъ творить новую жизнь, онъ грезитъ о ней; передъ нимъ разбитое корыто, а онъ мечтаетъ о дворцахъ, и мирится съ корытомъ.

Интеллиг. Но пусть мечтаетъ, и то легче на душѣ становится.

Анарх. Нѣтъ. Преступно дать титану, могущему высѣчь себѣ дворецъ изъ скалы, карточный домикъ для забавы; колоссу,

могущему поднять на своихъ плечахъ земной шаръ, подать мячикъ для игры въ руки.

Интеллиг. А можетъ-ли онъ?

Анарх. Объ этомъ свидѣтельствуесть мячикъ и волшебное зеркальце, что въ его рукахъ. Пока онъ не можетъ, ему зеркальца не даютъ.

Интеллиг. Какое тутъ зеркальце?

Анарх. Марксистское.

Интеллиг. Не понимаю.

Анарх. Вотъ расскажу. Жили-были два брата, одинъ былъ лукавый и коварный, а другой честный, но простоватый. У нихъ былъ богатый домъ, садъ, поля, много скота, лѣсъ, но всѣ они работали, и отецъ, и мать, и двое сыновей-брата. Цѣлый день работали, вечеромъ иногда сказки сказывали, а больше всего въ зеркало смотрѣли. Въ то время—это было давно-давно—люди еще не знали, что такое зеркало. Во всемъ краю зеркала ни у кого не было. Но однажды у нихъ проѣдомъ остановился на ночлежку волшебникъ, а у него было зеркало. Всѣ такъ диву давались зеркалу, что никакъ не хотѣли отпустить волшебника. „Останься у насъ навсегда, мы тебя будемъ кормить самыми вкусными блюдами, лишъ бы зеркало осталось у насъ“. Волшебникъ не согласился, у него были какія то нечистыя или чистыя дѣла. Отецъ и всѣ домашніе такъ обступили и умоляли его, что тотъ, наконецъ, уступилъ имъ зеркало за нѣсколько быковъ. Большой праздникъ былъ тогда у нихъ. Волшебника задержали еще на нѣсколько дней, все пировали да пировали, зеркало стояло на столѣ, а каждая кружка вина, поднесенная къ губамъ, отражалась въ миломъ зеркалѣ. И радости и веселью не было конца. Уѣхалъ волшебникъ, всѣ скучали по немъ: то былъ сказочникъ, весельчакъ, какого на цѣломъ свѣтѣ не сыщешь. Но не уѣхала съ нимъ радость, зеркало осталось у нихъ. И все въ домѣ вращалось вокругъ зеркальца: ѣли, пили, ложились спать, вставали—все по зеркальцу. Посмотрѣлъ кто-то въ зеркальце, видѣлъ себя сонливымъ, пошелъ ложился спать, по-утру всталъ, посмотрѣлъ въ зеркальце, увидѣлъ себя бодрымъ, пошелъ на работу. Наконецъ то зеркало съ собою на работу взяли, поработали цѣлый день на полѣ, вотъ ужъ солнце садится, изнуренными подошли къ зеркалу, посмотрѣли въ него—потъ градомъ катится съ лица. Пора домой—скомандовалъ отецъ. Всѣ пошли. Такъ зеркальце стало центромъ ихъ жизни. Безъ зеркальца ни шагу. Безъ зеркальца ни до порога—сказалъ отецъ и согласились съ нимъ сыновья. „Знаете что, дѣтки, вы все бѣгаете къ зеркалу, оно стоитъ открытымъ на столѣ. Это не хорошо. Его кто-то можетъ утащить, оно можетъ, наконецъ, и упасть и разбиться, а вы видите безъ него мы ужъ жить не сможемъ, не

будемъ знать, когда ложиться, когда встать, когда работать, когда отдыхать“. „Такъ что же дѣлать“—спросили дѣти.—„Возьму его къ себѣ въ спальню, повѣшу на стѣну, прикрою, а когда надо будетъ мы пойдемъ къ нему, раскроемъ и посмотримъ“. „Хорошо“,—сказали дѣти, скрѣпя сердце, имъ больно не хотѣлось разстаться съ милымъ зеркальцемъ. Со слезами на глазахъ они унесли его въ спальню отца. Съ тѣхъ поръ наступили скверные дни для сыновей. Отецъ къ зеркалу никого не пускалъ, все самъ отправляется, раньше разрѣшилъ имъ, по крайней мѣрѣ, сопроводить его, а послѣ и того нѣтъ. А отецъ все приказываетъ дѣлать, во имя зеркала, чего не хочется. Посреди игры, баловства, отправляется въ спальню; а отсюда съ грознымъ приговоромъ: зеркало приказало сидѣть смирно или ложиться спать. Жизнь не въ моготу стала: отецъ все новые да новые приказы выдумываетъ. Взбунтовался однажды старшій сынъ, тотъ который такимъ лукавымъ былъ, и говорить отцу: „Знаешь батька, прошлую ночь всю напролетъ лежалъ да размышлялъ“.—„О чемъ? навѣрное о томъ, чтобъ сегодня не работать, — говорить отецъ—ты всегда на это гораздъ, Но знаешь-ли ты, — продолжаетъ отецъ—что зеркало накажетъ за это“. „Я знаю, — отвѣтилъ лукавый сыночекъ—это ужъ мнѣ не въ диковинку, ты ужъ меня здорово высѣкъ, такъ разиковъ десять, а все говоришь: зеркало велить. Когда захочешь сѣчь, то ужъ зеркало непременно повелить“.—„Какъ? ты смѣешь меня лгуномъ объявить“—съ кулаками набросился на него отецъ. Сынокъ какъ кошка вывернулся изъ-подъ его рукъ, а ужъ, стоя у двери, пробормоталъ: да все это дѣло мнѣ не вѣрится, зеркало такое маленькое, а всѣ предметы, все, весь міръ въ себѣ помѣщаетъ. Это чудновато!“ Сказалъ да улизнулъ.

Оставшись наединѣ, отецъ самъ простоялъ нѣсколько минутъ какъ бы ошеломленный; „да какъ же тутъ, на самомъ дѣлѣ, въ маленькомъ зеркалкѣ все помѣщается—вотъ бѣсенокъ! Лѣнтяй то отчаянный, а умъ то у него есть“. Думаетъ, думаетъ, а отвѣта все нѣтъ какъ нѣтъ. Плюнулъ, наконецъ, отецъ и ушелъ на работу. Старшаго сына въ полѣ не было. Вечеромъ отецъ пристаеетъ къ нему: почему на работѣ не былъ? А тотъ отвѣчаетъ: пока отвѣта не получу—работать не буду. Такъ прошло нѣсколько недѣль. Отецъ сердится, бьетъ, но все не въ прокъ, сынъ все одно твердитъ: дай отвѣтъ, а пока не дашь отвѣта работать не буду: я въ зеркало больше не вѣрю, это обманъ.

Увидѣлъ отецъ, что дѣлать нечего, подумалъ: поѣду къ ку-деснику, онъ навѣрное все знаетъ, у него получу отвѣтъ. Поѣхалъ отецъ. Долго ѣхалъ, все допытаться не могъ, гдѣ онъ живетъ. Наконецъ то его нашелъ. Зашелъ къ нему отецъ, ви-

дить всѣ стѣны завѣшаны зеркалами и зеркальцами, то маленькіе, то большіе, то въ золотой оправѣ, то въ деревянныхъ рамочкахъ. „Откуда и для чего у тебя столько зеркалъ?“ — спрашиваетъ отецъ. — „А вотъ, когда тебѣ подарилъ зеркало, то началъ думать: какъ мнѣ быть, я безъ зеркала жить не могу. Все мое волшебство было въ немъ. Но вотъ видишь зеркало меня наградило за доброе дѣло. Я думалъ, думалъ, наконецъ, рѣшилъ: пойду къ моему учителю, старику, живущему въ пустынѣ, онъ мнѣ его подарилъ, вотъ у него получу другое или научить меня, какъ дѣлать его. Прошелъ я деревни, села, города, по дорогѣ вижу нигдѣ зеркала нѣтъ, и люди живутъ слѣпцами, собственнаго носа не видятъ. Думаю себѣ: если бы ихъ всѣхъ надѣлить зеркальцами, какое это зеркало-угодное дѣло было бы. Добрался я наконецъ къ нему послѣ долгихъ скитаній и мытарствъ—онъ глубоко-глубоко забрался въ пустыню, чтобъ ему никто изъ смертныхъ не помѣшалъ бы уединиться и слиться съ великимъ зеркаломъ. Я подошелъ къ нему, а онъ ничего не видитъ и не слышитъ, стоитъ передъ громаднымъ зеркаломъ нѣмой и оцѣпенѣвшій: онъ весь ушелъ въ зеркало. Я стоялъ въ благоговѣйномъ трепетѣ и ждалъ. Смотрю на его лицо—оно блѣдно, какъ смерть, а въ губахъ ни капли крови. Другой бы думалъ, что онъ мертвъ и диву дался бы, какъ это мертвецъ на ногахъ стоитъ, но я уже зналъ его съ младыхъ лѣтъ: его не разбудишь, въ чувство не приведешь. Я стою и жду, весь дрожа. Такъ это обыкновенно было со мною всякій разъ, когда присутствовалъ при этомъ зрѣлищѣ. Но вотъ наконецъ, заалѣли губы, щеки, гдѣ-то задрожалъ мускулъ. И вотъ вскорѣ я уже слышу уста лепечуть: „я въ Тебѣ зеркало, и Ты во мнѣ“. Черезъ нѣсколько минутъ я уже говорю съ нимъ. „Зачѣмъ ты пришелъ, дорогой сыночекъ, меня беспокоить? Я за послѣднее время весь въ зеркало ушелъ, я живу въ Немъ, а Оно во мнѣ. Но я вдругъ почувствовалъ: что-то незеркальное, земное, около меня—я проснулся“. Такъ говорилъ старецъ. „Прости меня, учитель, зеркальный мужъ, я пришелъ за зеркаломъ“,—сказалъ я, благоговѣя. — „Вотъ тебѣ“—при этихъ словахъ онъ снялъ зеркало со стѣны и подалъ мнѣ. Тутъ я не вытерпѣлъ и заплакалъ. „Зеркальный мужъ—обращался къ нему—я проходилъ черезъ села, города, страны. Люди, народы живутъ безъ зеркалъ; они темны, невѣжественны. Научи меня дѣлать зеркала.“—„Ладно, научу тебя. Желаніе у тебя благородное,—говорилъ старецъ—я же не могу выйти изъ зеркала къ людямъ. Останься здѣсь. Научу“. Я остался. Нѣсколько мѣсяцевъ не ѣлъ, не пилъ, пока лицо не стало у меня такимъ же прозрачнымъ, какъ у учителя. Тогда онъ показалъ мнѣ, какъ и чѣмъ снять свое прозрачное лицо и вложить его въ зеркало. Сказать это никому нельзя, да,

впрочемъ, никто этого все равно не пойметъ. Чтобъ понять это, нужно самому быть зеркальнымъ или имѣть зеркальнаго учителя. Мы попрощались. Онъ мнѣ сказалъ: „дорогой сынъ, помни, зеркала всѣ бесплатно раздавай“. Я обѣщалъ. — „А ты, на самомъ дѣлѣ, ничего и не берешь?“—спросилъ отецъ:—„Нѣтъ, я беру“—говорить волшебникъ. „А какъ же это ты твоего учителя не слушаешься?“—„Ничего. Не могутъ же всѣ быть такими же зеркальными, какъ онъ. Раньше давалъ все бесплатно. Но охотниковъ до бесплатныхъ зеркалъ стало такъ много, что вынужденъ былъ назначить плату, сначала маленькую, потомъ большую.“— „А сколько ты примѣрно за этотъ большакъ просилъ бы?“— „Этотъ обойдется дорого. Къ чему онъ тебѣ?“—„Понимаешь, у меня сынокъ такой бѣсенокъ, спрашиваетъ, какъ это весь міръ въ маленькомъ зеркальцѣ помѣщается. Вотъ принесу большущее, небось, чертенокъ и повѣритъ.“—„Ладно! Если надо, то и уплатишь сколько надо“—говорилъ кудесникъ.

Привезъ отецъ большущее зеркало домой. Сперва, какъ сынокъ увидѣлъ его, онъ попалъ въ такой страхъ, что заплакалъ: „дорогой батяка, ужъ пойду на работу, ты только ему не говори, онъ такой большущій, и видъ у него такой грозный“. Однако, какъ прошло нѣкоторое время, свыкъся и говоритъ: „нѣтъ проку, что онъ большой, все-таки на стѣнѣ виситъ, а какъ въ немъ весь домъ помѣщается? Это обманъ!“
Разсердился опять отецъ, и давай бить. „Какъ, поросенокъ! и въ это большущее не вѣруешь, окаянный ты этакой!“ Вилъ отецъ, билъ, не помогаетъ. Опять поѣхалъ онъ къ кудеснику. А тотъ ни отвѣта, ни совѣта не даетъ. Отецъ пристаеетъ къ нему да говоритъ: „отдай деньги обратно, за большое зеркало я тебѣ цѣлое состояніе уплатилъ, отдай обратно или дай совѣтъ“. — „Знаешь что—говоритъ кудесникъ—поѣдемъ къ учителю, къ зеркальному, если онъ только живъ, онъ ужъ отвѣтъ дастъ, ибо онъ всевѣдущъ“. „Ладно!“—говоритъ отецъ—„хоть бы на край свѣта лишь бы отвѣтъ добыть, а то стыдно передъ сынкомъ. Все бьешь, да бьешь, а отвѣта не даешь“—такъ онъ меня укорялъ передъ отъѣздомъ.

Поѣхали—пошли они къ зеркальному, а тотъ на смертномъ одрѣ. Какъ увидѣлъ кудесникъ, такъ и заплакалъ. А зеркальный улыбаеся, лицо у него сіяетъ, будто на свадьбу собирается. „Сынокъ, чего же плачешь?“—онъ меня спрашиваетъ— „я ухожу туда, откуда пришелъ, изъ зеркала вышелъ, въ зеркало вернусь. Дай мнѣ руку твою, придвинь сюда зеркало поближе, и я тебя благословлю предъ смертью“. Кудесникъ дѣлалъ, какъ говорилъ зеркальный. Зеркальный впился глазами въ зеркало, зажалъ судорожными руками руку кудесника и сказалъ: „Сынъ мой! Никогда не забудь о зеркалѣ, ибо изъ него

все вышло и въ него все вернуть "... На послѣднемъ словѣ онъ оборвался, улыбнулся и скончался. Упалъ кудесникъ ницъ передъ зеркаломъ и вопить: „зеркало, зеркало, ты прими и мою душу, какъ душу моего учителя. Раскройся и я войду въ тебя"! Такъ плакалъ—рыдалъ онъ семь дней, валяясь на полу передъ зеркаломъ, на восьмой всталъ и сказалъ: „поди ты домой, отвѣть данъ тебѣ кончиной учителя, поселившася въ зеркалѣ. Я останусь тутъ, какъ прислужникъ зеркала-учителя".

Вернулся отецъ домой, въ благоговѣйномъ страхѣ рассказъ все виданное имъ сыну, говоря: „Убойся, сынъ мой, всемогущаго зеркала, ибо изъ него все вышло, и въ него все вернется. Вотъ почему въ немъ все помѣщается, ты ужъ самъ понимаешь: изъ него все вышло, потому все въ него обратно и входитъ".—Такъ и ахнулъ сынъ, пораженный мудрымъ отвѣтомъ отца. „Теперь ужъ понимаю"!— „Пойдемъ, помолимся ему, ибо ты много согрѣшилъ предъ нимъ",—говорилъ отецъ. Они пошли, помолились передъ зеркаломъ, говоря: „Всемогущее зеркало! Изъ тебя все вышло, въ тебя все вернется. Прими насъ дружелюбно въ себя, когда умремъ, какъ принимаешь насъ, когда спимъ и когда смотримъ въ твое всемудрѣйшее и все-свѣтлѣйшее лицо". Въ эту же ночь сынъ видѣлъ во снѣ, онъ весь вошелъ въ зеркало, только одна нога болталась, болталась снаружи, да такъ и осталась непринятой въ зеркало. Горько плакалъ сынъ передъ зеркаломъ нѣсколько дней подъ-рядъ, пока не увидѣлъ себя во снѣ, весь онъ въ зеркалѣ!

Такъ укрѣпилась вѣра въ зеркало и въ душѣ сначала вольничавшаго лукаваго брата, и сталъ и онъ послушнымъ сыномъ, безропотно исполняя всѣ приказы—капризы отца отъ имени зеркала.

15.

Что это за зеркальце?

Интеллиг. Простите, товарищ—учитель, что прерываю васъ; сказка настолько захватывающая, что, вѣрьте, я совершенно забылъ, къ чему все это клонится. Не будете ли вы столь добры разъяснить: что это за зеркальце?

Анарх. А вы, на самомъ дѣлѣ, не понимаете или прикидываетесь?

Интеллиг. Я, конечно, что-то смекаю, но, во всякомъ случаѣ, не помѣщаетъ мнѣ ваше разъясненіе.

Анарх. Но я хотѣлъ бы раньше окончить сказку.

Интеллиг. Нѣтъ. Не могу дожидаться. Послѣ продолжите. Сейчасъ объясните.

Анарх. Зеркало это религія—наука, зеркальце это богъ—природа. Религія и наука отражаютъ, изображаютъ міръ въ себѣ. Но онѣ лишь обманъ, онѣ не міръ, а иллюзія (призрачное, кажущееся) міра. Когда мы смѣемся, то смѣется зеркало, когда плачемъ, то плачетъ и зеркало. Но глупые люди думаютъ, что мы смѣемся, потому что смѣется зеркало, мы плачемъ, потому что плачетъ зеркало. Мы смѣемся по законамъ науки и плачемъ по законамъ науки, работаемъ по законамъ науки и отдыхаемъ по законамъ науки, мы идемъ спать и встаемъ по законамъ науки. Значитъ все совершается по зеркалу, которое мы создаемъ собственными руками. Раньше это зеркало, принимаемое за реальность, была религія, сейчасъ наука. Раньше этимъ зеркаломъ была, какъ ужъ указалъ, архитектура, послѣ скульптура, затѣмъ живопись и т. д. подъ конецъ этимъ реальнымъ зеркаломъ была лирика псалмовъ, далѣе притчи, еще позже своеобразная смѣсь притчъ полу-лирическихъ (душеизливательныхъ) и полу-умственно-разсудительныхъ (дидактическихъ и интеллектуальныхъ)—это реальное зеркало Евангелія. Раньше, въ общемъ, этимъ зеркаломъ было наше воображеніе (фантазія), а послѣ этимъ бываетъ нашъ умъ (интеллектъ). За перечисленными разновидностями фантастическихъ зеркалъ тянется цѣлая вереница разновидностей умственныхъ зеркалъ, тутъ метафизика, схоластика, дедуктивный методъ, индуктивный методъ, экспериментальный методъ, англійская наука, нѣмецкая наука, примирительная средняя между обѣими крайними: англо-нѣмецкая, и проч. и проч., какъ видите, разновидностей безконечное множество, но одно обще всѣмъ, такъ или иначе, въ той или иной мѣрѣ, въ такой или другой формѣ, зеркалу приписывается извѣстная степень реальности.

16.

Предшествованіе зеркала міру.

Интеллигентъ. А какой смыслъ зарождающагося вопроса сына о помѣщеніи всего въ зеркалѣ?

Анархистъ. Сначала, вообще, слабо разбираются, гдѣ кончается зеркало и гдѣ начинается дѣйствительность; зеркало и дѣйствительность, религія—наука и міръ, богъ—природа и вселенная отождествляются или путаются вмѣстѣ. Когда вырастаетъ, проявляется сознаніе различности зеркала и дѣйствительности, то появляется вопросъ о зависимости одного отъ другого. Въ этомъ отношеніи религіи и наука проявляютъ одинаково упорство и склонность утверждать, что зеркало было передъ міромъ,

и что міръ произошелъ изъ зеркала. Такъ индусы вѣруютъ, что міръ сотворенъ по Ведамъ, и что книги Ведъ, такимъ образомъ, предшествовали міру и служили ему началомъ. Такъ вѣровали и іудеи, какъ показываютъ стихи изъ притчъ Соломона, гдѣ ясно говорится, что мудрость, т. е. тора, была любимымъ занятіемъ, игрою бога передъ сотвореніемъ міра*), и Талмудъ устанавливаетъ это твореніе міра богомъ по торѣ самымъ рѣшительнымъ, неоспоримымъ образомъ, давая торѣ такую реплику (рѣчь): „Богъ смотрѣлъ въ меня и сотворилъ міръ, какъ архитекторъ смотритъ въ планъ“. Значитъ міръ созданъ „по зеркальцу“.

Интеллигентъ. Прямо не вѣришь, чтобъ люди вѣрили въ такой сумбуръ. Однако, не думаю, чтобъ и современные люди могли договориться до такихъ глупостей. Только религіозные фанатики, суевѣры, дикари, съ перевернутыма мозгами, были способны на это.

Анархистъ. Погодите, товарищъ. Не расходитесь такъ. Вы преждевременно выместили свою злобу на религіозныхъ дикарей.

Интеллигентъ. Да неужели вы меня уговорите, что и въ Европѣ были или находятся такіе сумашедшіе, конечно, не думаю среди невѣжественныхъ массъ, женщинъ и дѣтей, а среди просвѣщенной интеллигенціи.

Анархистъ. Вы ужъ много разъ провалились съ трескомъ съ вашей то интеллигенціей.

Интеллигентъ. Надѣюсь, однако, что на сей разъ меня судьба помилуетъ.

Анархистъ. Нисколько. Вотъ вамъ тѣ же разсужденія, тотъ же, какъ вы его называете, сумбуръ, не то среди интеллигенціи, а среди столповъ европейской науки.

Интеллигентъ. Неужели? какъ это я никогда не замѣчалъ?

Анархистъ. Вы сами тонете въ этомъ сумбурѣ, въ этомъ духовномъ болотѣ. Посмотрите, не говоритъ ли наука, не повторяетъ ли она ту же нелѣпость, за которую любой изъ ея приверженцевъ заслуживаетъ попасть въ сумасшедшій домъ, что міръ созданъ по зеркальцу, да еще по какому, по новенькому, только что сфабрикованному, — вы слышите, что они говорятъ: вѣчный міръ созданъ по зеркальцу, которому всего годиковъ десять, а иногда пять, а нерѣдко и того нѣтъ. Вѣчный міръ созданъ по законамъ механики, только что испеченнымъ семнадцатымъ или восемнадцатымъ вѣкомъ, т. е. по зеркальцу европейскаго производства послѣднихъ столѣтій. Этотъ бредъ называется теоріей Канта и Лапласа.

*) Притчи Соломона VIII, 22—32.

Интеллигентъ. Товарищъ! Мнѣ становится страшно за нашу европейскую ограниченность, за нашу духовную слѣпоту и варварство. Въ такомъ случаѣ, мы же тѣ самые дикари древности, которые думали, что міръ произошелъ какъ они, т. е. родился. Небо родило солнце, землю или наоборотъ, земля родило небо. Мнѣ страшно за собственную ограниченность. Я сколько разъ читалъ эти миѣны, и сколько я ни старался доказать себѣ, что это миѣны сказки лишь для насъ, а для древнихъ это было абсолютнѣйшей истиной, мнѣ все-таки не вѣрилось, что люди когда-то это приняли въ серьезъ. А между тѣмъ я вижу, что я самъ такой же дикарь, вѣдь столько разъ я читалъ о канто-лапласовской теоріи неба, да о другихъ космогеническихъ (міропроисходительныхъ) системахъ и — стыдъ и срамъ! — принялъ ихъ въ серьезъ, не подозрѣвая даже обмана, не понимая, что, какъ вы это говорите, они преподнесли мнѣ свое только что сфабрикованное зеркало, отражающее, худо-ли, хорошо-ли, предметы своей среды, жизнь своего времени, рекомендуя его (т. е. свое зеркало) мнѣ, какъ міровое начало. Но скажите много-ли такихъ примѣровъ, примѣровъ обмана?

Анархистъ. Ихъ не счесть, ими изобилуетъ наука, которая въ сущности, одинъ такой обманъ. Вотъ, на примѣръ, консерватизмъ англійской жизни, ихъ тяга къ обычаямъ, къ принятому, установленному, возводится наукой во вселенскій принципъ: инерція. Искусность и процвѣтаніе ихъ коннозаводства подается намъ въ видѣ „естественнаго подбора“, т. е. міръ мыслится, какъ великій коннозаводчикъ. Старая англійская неповоротливость, реформированная, подталкиваемая американской суетливостью и подвижностью, преобразуется изъ инерціи, изъ неподвижности, въ эволюцію, въ медленную подвижность. Подвижность нѣмецкаго духа и энергичность нѣмцевъ возводится Майеромъ опять-таки въ міровое начало: энергія, получая свое округленіе и завершеніе у Оствальда. Такъ національныя особенности алглличанъ и нѣмцевъ, ихъ національный обликъ изображается въ видѣ мірового начала, въ Природы.

Глупы были предки,
Глупы нынѣ дѣтки,
Далеко ушли-ли отъ отцовъ?

(Бр. Гордины. Красное знамя и Черное знамя. „Буревѣстникъ“).

Вмѣсто національныхъ боговъ — національныя природы. Какъ Зевсъ былъ типичный грекъ и Іегова типичный іудей, такъ нынѣ Инерція — Эволюція типичнѣйшій Джонъ-Булъ, а энергія — типичнѣйшій Микель. Какъ религіозный антропоморфизмъ (человѣкоподобіе) божества развѣтвлялся въ эллиноморфизмъ (напо-

добіе грека) и іудеоморфізмъ (наподобіе іудея), такъ и современнй научнй антропоморфіамъ имѣеть своихъ двѣ главныхъ разновидности: англорморфізмъ, т. е. природа на подобіе англичанина и германоморфізмъ, т. е. природа на подобіе нѣмца. Первая старше, вторая моложе, какъ англійская и нѣмецкая нація вообще.

Интеллиг. Я пораженъ вашими словами. Неужели мы опять попались въ ту самую ловушку религіи?

Анарх. Конечно. Но это не ловушка религіи, а ловушка субъективности. Вглядитесь хорошенько и вы узнаете въ богѣ современности, въ природѣ, свой собственный человѣческой образъ. Первымъ дѣломъ въ ней существуютъ законы, точь въ-точь государство наше. Законы природы это же, въ сущности, копія нашихъ государственныхъ законовъ, мнящихъ себя быть копіями законовъ природы. Такъ это было и въ старину. Законы свѣтилъ небесныхъ у ассириянъ и вавилонянъ, въ сущности, были копіями законовъ земныхъ, законовъ ихъ государства, но они воображали какъ разъ наоборотъ: законы земные считали „небесными“, т. е. копіями законовъ свѣтилъ. Они и старались подогнать ихъ подъ воображаемые ими законы свѣтилъ, дѣлая свою юриспруденцію „небесной“, звѣздной (астрологической). Такъ, на примѣръ, у евреевъ юриспруденція талмуда также считается божественной, законы даны Моисею богомъ на горѣ Синаѣ (halacha lemoshe misinai), значить небесные. Рядомъ съ небесными законами существуетъ и небеснй милитаризмъ, копія земного. Ангелы это позднее войско бога, но раньше войскомъ бога были звѣзды: когда богъ былъ—небомъ, то звѣзды естественнѣе его солдаты. По-библейски звѣзды и называются „Цабба гашамаим“, т. е. войско небесъ, и богъ самъ главнокомандующій, называется потому Савваоѣ (военный). Однако, по извращенному пониманію людей, сводящему чувственное къ отвлеченному, являющемуся лишь жалкимъ отраженіемъ его, войско земное считалось небеснымъ, „божьимъ“. Таковъ ужъ рокъ, тяготѣющій надъ нами. „Мотивы“, поступки человѣка превращались, благодаря нашему антропоморфізму, въ „причины“, однако мы считаемъ ихъ жалкимъ отраженіемъ причинности. Человѣкъ выдумалъ причинность, что ничего не происходитъ безъ причины, безъ основанія, только благодаря тому, что онъ зря, безъ достаточнаго основанія, ничего не дѣлаеть, а послѣ объявилъ, что онъ долженъ имѣть основаніе для своихъ поступковъ лишь по одному тому, что въ мірѣ все „на основаніи“.

Интеллиг. Я не во все вникаю, но одно мнѣ ясно, что я страшно глупъ. Мнѣ прямо стыдно, я краснѣю за свою ограниченность. Какъ это я продолжалъ до сихъ поръ вѣрить, что тора, брама, физика Ньютона создали міръ! Мнѣ страшно за свою глупость!

Анарх. Вы напрасно волнуетесь. Развѣ вы виноваты, что васъ обманули, что васъ опутали ложью. Вамъ говорили—вотъ тебѣ видѣнія, пророчества, ученія, теоріи, системы нашихъ зеркальныхъ или зеркалотолкователей. Вамъ заранѣе внушили благоговѣніе передъ ихъ ясновидѣніемъ, съ младыхъ лѣтъ прививали вамъ вѣру въ зеркало, приучали васъ смотрѣть на прислужниковъ зеркала, какъ на зеркальныхъ пророковъ, ясновидцевъ, геніевъ, открывателей. Не вы виноваты, что ваши зеркалопоклонники, зеркаловѣщатели оказались шарлатанами или дѣтьми. Вашъ грѣхъ вы легко можете искупить, самъ познавая истину и поучая другихъ. Старайтесь быстрѣе выпутаться изъ этой сѣти лжи и идите освобождать другихъ. Идите ко всѣмъ людямъ, народамъ и говорите имъ: васъ обманули, васъ одурачили! Будите уснувшую мысль, сѣйте сомнѣніе, жните отрицаніе. Помогите слабымъ выкарабкаться, ибо сѣть сильна, ее соткали ловкіе шарлатаны или необыкновенные дураки, недаромъ же они заслужили имя геніевъ.

Интеллиг. Для того, чтобы другимъ помогать, нужно самому быть сильнымъ. А я, нечего грѣха таить, самъ одной ногой въ сѣти пребываю. Объясните еще разъ сказанное, если не надоѣло.

Анарх. Вотъ вамъ яснѣе яснаго. Зеркало отражаетъ лишь предметы, окружающіе его въ данное время. Оно даже не отражаетъ предметовъ, которые тутъ были на этомъ же мѣстѣ раньше. Тѣмъ болѣе оно не можетъ отражать тѣхъ предметовъ, которые были до того времени, когда оно было сдѣлано. А что ужъ говорить о томъ, что бессмысленно утверждать, что оно отражало въ себѣ предметы прежде чѣмъ они (т. е. предметы) были сдѣланы.

Интеллиг. Конечно такъ оно и есть. Но какое это имѣеть отношеніе къ религіи и наукѣ?

Анарх. А вотъ какъ. Міръ родился—сказалъ первый древнй дикарь. Но вѣдь рождаются лишь нынѣ въ мірѣ, нынѣ, когда уже есть міръ, но когда не было еще міра, то, очевидно, не могло быть рожденія. Когда не было предметовъ, то не могли же они отражаться въ зеркалѣ.

Міръ не былъ рожденъ, а сдѣланъ, говорилъ второй дикарь; не рожденъ, какъ дитя, а сдѣланъ, какъ столъ или платье и т. п. Но тутъ кроется та же ошибка, которую мы указали выше: когда не было міра, то вѣдь не было ни плотника, ни столяра, чтобъ они могли строить міръ.

Міръ произошелъ по законамъ механики, т. е. по тѣмъ законамъ, которые мы вкладываемъ въ наши машины, наши механизмы. Такъ говорить ужъ третій дикарь, европейскій. Но вѣдь опять-таки ясно, что пока не было міра, то законовъ механики и подавно не было. Помилуйте, когда еще не было предметовъ, то не

могло же быть отраженія предметовъ. Но люди имѣютъ умъ и не понимаютъ, имѣютъ уши и не слышатъ, не слышатъ, что говоритъ ихъ собственный ротъ.

Что такое зеркало, если не отраженіе предметовъ, какъ же могло быть отраженіе предметовъ до ихъ существованія?! И что такое законы механики—если не отраженіе, рисунокъ, еще меньше, **символическая схема** нашихъ машинъ. И вотъ люди, именующіе себя геніями и учеными, а, въ сущности, глупцы или шарлатаны, гордятся такою чушью, что символическія (уродливы ли онѣ или нѣтъ—этотъ вопросъ оставимъ пока) схемы нашихъ машинъ, т. е. которыя они втолковываютъ въ машины, ибо машины были изобрѣтены, созданы по чисто практическимъ, ненаучнымъ, техническимъ планамъ,—что эти схемы были не только передъ машиннымъ производствомъ, но и передъ міромъ, и что по нимъ произошелъ міръ! Такъ индускіе глупцы вѣровали и вѣруютъ, что богъ создалъ міръ, напѣвая или декламируя гимны Ведъ, составленные въ седьмомъ потѣ семьями древнихъ поэтовъ; такъ іудейскіе и еврейскіе глупцы вѣровали и вѣруютъ, что богъ создалъ міръ, читая первую главу книги Творенія; христіане думали и до сихъ поръ думаютъ, что вначалѣ, до сотворенія міра „было слово“ и слово было передъ богомъ. Такъ европейскіе „культурные“ глупцы вѣруютъ, что міръ произошелъ по законамъ, вымышленнымъ Галилеемъ или Ньютономъ. Міръ произошелъ изъ зеркала, а не наоборотъ—такъ вѣровало и до сихъ поръ вѣруетъ все человѣчество.

17.

Откровеніе зеркала и открытіе въ зеркалѣ.

Интеллиг. Но вѣдь Галилей и Ньютонъ увѣряли и вѣрили, что они законовъ не измышляли, а заимствовали, похитили, „открыли“, раскрыли въ природѣ.

Анарх. Но развѣ строители (такъ называютъ себя поэты Ведскихъ гимновъ, не менѣ потѣвшіе надъ измышленіемъ своихъ образовъ, надъ сравненіемъ бога съ быкомъ или коровой, чѣмъ Галилей и Ньютонъ надъ своими сочиненіями и законами) гимновъ Ведъ не говорили, вѣрили, что не они поютъ, а въ нихъ поетъ богъ, что гимнъ, пѣсня исходитъ изъ бога, гдѣ она жила съ начала временъ, создавая когда-то и продолжая создавать, поддерживать и вліять на міръ?! Развѣ не такъ вѣрилъ Гомеръ и всѣ поэты Греціи, развѣ они не говорили, что Музы нисходятъ съ Олимпа и поютъ ихъ устами и лирами. Развѣ не такъ вѣрилъ Моисей или поэтъ библии, когда, гово-

рилъ: „Внемли земля, ибо богъ говоритъ“. Развѣ не такъ говоритъ Іеремія: И богъ протянулъ руку и дотронулся до моихъ устъ и сказалъ богъ ко мнѣ: „вотъ я вдохнулъ свое слово въ уста твои“ (I, 9). И развѣ мы не видѣли, какъ Магометъ на глазахъ всего міра считалъ себя пророкомъ, наивно вѣруя, что вымыслы своего воображенія исходятъ не изнутри, а извнѣ, отъ бога. Что удивительнаго въ томъ, что юридическія науки, галлюцинаторы ума, бѣснующіеся теоретики, объявляютъ свои бредни или свои дѣйствительно умныя вещи „открытіями“; что удивительнаго, что одержимые маніей измышленія отвлеченностей принимаютъ плоды своего ума за открытія, т. е. исходящее изнутри за найденное внѣ.

Интеллиг. А чѣмъ, по вашему, были пророки и другіе основатели религіи?

Анарх. Поэты-художники, принимавшіе свои образы за реальныя предметы, или простые фантазеры, считавшіе свои фантазіи дѣйствительными, ибо въ то время люди еще не умѣли различать между образомъ и предметомъ. Поэтому они и считали свои произведенія божественными, т. е. зеркально-реальными. Это эпоха, когда люди всякое отраженіе въ зеркалѣ фантазіи приняли за реальный предметъ.

Интеллиг. А вѣдь послѣдующія поколѣнія приписывали имъ особый даръ пророчества и основателямъ религіи—особыя сношенія съ богами, называемыя откровеніями.

Анарх. Это, когда люди поумнѣли настолько, что имъ не хотѣлось больше вѣрить въ образы, въ поэтическія произведенія, понимая ихъ произвольную измышленность, и все-таки были настолько глупы, что не могли, не смѣли порвать со старымъ, отречься отъ этой древней, претендовавшей на истинность, т. е. на божественность, поэтической литературы, тогда они выдумали для примиренія старой культуры и старыхъ боговъ съ новыми трезвыми своими взглядами, специальное **откровеніе**. Не всякое, молъ, отраженіе въ зеркалѣ есть реальность, да и, наоборотъ, можно сказать, что всякое отраженіе въ зеркалѣ есть призракъ, но это все у насъ, грѣшныхъ простыхъ людей, у предковъ же были особаго рода зеркала и особаго рода отраженія. Такъ рассуждали люди для спасенія вѣры отцовъ, вѣры въ зеркало, тогда, когда утвержденіе старой невинной вѣры въ простую реальность зеркала уже болѣе не представлялось возможнымъ.

Интеллиг. Такъ въ чемъ же была ихъ ошибка, вѣдь предки, въ дѣйствительности, считали отраженія откровеніями?

Анарх. Да, такъ оно и было. Наивные люди считали отраженія въ зеркалѣ божественнѣе, т. е. истиннѣе, реальнѣе, „предметнѣе“, чѣмъ сами предметы внѣ зеркала. „Предметъ“ въ зер-

калъ считался откровениемъ, открывшимся въ зеркалъ. Еще болѣе, чѣмъ „зеркальнѣ“ предметъ, тѣмъ божественнѣе, реальнѣе онъ, напр., отраженіе отраженія считалось реальнѣе отраженія и т. п. Поэзія считалась болѣе „реальной“, болѣе истинной, чѣмъ проза, проза—чѣмъ живопись и т. д.

Ровно такъ же у насъ, чѣмъ строго-научнѣе, чѣмъ отвлеченнѣе наука или теорія, тѣмъ истиннѣе, т. е. реальнѣе она считается. И потому, когда люди разочаровались въ архитектурѣ, скульптурѣ, живописи и эпикѣ, они перешли къ вѣрѣ въ лирическую прозу, и послѣ въ чистую лирику, что означаетъ перешли отъ болѣе реальнаго, болѣе чувственнаго язычества съ его множествомъ, многобожіемъ (политеизмъ) къ менѣе реальному юдаизму съ его единобожіемъ (монотеизмъ). Іудеи и запретили всѣ виды художествъ, считая ихъ уже не божественными, ложными, нереальными, но способными еще обмануть темный народъ, и провозгласили божественнымъ, реальнымъ лишь одинъ видъ искусства, самый отвлеченный, а именно: словесное искусство. Эта отвлеченность и дала имъ возможность свести сравнительно болѣе реальное разнообразіе міра (язычество, многобожіе) къ болѣе вымышленному однообразію (единобожіе). Но когда іудеи начали разочаровываться въ истинности лирики (пророчествъ и псалмовъ), они перешли къ переходной ступени между фантастическимъ (вообразительнымъ) и интеллектуальнымъ (умственнымъ). Тогда родились притчи (ложно приписанныя Соломону): эта эпоха длилась до Евангелія включительно. Но наряду съ этимъ у іудеевъ назрѣвала новая вѣра, вѣра въ интеллектъ (умъ, разумъ). Ее представляли фарисеи, которыхъ такъ много ругалъ и такъ мало понялъ Христосъ. Эта эпоха была велика своимъ отрицаніемъ. Христосъ, какъ не мудрствовавшій лукаво, въ виду разочарованія народа въ пророчествѣ и лирикѣ, прямо наотрѣзъ отрекся отъ библии, говоря иногда лишь двусмысленно, когда его прижимали къ стѣнѣ старые фанатики. Какъ народникъ же, вѣрнѣе, какъ выходецъ изъ народа, стоявшій немного выше его въ умственномъ отношеніи, онъ вѣрилъ еще въ притчу. Онъ потому и училъ народъ притчами, и основалъ свое ученіе на притчахъ. Фарисеи же, какъ интеллигенты и ученые, переросшіе уже и степень вѣры въ притчу и потому такъ издѣвавшіеся надъ Христомъ, но, съ другой стороны, не имѣвшіе ни мужества, ни желанія порвать съ прошлымъ, какъ честный притче-сказчикъ Христосъ, выдумали „откровеніе“. Тутъ оказалась пагубность гибкости интеллекта (ума). Притча, народная полуразсудительность, стала въ оппозиціи къ библии, а казуистика, интеллигентская чистая разсудительность, начала ее истолковывать, превративъ наивное творчество библии въ влязу талмуда. Продукты лирической фантазіи перерабаты-

вались въ продукты (произведенія) интеллекта. На такое крючкотворское толкованіе, на такую изощренную лживость и способенъ умъ и его представитель—интеллигенція, фарисеи. Для собственныхъ измышленій, произведеній, для талмуда, ему не требовалось откровенія; это опять произошло у всѣхъ на глазахъ, у людей смертныхъ, но одаренныхъ изощреннымъ умомъ; всѣ присутствовали при этой стряпнѣ въ умственной кухнѣ, однако, никто, какъ и сами повара, не усумнились въ божественности (т. е. истинности, реальности) стряпанныхъ блюдъ, точь въ точь, какъ раньше въ Іудеѣ никто не сомнѣвался въ истинности словъ пророка или псалмопѣвца, хотя стояли тутъ же при немъ у подошвы горы, холма или другой возвышенности, и никакого особаго откровенія какого-нибудь Іеговы (или музы какъ у грековъ) не замѣчали. Почему никто не сомнѣвался въ божественности перваго въ свое время и втораго въ свое время? А вотъ почему. Во время пророковъ іудеи вѣрили въ истинность поэзіи, именно лирической. Во время фарисеевъ—танаитовъ—кляузниковъ, іудеи вѣрили въ божественность, т. е. истинность ума, а именно въ казуистику (особаго рода захожденія ума за разумъ). Тутъ какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ, не требовалось никакихъ особенныхъ доказательствъ, особенныхъ сверхъестественныхъ признаковъ божественности, какъ мы не требуемъ отъ профессора, читающаго лекціи по естественнымъ наукамъ особыхъ уполномочій отъ природы, и хотя всѣмъ хорошо извѣстно, что онъ, а не природа, составляетъ эти лекціи, а законы вымышлены имъ, а не природой, естествомъ, мы свято вѣруемъ, что его измышленные законы являются „открытіями“, законами природы, а не законами профессора. Характерно, что ни они, ни мы не видимъ никакого противорѣчія въ понятіяхъ: законы Моисеевы и законы бога, законъ Ньютона и законъ природы. И какъ іудеи не спрашивали себя: если Моисея, то не бога, а если бога, то не Моисея, такъ и мы не спрашиваемъ: если это Ньютона, то не природы, а если природы, то не Ньютона. Плоды интеллекта Ньютона мы считаемъ законами природы, а плоды фантазіи Моисея считали и многіе до сихъ поръ еще считаютъ законами бсжьими.

Интеллиг. Но вѣдь Ньютонъ не зря измышлялъ законы, онъ же изслѣдовалъ природу?

Анарх. А Моисей тоже не зря измышлялъ законы, онъ ихъ искалъ и нашелъ въ богѣ. Но суевѣрный Моисей не зналъ, что онъ ищетъ бога, что не богъ открылся ему, а онъ открылся богу, т. е. что онъ его измышляетъ. Такъ суенаучный Ньютонъ не подозревалъ, что онъ измышляетъ и свои законы и свою природу, но даже не говорилъ, какъ вы сейчасъ, что онъ от-

крываетъ ихъ въ природѣ, а на просто суевѣрно думалъ, что природа открывается ему.

Интеллиг. Развѣ?

Анарх. Что вы такъ удивлены. Вѣдь первые отцы современной науки, творцы „природы“, думали, что она живетъ, что она сознательна. Такъ Бруно напр. говоритъ, что небесныя тѣла, вселенная, природа мыслить. Въ ихъ слабыхъ умахъ природа отождествлялась со вселенной, а считалась она живой, сознательной силой, вродѣ бога. Вы видите, яблоко отъ яблони не далеко падаетъ: богъ и природа вначалѣ почти одно и то же. Такъ говорили всѣ создатели природы. Такъ говорилъ и Спиноза, ужъ самый трезвый и наименѣе сумасшедшій среди нихъ: природа и создатель и созданіе. Это божокъ, который самъ себя создалъ. Это зеркало, которое предшествовало міру, создало міръ, но міръ изъ него не вышелъ, онъ остался въ немъ, въ зеркалѣ, и потому и не вернется туда, ибо зеркало и міръ одинаковы, зеркало создатель и созданіе. А этотъ бредъ считается философией. И еще худшій бредъ представляютъ собою науки вообще, а самую чудовищную галиматью—естественныя науки. Онѣ и величаются „точными“ науками, какъ бы въ доказательство своей полной умалишенности. Такъ пятикнижіе Моисея наибредовѣйшее, что въ библіи, считалось наисвященнѣйшимъ, наибожественнѣйшимъ, т. е. наиточнѣйшимъ. Словомъ, самый скверный, даже менѣе поэтической, чѣмъ остальная библія, бредъ считался „точной религіей“. Изъ точныхъ наиточнѣйшая считалась третья книга о жертвоприношеніяхъ—съ нея долженъ ребенокъ начать библію, а не съ сказочныхъ частей; такъ говорилъ мудрый талмудъ. Такъ наиточная изъ естественныхъ наукъ есть физика, а наиточнѣйшая изъ точныхъ это отдѣлъ о частичномъ (молекулярномъ) строеніи вещества—съ нея и начинаютъ малолѣтки и гимназистки въ европейскихъ хедерахъ (школахъ для изученія торы и талмуда у религиозныхъ евреевъ) европейскую библію, называемую физикой. „Пусть придетъ чистый, (невинный ребенокъ) и занимается чистымъ (чистыми жертвоприношеніями, ибо для нихъ существовали законы оскверненія. В. Г.)“—убѣдительно мотивируетъ талмудъ евою премудрую педагогику. И мы европейцы твердимъ за нимъ: пусть придетъ чистый (нашъ сынчекъ, чистый еще отъ нашего суенаучія) и займется чистымъ—наичистѣйшимъ бредомъ нашей науки! Не правда ли, мы очень далеко ушли отъ талмуда, Ведъ, и прочихъ мудростей Азіи. Мы европейцы!

Интеллиг. Я вижу, вы считаете нашихъ ученыхъ сумасшедшими.

Анарх. Читайте книгу Ломброзо „Геній и умопомѣшательство“ и вы убѣдитесь,—ибо авторъ убѣдительно это доказы-

ваетъ,—что Ньютонъ именно былъ сумасшедшимъ, какъ и остальные отцы религіи и науки.

Интеллиг. Но онъ же говоритъ, что они были геніями.

Анарх. Въ этомъ и вся его ошибка—скажемъ въ шутку: не геніями они были, а простыми сумасшедшими.

Интеллиг. А современные ученые?

Анарх. Современные мелкія сошки и на это не способны... и съ ума сойти нужно умѣть.

Интеллиг. Въ особенности, и свести другихъ...

Анарх. Да, современнымъ бездарностямъ, современнымъ европейскимъ раввинишкамъ, и этого не нужно. Съ ума сойти имъ не нужно, ибо это уже дѣлали для нихъ другіе; бѣсноваться и съ пѣной во рту неистовствовать во имя бога „последнимъ“ раввинишкамъ ужъ не нужно было, паства была, и они мирно занимались травощипленіемъ и пережевываніемъ жвачки, хотя въ эту жвачку и вложили всю свою жизнь, здорово упитали ее слюной, дѣлая ее такъ гладкой и удобоваримой для желудка, что первые, бѣснующіеся, въ лихорадкѣ своей глотавшіе и изрыгавшіе цѣлые неразжеванные куски, даже не узнали бы этой своей для потомства въ наслѣдство оставленной пищи. Такъ и современные ученые, хотя иногда и появляются среди нихъ какой то еретикъ, съ здоровыми челюстями и зубами, желающій самъ самостоятельно добыть себѣ пищу, но его осаждаютъ, умѣряютъ, пока не становится жвачнымъ, а то, если не унимается, то совсѣмъ вырываютъ у него зубы. Собственно рѣдко у насъ встрѣтить зубастаго ученаго, ибо наша школа не что иное, какъ зубовырывательный кабинетъ. Въ молодости, какъ десны еще мягкія, зубки вырываются, такъ что волею неволею приходится удовольствоваться жвачкой.

Интеллиг. А развѣ у насъ всѣ бездарности, развѣ у насъ не было за послѣднее время Дарвинъ-Спенсеръ?

Анарх. Да, это ужъ послѣдніе. Въ сущности, они ужъ не были настоящими творцами, съ собственнымъ безуміемъ. Они лишь округлили и окончательно додѣлали зеркальце. Это ужъ послѣднее слово, конецъ зеркальной мудрости. Это наиудобнѣйшее и популярнѣйшее обоснованіе и изложеніе мысли, что міръ произошелъ изъ зеркала. Когда не было міра было одно зеркало, т. е. отраженіе міра: когда еще не было видовъ, то было-жило ихъ происхожденіе, и изъ этого зеркала—происхожденія произошли виды—такъ закончилъ, довершилъ ученіе о живомъ зеркалѣ (о живой природѣ) Дарвинъ; когда еще не было ни живыхъ организмовъ, ни мертвыхъ тѣлъ, то была Эволюція, а изъ зеркала—эволюціи вышелъ міръ, такъ еще лучше Дарвина додѣлалъ ученіе о зеркалѣ, о живомъ и не живомъ зеркалѣ (объ организованной природѣ и не организованной природѣ), Спенсеръ.

Интеллиг. Такъ что они выиграли, вѣдь древніе то-же самое говорили, что все вышло изъ бога. Не все ли равно, вышло ли изъ бога, или изъ природы, создано ли или развилось?

Анарх. Вотъ видите ли, разница большая. Не хотятъ они столько утруждать зеркало. Старое зеркало не жалѣетъ труда, оно было придумано во время рабства, и зеркало-богъ могло поработать цѣлыхъ шесть дней, достаточно, что на седьмой отдыhalo; въ ту пору, на зарѣ исторіи, хотя у отца было много сыновей, т. е. рабовъ, но и самъ онъ работалъ. Почему бы зеркалу не поработать? Но современное зеркало, природа, англійское, буржуазное, а сейчасъ наемный трудъ, притомъ господъ буржуа вовсе не работаютъ; вотъ и зеркало-природа, отражая, худо-ли, хорошо-ли, англійско-буржуазную жизнь, такъ и дѣлаетъ: сама одну лишь вещь, первую, произвела, а остальные ужъ одна изъ другой вышли. Правда-ли, не видно-ли здѣсь англійской бережливости?

Интеллиг. Вы меня ужъ не разъ поразили вашими громами, громящими древнюю и современную глупость, и ослѣпляли меня молніями, разсѣкающими ночь нашей темноты, нашего европейскаго невѣжества, называемаго наукой. Но на этотъ разъ я ошеломленъ.

Анарх. Но не правда-ли, очень интересно, что европейскіе мудрецы, Дарвинъ и Спенсеръ, также объявили передъ лицомъ всего глупаго міра, что зеркало было передъ міромъ и что изъ него вышелъ міръ, точь въ точь, что талмудъ, притчи Соломона и Веды и другіе умницы древняго міра!

Интеллиг. Мнѣ становится жутко, миѣ начинаетъ казаться, что живемъ въ сумасшедшемъ домѣ. Страшно.

Анарх. Но есть одно утѣшеніе. Сумасшедшіе лишь религіозные и научные попы, народъ же обмануть и угнетенъ, его нужно и легко спасти.

Интеллиг. Развѣ легко?

Анарх. Угнетенный всегда революціонно настроенъ, онъ невѣжественъ и теменъ, онъ погребъ, но **пороховой**, зажгите спичку, пустите искру, и вы увидите, какой всемірный пожаръ вспыхнетъ, пожаръ, отъ котораго оголится разбойничья земля, испепелится лживое религіозно-научное небо. Имя этого пожара Соціальная и Культурная революція. День угнетенныхъ.

Интеллиг. А до этого дня.

Анарх. Жгите сердца и умы, ибо мы не знаемъ, гдѣ, какъ и въ какую минуту онъ вспыхнетъ. Но зарево его я несу въ своей душѣ. Вотъ вамъ слово и мечъ, они выкованы на наковальнѣ всеугнетенія и всеобмана молотомъ всеразрушенія—всеотрицанія.

Душевные муки сомнѣнія и отрицанія.

Интеллиг. Меня тоже временами манитъ издали вольная страна Всеотрицанія. Но кругомъ нея пустыни, а въ нихъ живутъ страшныя змѣи сомнѣнія. Эти змѣи отравляютъ твою душу ядомъ.

Анарх. Но какъ пріятно солнце послѣ долгихъ дней ненастья. Какъ пріятно выйти на волю послѣ долгихъ дней заточенія! Такъ пріятно сознавать, что ты свободенъ отъ предразсудка, отъ вѣкового обмана.

Интеллиг. Но, согласитесь, не легко отказаться отъ вѣковыхъ предразсудковъ.

Анарх. Это вѣрно. Цѣпи врѣзаются, вѣдаются въ тѣло, въ душу, и не знаешь, гдѣ кончается цѣпь и гдѣ начинается душа. О, эта вѣковая цѣпь обмана, вѣковая цѣпь религіи и науки! Она срослась съ нами. Она неотдѣлима отъ тебя, съ нею сойдетъ и вся твоя кожа, порядочные куски мяса и часть костей твоихъ. Тебѣ кажется, что все хруститъ въ тебѣ, безъ нея—вотъ и рассыплешься.

Интеллиг. Правда, вы такъ вѣрно передаете всѣ мои ощущенія, переживанія. Въ моихъ ушахъ такъ и стоитъ гулъ, все кругомъ рушится, крушится; небо, земля—а послѣ гробовая тишина, небытіе, пусто... ничего нѣтъ на небѣ, ничего подъ землей. Ни бога, ни чорта, ни природы.

Анарх. Такое же ощущеніе было у меня въ самой ранней молодости, когда я потерялъ моего бога; опустѣли небеса, осиротѣла земля, отца небеснаго не стало.

Интеллиг. А развѣ вы когда-то имѣли бога; я васъ вижу, какъ одно живое воплощеніе всеотрицанія. Я въ васъ не замѣчаю никакой слабости религіозной, ни тѣни какой-то мистики, ни дыханія какой-то загадочности, развѣ только вашъ пламенно-бурный темпераментъ, вашъ пророческій энтузіазмъ (воодушевленіе). У васъ все такъ ясно, осмысленно, трезво и голо-наголо, все, какъ на ладони, до болѣзненности настежь открыто и просто, и какъ ни странно, все-таки небезсердечно, безчувственно. У васъ самихъ нѣтъ никакой пустоты, ваше отрицаніе дышетъ и живетъ; увлекается, любитъ, ненавидитъ, страдаетъ и наслаждается.

Анарх. Оставьте это, я не люблю копошиться въ собственной душѣ. Я прямой и цѣльный. Если ломать, то переломать и готово; не ломать, такъ не ломать, лишь бы не это ломаніе и недоломаніе. Только не душевная надтреснутость. Туда или сюда. Истина или ложь. Или, или.

Интеллиг. Но это такъ тяжело. Я удивляюсь, въ вашей душѣ нѣтъ ни помину, ни пятнышка отъ крови когда-то сочившихся ранъ.

Анарх. Только безъ сентиментальничанія. Я не люблю деревянной философіи; глупостью считаю безчувственность, рядящуюся въ перья ультра-философіи (высокопробной философіи). У меня былъ мнѣній себя поэтомъ знакомый, напустившій на себя меланхолю только по одному тому, что, по его понятіямъ, всѣ истинные поэты были меланхоликами. Но еще больше не люблю сентиментальности!

Интеллиг. Правда, вашей горячностью вы совсѣмъ не похожи на типичнаго философа. Порою думаешь, передъ тобою какая-то горячая голова грѣшной земли. Но вотъ вдругъ взмахъ крыльевъ—и вы носитесь такъ высоко-высоко, надъ солнечными системами въ безконечности пространства и надъ тысячелѣтіями безконечнаго времени. Но, мимоходомъ, какъ вы насчетъ пространства и времени, они реальность?

Анарх. Конечно, нѣтъ. Ихъ отвлеченность, а слѣдовательно, несуществованіе прекрасно доказалъ Кантъ.

Интеллиг. Я васъ опять вовлекъ въ самую гущу, вѣрнѣе, въ рѣдкость-рыхлость новыхъ философскихъ вопросовъ, въ то время, когда со старыми затронутыми нами проблемами, мы, по винѣ моего скорого уставанія, не справились. Я уже достаточно отдохнулъ на полупоэтическихъ разсужденіяхъ. Хотѣлъ бы вернуться къ темъ. Но разрѣшите еще одинъ вопросъ о Кантѣ, меня это крайне интересуетъ.

Анарх. Спросите, я вамъ охотно отвѣчу.

19.

Кантъ и Моисей—геніи.

Интеллиг. Я вижу вы высокаго мнѣнія о Кантѣ.

Анарх. Въ извѣстной степени. Я его ставлю наряду съ Моисеемъ. Для меня они два геніальныхъ шарлатана, одинъ шарлатанъ религіи, а другой шарлатанъ науки. Моисей въ сотрудничествѣ съ Христомъ шарлатански спасъ религію, идеологию (міровоззрѣніе) рабовладѣльцевъ и помѣщиковъ; а Кантъ въ сотрудничествѣ съ Марксомъ, спасъ науку, идеологию буржуа и угнетателей—отъ анархизма, отъ Безцарствія Настоящаго на землѣ.

Интеллиг. Я совершенно ничего не понимаю. Конечно, не думаю, чтобъ вы это мнѣ объяснили болѣе подробно, это оставимъ на другой разъ. Но хоть бы намекообразно—признаюсь, я ничего не понимаю.

Анарх. Отвлеченіе и осверхчувствленіе (трансцендентализація) языческаго бога Моисеемъ, нашедшее свое высшее обманное выраженіе въ царствѣ небесномъ, губившемъ дѣло возстанія рабовъ и крѣпостныхъ, нашло свое повтореніе въ кантіанствѣ и марксизмѣ. Отвлеченіе и обезчувствленіе (трансцендентализація) природы Кантомъ, объявленіе „время, пространство и причинность“ формами мышленія открыло эпоху новаго обмана Угнетенныхъ путемъ созданія новаго сверхчувственнаго міра, который нашель свое завершеніе и округленіе въ марксизмѣ съ его научнымъ „царствомъ небснаго“, такъ называемаго царства будущаго,—самаго дьявольскаго орудія одурачиванія и обезвреживанія рабочаго класса, что въ рукахъ угнетателей. Это научное іудейство (мозаизмъ) Канта и научное христіанство Маркса, своей обманной кажущейся защитой интересовъ Угнетенныхъ, болѣе губительны, чѣмъ открытая враждебная позиція научнаго язычества англійской науки съ его очевиднымъ буржуазнымъ характеромъ и сущностью.

Интеллиг. Такъ вы совершенно отрицательно относитесь къ Канту?

Анарх. Нѣтъ.

Интеллиг. Такъ что вы въ немъ признаете?

Анарх. Его отрицаніе научнаго язычества англійскаго эмпиризма. Какъ Моисей, онъ лишь правъ и полезенъ былъ своимъ разгромомъ язычества, религіознаго, но глупѣе и вреднѣе язычниковъ въ своемъ утвержденіи новаго бога, сверхчувственнаго. Удаляясь отъ земли, отъ холмов-горъ языческихъ боговъ, къ небу, онъ подготовилъ почву для самаго страшнаго и опаснѣйшаго обмана Угнетенныхъ—обмана царствомъ небеснымъ.

Интеллиг. Хорошо. Такъ Моисей дѣлалъ. А Кантъ?

Анарх. Кантъ вторично продѣлалъ то же самое, сыгралъ ту же роль научнаго Моисея по отношенію къ классической англійской наукѣ. Какъ Моисей и пророки, онъ такъ же удачно, беспощадно и окончательно разгромилъ современное научное язычество, доказывая всю его наивность. Нѣтъ сомнѣнія, что побѣда въ этомъ отношеніи будетъ за Кантомъ. Наше настоящее уже показываетъ намъ эту тенденцію (стремленіе); а если что-нибудь мѣшаетъ торжеству кантіанства, такъ это, конечно, не его сознательное отрицательное отношеніе къ англійскимъ кумирамъ, къ англійскому наивному эмпиризму, а его еще болѣе наивное, чѣмъ осмѣянный имъ наивизмъ, принятіе сверхчувственнаго за начало чувственнаго. Кантіанство такимъ образомъ еще болѣе углубляетъ и усугубляетъ ошибку англійскаго эмпиризма, лишаясь къ тому и единственнаго оправданія послѣдняго, отсутствія критицизма (критическаго отношенія). Въ то время, когда англійскій эмпиризмъ, принимающій вымыслы ума (время,

пространство, причинность и проч.) за реальность, уподобляется слѣпорожденному, — кантіанскій критицизмъ представляетъ собою зрячаго слѣпца, человѣка съ открытыми здоровыми глазами, и все-таки ходящаго въ потемкахъ среди бѣла дня.

Интеллиг. Я уже понимаю. У кантіанства вы берете лишь его отрицаніе, но не его положительное. Послѣднее вы считаете и ошибочнѣе, и наивнѣе, и вреднѣе англійскаго эмпиризма, т. е. присяжнаго естественно-научнаго міровоззрѣнія. Мозаицизмъ (монотеизмъ) для васъ лишь ступень къ атеизму, кантіанство — ступень къ иннатуризму, къ отрицанію природы и науки, т. е. къ пананархизму или пантехникализму. Все это ужъ для меня ясно изъ того, что слышалъ у васъ сейчасъ и въ другихъ нашихъ бесѣдахъ. Но вотъ что меня интересуетъ, какъ вы насчетъ кантовскаго „міръ это мое представленіе“.

Анарх. И въ этомъ девизѣ Канта, какъ во всей его системѣ, истина переплетается съ ложью самымъ причудливѣмъ образомъ. Я всегда говорю, что Канта нужно умѣть читать и понимать. Нужно умѣть отдѣлать метафизически-идеалистическія плевелы отъ критицистической пшеницы. И это оправдывается и по отношенію къ упомянутой поговоркѣ. Если ее понимать такъ: научный міръ это мое представленіе, т. е. міръ въ изображеніи науки, міръ отвлеченный, міръ въ пространствѣ, времени и причинности (каузальности), есть лишь плодъ творчества нашего ума, — то нѣтъ цѣннѣе этого афоризма (изрѣченія). Такъ мы его и толкуемъ. Но если его принять такъ, какъ онъ наивно былъ понятъ Кантомъ и его ограниченными послѣдователями, то онъ являетъ собою самый яркій примѣръ философской галлюцинаціи, извращенія всѣхъ нашихъ чувствъ, сна на-яву, бреда. Вѣдь нельзя же, на самомъ дѣлѣ, нормальному человѣку согласиться съ такой явной бессмыслицей, что весь чувственный, грандіозный міръ, вся вселенная выскочила, какъ Венера, изъ пѣны морской, изъ нашего крошечнаго отвлеченнаго представленія. Не есть-ли это самое уродливѣйшее выраженіе утвержденія, что міръ произошелъ изъ комнатнаго зеркальца!

Интеллиг. Я бы никогда не повѣрилъ, что кантовскій анализъ (разборъ) представляетъ собою такую неразбериху, что его кичливый критицизмъ — глупѣйшій наивизмъ. Въ чемъ же его заслуга. Я слышу, вы все-таки его превозносите.

Анарх. Онъ расчистилъ дорогу передъ истиннымъ критицизмомъ пананархизма-пантехникализма. Доказывая, что законѣрность не въ вещи, а въ нашемъ умѣ, онъ подготовилъ почву для провозглашенія анархіи вещи, анархіи въ техникѣ, въ чувствѣ, въ противовѣсъ „законѣрности въ мышленіи“. Объявляя субъективность, нереальность времени, пространства и причинности, онъ явилъ собою величайшаго философа міра, но провоз-

глашая міръ чувствъ (не научно-отвлеченный, не міръ въ нашемъ интеллектѣ, который, конечно, есть плодъ нашего интеллекта, и не реальность, какъ думали наивные язычники англійской науки) своимъ представленіемъ, онъ явилъ міру образецъ величайшаго сумасбродства, небывалой извращенности и чувствъ, и ума. Геній и умопомѣшательство, геніальность и безумное невѣжество такъ и сочетаются въ этомъ своеобразномъ и самомъ яркомъ произведеніи нѣмецкой культуры, какъ это нѣкогда такъ же хитросплетенно проявилось въ іудейской библіи. Богъ неосозаемый, весь духъ, припрятавшійся высоко-высоко въ небесахъ, природа (время, пространство и причинность), засѣвшая глубоко-глубоко внутри, во внутреннемъ небѣ, въ представленіи, — если они, послѣ этого ихъ испаренія, еще пуше прежняго претендуютъ на землю (у Моисея), на чувственный міръ (у Канта), провозглашая себя началомъ реальнаго міра, какъ напр., по библіи: Богъ, отвлеченное сверхчувственное начало, и все-таки сотворилъ чувственный міръ, и по Канту: Природа трансцендентальна (надчувственна), и все-таки она создала чувственный міръ, (Кантъ-Лапласовская теорія), — если эти вымыслы, эти миѣны (одинъ миѣе воображенія, другая миѣе ума) объявляются людьми непрерываемыми реальностями, еще болѣе, источниками всякой реальности, то съ ними спорить нечего, ибо имъ мѣсто въ сумасшедшемъ домѣ.

20.

Кантъ и Моисей — сумасшедшіе!

Интеллиг. Такъ по вашему, мозаицизмъ и кантіанство являются сплошнымъ безуміемъ?

Анарх. Нѣтъ. Не все, а конецъ, финаль. Тутъ именно въ обоихъ крутой неожиданный обрывъ. Это не безуміе, а припадокъ, какой то странный лихой скокъ изъ самой вершины наивозможнѣйшей трезвости, пронизательности и смысленности въ наитемную, глубочайшую бездну полнѣйшаго одуренія, умопомраченія, невѣжества и сумасбродства. Вооружаясь самымъ тонкимъ анализомъ, безпощадно разбивая всѣ предрасудки предыдущихъ поколѣній въ пухъ и прахъ, безудержно двигаясь, взлетая все выше, въ верхъ надъ вѣками, оба и Моисей и Кантъ, вдругъ, подъ конецъ, ни съ того, ни съ сего, безъ всякаго повода къ этому, бросаются, очертя голову внизъ камнестремительно, погружаясь въ тьму, обрекая все предыдущее на гибель и трепеща въ своей духовной гибели отъ наслажденія богоопьяненностью (Моисей) и отвлеченностью (природоопьянен-

ностью—Кантъ), какъ дикарь, приносившій своего сына въ жертву Молоху.

Интеллиг. Это-таки странно! я бы, конечно, самъ не уповилъ этого основного противорѣчія іудейства и кантіанства, но сейчасъ несоединимость его двухъ элементовъ, несоотвѣтствіе конца-вывода началу-предпосылкамъ для меня яснѣе яснаго. Какъ это оба все-таки крупныхъ ума или безумца и ихъ многочисленныя приверженцы этого не замѣтили, болѣе чѣмъ странно. Такъ что-ли, по-вашему, вся моисеевская и кантовская концепція пахнетъ патологіей (болѣзненностью, безуміемъ)?

Анарх. Этому, по-моему, какъ разъ особенно удивляться нечему. Сила предрасудка неизмѣрима; тяготѣніе къ старому, къ общепринятому губить всѣхъ творцовъ, превращая ихъ въ жалкихъ заплатниковъ, штопателей. Если бы одну тысячную долю энергии, затраченной на поддержаніе и удержаніе стараго, на цѣпленіе за уходящее, обреченное, было бы израсходовано на новое, то міръ былъ бы полонъ изобрѣтеній, міръ такъ и брызнулъ бы творчествомъ. Но мы жалкіе топтатели на мѣстѣ. Мы все штопаемъ да штопаемъ.

Интеллиг. О, если бы у всѣхъ насъ были новыя платья! Но есть ли у всѣхъ насъ достаточно швейныхъ машинъ? Есть ли достаточно времени?

Анарх. Поменьше бы штопали и времени хватало бы для всего. Жизнь уходитъ на заплатаніе все болѣе рвущихся, трещащихъ по всѣмъ швамъ старыхъ костюмовъ, все болѣе напоминающихъ собою лохмотья и все болѣе пожирающихъ все наше вниманіе и все наше время. Вся наша духовная жизнь, вся религія и наука представляетъ собою одинъ Тришкинъ кафтанъ. Одинъ старый такой кафтанъ для своей кратковременной поправки требуетъ больше труда, чѣмъ десять новыхъ костюмовъ. Геній какого-то Моисея или Канта такъ и погрязъ въ гущѣ этихъ заплатъ. Путался и путался онъ пока не нашель, не добрель до какого то края и успокоился на немъ, обманывая себя, усталого и измученнаго, что онъ благополучно достигъ желаннаго берега, уговаривая себя, что весь кафтанъ уже въ надлежащемъ порядкѣ. Вотъ гдѣ корень всѣхъ этихъ незамѣченныхъ очевидныхъ противорѣчій—этотъ корень въ нашей рутинѣ, склонности къ переворачиванію на изнанку въ цѣляхъ выдаванія за новое, уже въ самомъ лучшемъ случаѣ. Это называется тогда „усовершенствованіемъ“.

Интеллиг. А развѣ эта черта является господствующей въ нашей и предыдущихъ культурахъ?

Анарх. Безсомнѣнно. Она всегда была душою угнетательскаго общества. Это топтаніе на мѣстѣ выгодно угнетателямъ, обезпечивая ихъ господство. Этимъ и занято современное воспитаніе. Угнетательское общество боится творцовъ вообще, боится ихъ,

чтобъ имъ не взбрело вдругъ на умъ перенести свое творчество на общество, дѣлая его объектомъ новаго строительства—оно пребываетъ въ одномъ страхѣ передъ творцами жизни. Современная школа имѣетъ своей цѣлью воспитаніе книжниковъ, трусовъ, штопателей, заплатниковъ, реформаторовъ, эволюціонистовъ. Къ этому клонятся всѣ эти наизусть, вся эта зубрячка, задаваніе уроковъ, писаніе на темы, переливаніе изъ пустого въ порожнее переложеній. И окончательно измельчавъ и обмѣщаниваясь, мы еще создаемъ себѣ и природу свою по образу и подобию своему, природу-мѣшанку, такую же штопальницу и заплатницу, каковыми бываемъ сами. Она такъ же штопаетъ міры, солнечныя системы, виды и проч., такъ же бездарно, безъ огня, безъ увлеченія, безъ размаха, скучно, до смерти однообразно и грузно-медленно.

Интеллиг. О какой природѣ вы говорите сейчасъ—не понимаю.

Анарх. Объ уже затронутой нами выше, объ англійской природѣ, воспроизводящей точь-въ-точь типъ зауряднаго Джонъ-Буля, называемой эволюціей.

Интеллиг. Я и вижу, что вы правы, когда вы мнѣ разъ говорили, что современныя природы являются такими же изображеніями собственнаго лица, собственнаго характера, характера создавашаго, вымышлявашаго ихъ народа, какъ древніе боги.

Анарх. Такъ оно и есть. Онѣ воспроизводятъ, отражаютъ какъ зеркало, лицо ихъ творца, народа, и къ тому еще и условія окружающей жизни, въ особенности, ремеслъ, техники и проч., словомъ общества. Первое называется антропоморфизмомъ, чело-кообразностью, а второе—соціоморфизмомъ, обществообразностью.

Интеллиг. Ваши послѣднія мысли, учитель, очень глубоки, я бы, конечно, желалъ имѣть отъ васъ подробныя объясненія ихъ, но отложу это на другой разъ. Скажите мнѣ лишь какая тутъ обществообразность?

Анарх. Эволюція, развитіе, это простое копированіе нашихъ же медленныхъ шажковъ, нашихъ реформишекъ въ соціальной жизни, нашихъ ничтожненькихъ „усовершенствованій“ въ области физической техники, называемой попросту техникой.

Интеллиг. Но, въ другой разъ, я слышалъ отъ васъ, что впрочемъ, и самъ замѣтилъ, что именно это ученіе объ эволюціи служить главной опорой и оправданіемъ реформизма.

Анарх. Тутъ именно и есть взаимодѣйствіе. Это обратное вліяніе вымысла (фикціи) на дѣйствительность мы называемъ идеоморфизмомъ, т. е. мыслеобразностью или вымыслообразностью. Люди, по ограниченности своей, не подозрѣвая, что ихъ божокъ именно и созданъ по собственному образу и подобию, есть копія ихъ же самихъ, стараются въ послѣдствіи стать похожими на

этотъ же ихъ вымыселъ, который съ теченіемъ времени чуточку уклонился отъ первоначальнаго образца, т. е. отъ нихъ самихъ. Къ этому относится евангелическій призывъ: „Будьте святы, какъ святъ вашъ отецъ небесный“. Такъ эволюція, изображеніе „реформы“ и мѣщанства, является въ одно и тоже время основой для реформистски-мѣщанскаго духа. Точно такъ въ сказкѣ о зеркалѣ: раньше зеркало лишь отражаетъ ихъ жизнь, работу и проч., а послѣ, наоборотъ, живутъ, кушаютъ и спятъ ужъ по зеркалу. Жизнь по зеркалу, по „идеѣ“, называемъ идеоморфизмомъ. А Кантъ именно изъ этого зеркала вывелъ весь міръ, космосъ.

Интеллиг. Какое это однако—послѣ вашего примѣра и освѣщенія—безуміе, тѣмъ болѣе у трезваго критицистическаго Канта. Вы это вполнѣ правильно выше называли припадкомъ.

Анарх. Да, это что-то вродѣ этого. Моисей и Кантъ въ этомъ случаѣ и уподобляются тому сумасшедшему, что въ извѣстномъ анекдотѣ.

Интеллиг. Въ какомъ анекдотѣ? я его навѣрное не слышалъ. Расскажите; ваши анекдоты всегда очень интересны и бьютъ въ цѣль.

Анарх. Однажды я посѣтилъ сумасшедшій домъ—рассказалъ мнѣ знакомый. Разсматривая сумасшедшихъ, я остановился на одномъ: своей внѣшностью, не обнаруживающей ни малѣйшаго признака болѣзненности, онъ привлекъ мое вниманіе. Я завелъ съ нимъ бесѣду, и тутъ я еще болѣе былъ пораженъ его умной рѣчью, мѣткостью своихъ замѣчаній, колкостью своихъ остротъ, ядовитостью своего сарказма, и больше всего трезвостью своихъ сужденій и блескомъ своей мысли. Я недоумѣвалъ, хотѣлъ было спросить его, какимъ образомъ, онъ здоровый, вполнѣ нормальный человѣкъ, попалъ сюда, но воздержался. Мы побесѣдовали дальше, я умышленно повелъ рѣчь о самомъ сумасшедшемъ домѣ, о врачахъ, объ обращеніи, о заключенныхъ сумасшедшихъ, но онъ и тутъ выдержалъ мое испытаніе. Онъ мнѣ ярко и смысленно охарактеризовалъ врачей, cadaго изъ сумасшедшихъ, изложивъ мнѣ суть безумія cadaго, и все болѣе убѣждаясь, что предо мною вполнѣ здоровый человѣкъ, я, наконецъ, не вытерпѣлъ и спросилъ: „Но скажите мнѣ, милый, что вы здѣсь дѣлаете?“ „Они говорятъ, что я сумасшедшій“,—отвѣтилъ онъ.—Какой же вы сумасшедшій?—скорѣе ваши врачи съ ума сошли,—сказалъ я, искренне убѣжденный въ его нормальности. Мы побесѣдовали еще нѣсколько минутъ, послѣ чего я по прощанью съ нимъ, съ твердымъ рѣшеніемъ поговорить съ врачомъ насчетъ моего интереснаго собесѣдника. Но когда я ему подаль руку на прощаньи, онъ быстро схватилъ мой палецъ, откусилъ его, приговаривая:

Въ другой разъ будь осторожнѣе, если весь міръ говоритъ: „сумасшедшій“, то не утверждай: „онъ здоровъ“; вотъ будетъ тебѣ урокъ!

Интеллиг. Шутка-то хорошая, но какое это имѣетъ отношеніе къ Моисею и Канту?

Анарх. А вотъ какое. Моисей въ первый разъ, а Кантъ во второй, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, откусилъ палецъ дѣйствительности, палецъ чувственности. Нормальный, нормальный, а подъ конецъ все-таки сумасшедшій—вотъ характеристика Моисея и Канта. Такія умныя рѣчи, такая трезвость, полное пониманіе и правильная оцѣнка всѣхъ сумасбродствъ религіознаго язычества у Моисея и пророковъ, и научнаго язычества у Канта и у неокантіанцевъ, а подъ конецъ, послѣ самой трезвѣйшей трезвости, критицистической критики—откусаніе пальца,—сумасбродство, превосходящее всякое сумасбродство язычества и эмпиризма, полное умопомраченіе и умоизвращеніе. „Не думай, что я реаленъ—нормаленъ вотъ тебѣ на зло! Тамъ на небѣ спрятался какой-то невидимый богъ, который несмотря на свою невидимость, на свое небытіе, создалъ этотъ видимый міръ—говорить Моисей. И создалъ онъ его по моему ученію, называемому потомками Моисеевымъ закономъ“. „Не думай, что я реаленъ—нормаленъ—вотъ тебѣ на! Тутъ въ моемъ умѣ, представленіи, прячется вся природа (время, пространство и причинность), которая, несмотря на ея несуществованіе (существованіе лишь въ „представленіи“, въ отвлеченіи) все-таки создала весь міръ. И создала—пусть это довершитъ мое сумасшествіе!—она его по моей теоріи, называемой потомками Канта-лапласовской“.

Вотъ что говорятъ нормальные, и все-же сумасшедшіе, Моисей и Канты.

Это характернѣйшая черта всѣхъ волхвовъ, религіозныхъ и научныхъ, это основное ихъ credo („я вѣрю“):

„Міръ произошелъ изъ зеркала—и къ довершенію безумія—изъ зеркальца, только что сдѣланнаго мною за нѣсколько часовъ!“

Зеркало и его отраженіе.

Интеллиг. Я такъ увлекся затронутымъ вопросомъ, что совершенно забылъ, что вы еще сказки о зеркальцѣ не закончили.

Анарх. И я забылъ. Впрочемъ, я и не помню, гдѣ остановился. Напомните мнѣ.

Интеллиг. Не важно. Мнѣ такъ пріятно все слышать, что все равно, гдѣ начнете. Я радъ буду слышать рассказанное вторично.

Анарх. Такъ вотъ: жили они все по зеркальцу. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше укрѣпилась въ нихъ вѣра, что все вышло изъ зеркала, и солнце, и луна, и звѣзды, все мірозданіе сначала покоилось, таилось на днѣ зеркала, пока оно не вышло и не проявилось. Душа человѣка передъ рожденіемъ обрѣтается въ зеркалѣ, туда же она отправляется во время сна. Такъ вѣровалъ отецъ, такъ увѣровали братья, такъ увѣровали, наконецъ, и сосѣди. И люди ученые писали большія книги, гдѣ восхваляли зеркало, и дѣти въ школѣ учились **зеркалопочитанію**. Зеркало, такимъ образомъ, стало средоточіемъ жизни, а между тѣмъ, оно старилось, надтреснулось, и когда въ него посмотрѣло молодое лицо ребенка, оно показалось старческимъ, дряхлымъ, морщинистымъ и съ просѣдью.

Интеллиг. Я что-то догадываюсь; мнѣ кажется, что вы этимъ намекаете на школу. Но, что именно не знаю. Объясните.

Анарх. Школа религіи и науки является институтомъ старенія молодежи и ребенка: задача школы сморщить душу ребенка и прилѣпить ей, въ насмѣшку, бѣлую бороду. Школа разсадникъ всѣхъ нашихъ предрасудковъ, школа стала именно храмомъ зеркала, мѣстомъ культа отвлеченности. Школа одна изъ главныхъ виновниковъ извращенія нашей культуры. Въмѣсто того, чтобъ дать ребенку реальный міръ, она его кормитъ вымыслами, когда-то преимущественно религіозными, нынѣ же и научными. Школа современная не даетъ ребенку міра, измѣненнаго и приспособленнаго міра, т. е. технику, а науку и религію, т. е. зеркало.

Интеллиг. Ваши взгляды о школѣ, о новомъ типѣ школы, школы пантехники или репродуктины (воспроизведенія жизни), мнѣ уже извѣстны. Но что означаетъ надтреснутость зеркала?

Анарх. Наука, чѣмъ дальше, тѣмъ больше удаляется отъ жизни. Если даже допустить, что сначала зеркало, т. е. наука, вѣрно отражала жизнь, какъ хорошее зеркало правильно передаетъ черты лица. Но надтреснутость зеркала означаетъ полное извращеніе и искаженіе лица жизни въ наукѣ, совсѣмъ оторвавшейся отъ грѣшной дѣйствительности. Мы, такимъ образомъ, имѣемъ дѣло съ тремя пороками науки: 1) извращеніе, 2) удаленіе и 3) устарѣніе.

Интеллиг. Послѣднія ваши слова мнѣ не особенно ясны. Разъясните.

Анарх. Первая погрѣшность науки это, конечно, то, что, помимо того, что оно многими глупцами принимается за начало и корень вещей, оно и не являетъ собою даже правильнаго отраженія вещей. Почему это такъ и не могло быть иначе, вамъ становится яснымъ, если примете во вниманіе, что изъ-за

одного того, что наука принимается или принималась за основу вещей, она не могла быть вѣрнымъ изображеніемъ вещей. Разъ отраженіе зеркала принимается за подлинный настоящій предметъ, а предметъ самъ разсматривается лишь какъ жалкое отраженіе истиннаго предмета, т. е. призрачнаго отраженія, то уже не можетъ быть никакой рѣчи о вѣрномъ изображеніи вещей. Этотъ взглядъ, это міропониманіе, всегда исходилъ изъ призрака, а вещь подгонялъ къ нему. Это аномалія (извращенность), но на этой аномаліи основана была наша наука. Хотя наша наука нынѣ стоитъ на другой точкѣ зрѣнія, но такъ какъ на рукахъ этихъ ложныхъ понятій и выросла наука, то она, т. е. наука,

всасывая въ себя всѣ эти заблужденія съ молокомъ древней ея кормилицы, каковой является мифологія, до сихъ поръ носитъ ихъ въ себѣ. Наука потому лишь виѣшне измѣнилась, продѣлывая такой длинный путь и претерпѣвая такія, съ виѣшной стороны, поразительныя измѣненія и преобразованія, но въ глубинѣ, въ основѣ своей, осталась той же самой мифологіей, по крайней мѣрѣ, осталась вѣрной всѣмъ ея основнымъ предпосылкамъ—предразсудкамъ. Мы уже не разъ указали, что она страдаетъ тѣмъ же антропоморфизмомъ (человѣкоподобіемъ), что природа наша даже некосмополитична, а національна, что англичаинъ создаетъ себѣ природу по образу и подобию своему, т. е. природу-англичанку—англичанина, а нѣмецъ—природу—нѣмку—нѣмца. Я уже указалъ, что наука до сихъ поръ сохранила основной характеръ мифа, убѣганіе отъ чувственнаго къ призрачному, лишь видоизмѣняя „призрачное“: призрачное мифа это фантазіей созданный образъ и мірокартина, а призрачное науки это интеллекткомъ созданный образъ и мірокартина, такъ что „призрачности“ не только не убавилось, но скорѣе прибавилось, ибо умственный образъ менѣе веществененъ, дальше отъ чувственнаго, отъ реального, чѣмъ фантастическій. Заблужденіе, ошибки мифовъ не устранены, но лишь утончены, т. е. лучше припрятаны, глубже зарыты подъ землею чувственнаго, и слѣдовательно, разстояніе между ними и истиной большее. Призракъ ихъ мнимой истинности создается лишь, благодаря большей трудности отысканія ихъ, именно, благодаря тому, что онѣ глубже зарыты, т. е. подальше отъ чувствъ. Мы можемъ потому формулировать, какъ курьезъ, слѣдующій парадоксъ:

Истинность науки это ея ложность. Ея большая истинность, т. е. то, что она считается больше истинной, это ея большая ложность, ея большая лживость, ея большая отвлеченность. Такъ наука ложнѣ религіи, религія ложнѣ мифа. Такъ и въ предѣлахъ какъ самой науки, такъ и самой религіи. Такъ христіанство ложнѣ іудейства, іудейство—язычества, и т. д.

Одно ясно, что извращеніе нашихъ понятій лежитъ уже

въ первомъ искаженномъ отраженіи зеркала культуры, т. е. въ миеѣ, которое лишь усиливается и умножается посредствомъ удаленія зеркала отъ предмета. Прямое несходство отраженія съ предметомъ, обусловленное удаленіемъ, отъ котораго отраженіе все блѣже суживается, съеживается и искажается, усугубляется неимоверной легкостью извращения. Чѣмъ дальше отраженіе отстоитъ отъ предмета, чѣмъ копія больше отстоитъ отъ оригинала и чѣмъ меньше она подвергается опасности сличенія, тѣмъ больше шансовъ для сознательнаго и безсознательнаго извращения, такъ что извращеніе растетъ вмѣстѣ съ удаленіемъ. Удаленіе же происходитъ по средствомъ отвлеченія и обобщенія. Итакъ, первое извращеніе это наше богочеловѣкоподобіе (религіозный антропоморфизмъ) и природочеловѣкоподобіе (научный антропоморфизмъ). Что здѣсь корень всѣхъ заблужденій религіи это нынѣ уже стало общимъ мѣстомъ. Но что это и корень всѣхъ заблужденій науки, что вся наука есть одно лишь это заблужденіе—для того, чтобъ эту ясную какъ божій день истину показать людямъ, все еще приходится тратить много времени и вооружаться адскимъ терпѣніемъ, чтобъ умѣть выслушать въ тысячу первый разъ все то, что ты уже давно забросилъ, вмѣстѣ съ религіей, съ миеомъ, забросилъ какъ религію, какъ миеѣ. Приходится быть непонятымъ человѣческой глупостью и ограниченностью и повторять и пережевывать и положить въ ротъ то, что люди, всѣ, могли бы и должны были бы взять сами, собственнымъ умомъ. Но унывать нечего. Развѣ не приходилось и не приходится еще нынѣ спорить и доказывать людямъ, что бога нѣтъ, а другимъ, что чорта нѣтъ, что гаданіе по картамъ это чепуха. Что диво въ томъ, что одинъ гадаетъ у цыганки въ чайной, а другой у профессора въ университетѣ, одинъ по древней магической колодкѣ, а другой по современнымъ научнымъ картамъ.

Интеллиг. Да, живучесть предрасудковъ изумительна. Я всегда поражаюсь этими явленіями. Хорошо, что пришлось къ слову. Я уже нѣсколько разъ хотѣлъ вамъ задать этотъ вопросъ. Меня всегда смущаетъ, ставить въ тупикъ живучесть, сохранимость такихъ предрасудковъ, какъ толкованіе сновъ, гаданія въ нашемъ культурномъ обществѣ.

22.

Живучесть предрасудковъ.

Анарх. Вы говорите: „въ культурномъ нашемъ обществѣ“, но развѣ у насъ истинная культура: ея нѣтъ, ибо она только еще будетъ. Вы говорите съ презрѣніемъ объ азіатчинѣ, о китай-

чинѣ, но не подозреваете и не замѣчаете, что сами-то по-уши завязали въ такую или, пожалуй, еще худшую трясиину суевѣрія, чѣмъ у китайцевъ. Вы видите сучекъ въ глазу вашихъ предковъ и не видите бревна въ собственномъ своемъ глазу. Вы яко бы боретесь съ предрасудками, но вы тонете въ нихъ. Вы возстаете противъ Азіи, возстаете противъ суевѣрія, колдовства, но вы не понимаете, что Европа глупѣе и суевѣрнѣе Азіи, во всякомъ случаѣ, не менѣе, что вѣра глупѣе суевѣрія, и что наука глупѣе религіи.

Интеллиг. Я васъ совершенно не понимаю; хотя съ вами во многомъ согласенъ, но тутъ вы уже пересаливаете. Неужели вы не признаете за Европой первенства? Спросите любого европейца и онъ вамъ скажетъ, что онъ гордится его европеизмомъ, что онъ увѣренъ въ торжествѣ европейской культуры, наивысшей и наилучшей изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ культуръ. Какъ вы отрицаете то, что всѣ признаютъ?

Анарх. Этимъ, вашей ссылкой на общераспространенность вашего взгляда, доказываете обратное, это скорѣе говоритъ за его ложность, чѣмъ за его истинность. Разъ всѣ такъ утверждаютъ, значитъ это истинно. Для меня такого рода доказательства неубѣдительно, нелѣпы и смѣшны. Развѣ не всѣ ли народы древняго міра уговорили себя, что они избранники бога? Іудеи всю свою религію основали на своемъ избранничествѣ. „Изъ всѣхъ народовъ ты насъ избралъ“—гласитъ еврейская молитва. Но это ученіе объ избранничествѣ не было удѣломъ одного Израиля, оно было свойственно всѣмъ народамъ. Такъ, греки всякаго не-эллина, не-грека, считали дикаремъ, варваромъ, а евреи прозвали каждаго не-еврея „гой“. А вы думаете, что Европа освободилась отъ всѣхъ предрасудковъ Азіи. Какъ вы смѣшны! Европа не ушла дальше Азіи даже въ этомъ отношеніи, не двинулась ни на іоту въ коренномъ предрасудкѣ, красной нитью пронизывающемъ весь древній міръ.

Интеллиг. Да какой же это предрасудокъ?

Анарх. Это именно предрасудокъ, о которомъ я только что говорилъ. Это предрасудокъ избранничества.

Интеллиг. Да кто же избралъ Европу? мнѣ кажется, вы увлеклись аналогіей (сравненіемъ). Вѣдь тамъ богъ избралъ свой народъ.

Анарх. Тамъ богъ Азіи, а тутъ богъ Европы.

Интеллиг. Я васъ не понимаю. Какой же это богъ?

Анарх. Богъ Европы это Природа. Природа избрала Европу, надѣливъ ее самыми благоприятными для процвѣтанія культуры качествами.

Умѣренный климатъ Европы дѣлалъ ее вѣчной избранницей культуры и прогресса. Отсталость Азіи объясняется ей

чрезмѣрно теплымъ климатомъ, некультурность полярныхъ странъ—чрезмѣрно холоднымъ климатомъ, словомъ какъ тѣ, такъ и другіе, не могли стать постояннымъ навсегдашнимъ центромъ культуры, чѣмъ стала Европа.

Интеллиг. А развѣ это не такъ?

Анарх. Конечно, это нелѣпость. И на этомъ примѣрѣ вижу, что мелкіе предрасудки вѣдряются въ психологію массъ больше, чѣмъ крупныя предрасудки. За это ничтожное европейское избранничество вы цѣпляетесь всѣми своими силами. Быть можетъ, что вы инстинктивно чувствуете, что здѣсь рѣшается судьба „всега“. Быть можетъ, что вы сознаете, что данный предрасудокъ является краеугольнымъ камнемъ всей европейской культуры, основной чертою коей является самонѣніе. Въ этомъ самонѣніи, въ этой европейской спеси и лежитъ ключъ для отвѣта на вопросъ о живучести предрасудковъ. Европейской спеси почему-то азіатская культура представляется некультурой, варварствомъ, древняя болѣе истинная, т. е. болѣе близкая къ чувственному, вѣра, клеймится ею суевѣріемъ въ то время, когда она-то сама представляетъ собою, въ лицѣ своей науки, еще худшій видъ суевѣрія. Очевидно, всѣмъ этимъ вопросомъ о неистребляемости суевѣрія, мы обязаны европейской гордынѣ, европейскому избранничеству.

Интеллиг. Такъ, по вашему, не намъ, у которыхъ предрасудокъ на предрасудкѣ ѣдетъ и предрасудкомъ погоняетъ, не намъ искать предрасудковъ у другихъ, у другихъ людей и другихъ временъ.

Анарх. Конечно, не негру искать чернаго пятнышка на тѣлѣ другого, не прокаженному искать прыщика у другого. Можемъ ли мы искать предрасудковъ, жаловаться на счетъ суевѣрія, мы, вся культура которыхъ есть одинъ сплошной предрасудокъ, одно изображеніе собственной убогости, собственного мѣщанства!

Интеллиг. Гдѣ вы видите тутъ еще мѣщанство?

Анарх. На каждомъ шагу. Развѣ ученіе объ умѣренномъ поясъ не есть апоѳеозъ умѣренности вообще. Тишь да гладь. Развѣ законъ инерціи не есть законъ мѣщанства? Матерія и, вообще, мірозданіе представляется въ видѣ англійскаго обывателя, тяготящаго ко всему старому и традиціонному. Англійскій консерватизмъ рисуется себѣ мірозданіе въ видѣ большого консерватора, тяжеловѣснаго господина. Вотъ это называется закономъ тяготѣнія. **Природа англичанину рисуется толстопузымъ буржуа, мѣщаниномъ.**

Интеллиг. Меня это крайне удивляетъ. Я бы хотѣлъ знать, гдѣ же источникъ всѣхъ этихъ страшныхъ заблужденій.

Анарх. Источникъ одинъ—субъективизмъ, замкнутость въ себѣ, неумѣніе подняться выше себя, выйти изъ собственной скорлупы, хоть на время. Тутъ корень всѣхъ предрасудковъ: природа создается по образу и подобию человѣка—„по себѣ“; европейская культура, культура нашей эпохи считается мудростью, всѣ остальные—глупостью, предрасудкомъ. Все разсматривается опять „по себѣ“, по своему времени.

Мы не стараемся, не можемъ стать выше себя или выше своей эпохи. И поэтому мы ограничены, поражены европейской культурной слѣпотой. Это насъ губитъ. И всѣ предрасудки Европы являются лишь производными этого основного заблужденія: **я центръ міра и моя эпоха центръ міра (эгоцентризмъ)**. Послѣ этого искать предрасудковъ не приходится: они всегда на лицо. Нѣтъ ничего пагубнѣе для человѣка, чѣмъ излишняя самоувѣренность. Такой человѣкъ ни съ кѣмъ не считается, никогда ни въ чемъ не сомнѣвается, никогда не заблуждается, всегда правъ... Эта самоувѣренность довела еврейскій народъ до гибели, она бичъ всѣхъ культурныхъ народовъ. Она похоронила Азію, она хоронитъ нынѣ Европу.

Интеллиг. Такъ, по-вашему, европейскую культуру постигнетъ та же участь, что азіатскую?

Анарх. А развѣ вы не видите, что Европа идетъ по покатой плоскости къ гибели. Развѣ вы не видите, что все въ ней оплошляется, а, главнымъ образомъ, костенеетъ, каменеетъ. Все живое превращается въ мертвечину, все текущее въ стоячее болото. И культурно, и социальнo Европа представляетъ собою мумію. Еще недавно огнедышащіе вулканы нынѣ даже дымиться перестали, и, несмотря на всевсколыхающую, всепотрясающую силу мировой бойни, все продолжаетъ спать безмятежнымъ сномъ. И мировой пожаръ, и пожаръ крови, не могъ пока зажечь ни одной искры возстанія въ грудяхъ пепла потухшихъ, застывшихъ догмъ европеизма. Европейская культура, европейская наука—это именно мумія, забальзамированная навѣки. Европа врядъ ли проснется къ новой жизни. Она будетъ также, такими же цѣпкими исхудалыми руками цѣпляться за умершія „природы“, за умершую науку, какъ Азія—за умершіе боги, за умершую религію, будетъ цѣпляться еще и тогда, когда другіе народы невѣжественные и „варварскіе“, какъ русскій, перейдутъ къ новой жизни, къ новой культурѣ, къ Техникѣ. Да, Европа, очевидно, оконечитъ на своей китайщинѣ, на наукѣ.

Интеллиг. А развѣ Европа не откажется отъ науки, когда убѣдится въ ложности ея?

Анарх. Въ томъ-то и дѣло, что ее врядъ ли убѣдишь. Во всякомъ случаѣ, много вѣковъ еще пройдетъ. Что легко ли мы переубѣдили Китай? Нѣтъ, Европа опьяненная своими культур-

ными „успѣхами“, какъ въ свое время Китай, Индія и Іудея, не выпустить изъ своихъ рукъ бутылочки европейскаго дурмана. Скорѣе міръ въ одно прекрасное культурное утро найдетъ ее мертвой съ зажатой въ зубахъ бутылкой научнаго самообмана и самоопьяненія.

Интеллиг. А развѣ это неизбѣжно?

Анарх. Это неумолимо, какъ рокъ. Пока нашей религіей, предметомъ нашего обожанія, не стала техника, техника вѣчно текущая, вѣчно измѣняющаяся, вѣчно усовершенствующаяся, а мы продолжаемъ боготворить, любить и культивировать не жизнь, не реальность, а призракъ, отраженіе зеркальца, какую-то жалкую науку, то она будетъ намъ еще милѣе, дороже, чѣмъ старше, уродливѣе она становится. И это не мудрено. Если кому-нибудь нравится гниль, вонючее, то дѣло ясное, что чѣмъ больше оно „пованиваетъ“, тѣмъ лучше... Какъ молодая, свѣжая, краснощекая дѣвица не годилась бы въ колдуньи, въ гадалки, такъ новое, свѣжее не идетъ къ лицу религіи и науки. Надтреснутость священнаго зеркала вмѣняется ему въ особую заслугу. Не простое же, обыкновенное зеркальце съ базара объявить божественнымъ?

Интеллиг. А гдѣ же это видите въ наукѣ?

Анарх. Правда, это [наиболѣе замѣтно въ религіи, тамъ все стремится къ устаренію. Но и наукѣ не чужда эта тенденція (стремленіе). Мы можемъ, такимъ образомъ, выставить какъ характерную черту техники культъ (служеніе, уваженіе) новизны, молодости, въ противовѣсъ религіи и наукѣ, которыя стремятся къ обветшанію. Мы поэтому выше указали на устареніе, какъ на третій видъ злоупотребленій, являющийся также слѣдствіемъ замѣны вещи зеркальнымъ отраженіемъ, призракомъ. У самой вещи устарѣлость считалась бы порчей, недостаткомъ, дряхлостью и разложеніемъ, у отраженія же это преимущество. Старое отраженіе лучше новыхъ двухъ. Чѣмъ старше, тѣмъ больше оно отстаеетъ отъ современности, и, слѣдовательно, оно дальше отъ дѣйствительнаго, отъ чувственнаго, и поэтому оно лучше, вѣрнѣе, самобытнѣе, глубже въ лжи. Оно вѣрнѣе по простому уже вышеуказанному правилу извращенности, которая неотступно преслѣдовала человѣчество на всемъ протяженіи исторіи: **чѣмъ лживѣе, тѣмъ истиннѣе, чѣмъ отвлеченнѣе, тѣмъ реальнѣе.** И вотъ мы дошли до самаго простаго объясненія живучести предрасудковъ. Ясно, что развѣ устареніе является условіемъ наибольшаго почитанія, то гнилость и разложеніе науки, религіи, магіи придаетъ имъ особую прелесть, ихъ „вонючесть“ дѣлаетъ ихъ особо лакомыми для уродовъ и дегенератовъ.

Интеллиг. Вотъ какъ! Я прямо пораженъ вашими словами. Теперь я уже понимаю: предрасудки живы, долготѣни потому,

что до сихъ поръ не перевелось у насъ уродовъ, ищущихъ потемокъ среди бѣла дня, любящихъ отыскать тайны и загадки даже на открытой ладони (хиромантія). Я васъ понимаю: они черпаютъ свою жизнь въ потемкахъ нашего духа, въ мути нашихъ разсужденій, судовъ и пересудовъ. Но какъ истребить, искоренить эту заразу?

Анарх. Нужно убить зло въ корнѣ. Необходимо засушить главный разсадникъ этой заразы: исканіе таинствъ, загадокъ, сущностей, причинъ, отвлеченностей, принциповъ, духовъ, боговъ, природъ, чертей, молекулъ, эировъ и т. д. Необходимо развѣ навсегда отказаться отъ всего того, что выше или ниже нашихъ чувствъ, отъ всякой потусторонности, отъ всѣхъ углубленій и выкапываній, иначе мы вѣчно будемъ топтаться на мѣстѣ, какъ топтались до сихъ поръ, вотъ уже столько тысячелѣтій; мы вѣчно будемъ искать неразрѣшимыхъ рѣшеній для несуществующихъ, вымышленныхъ вопросовъ и міровъ. Это рокъ, тяготящій надъ человѣчествомъ. Это волшебный кругъ, изъ котораго не выпутаешься. Смѣшно и глупо искать выхода, начала и конца въ кругѣ. Выходъ лишь одинъ — выйти, вырваться изъ заколдованнаго круга.

Интеллиг. И тогда...

Анарх. И тогда съ нашихъ глазъ спадетъ вѣковое бѣльмо. Мы увидимъ, что напрасно вертѣлись, какъ кошка, играющая съ собственнымъ хвостомъ. Создавая потемки, заслоны, мы лживо глупо искали свѣта, солнца. Измышляя міровыя проблемы, мы не стремимся къ ихъ разрѣшенію, а отъ ихъ разрѣшенія, ибо единственный отвѣтъ на нихъ это: больше нѣтъ. Ихъ никто никогда не разрѣшитъ по одному тому, что, въ сущности, ихъ нѣтъ, и ясно, что никто никогда не можетъ найти — „ничего“. Отыскать можно только что-то, абсолютнаго ничего не отыщешь. Духовъ, боговъ, природъ, причинъ, начала міра, происхожденій міра, видовъ и т. п., никто никогда не отыщетъ, ибо ихъ никогда не было. И пока мы не отрелись отъ этого нашего основнаго предрасудка, **предрасудка надчувственности**, смѣшно и глупо бороться съ предрасудками. Исповѣдуя науку и яко бы борясь съ предрасудками, мы напоминаемъ пьяницу, неумѣющаго стоять на ногахъ и проповѣдующаго трезвость. Борясь съ предрасудкомъ въ предѣлахъ науки, мы смахиваемъ на рыбу, которой вздумалось бороться съ водою.

Интеллиг. Да что, по вашему, главный нашъ предрасудокъ?

Анарх. Предрасудокъ предрасудковъ это вымыселъ, что есть **что-то** повыше или пониже или по ту сторону чувства, и что это что-то существуетъ для чувствъ, имѣетъ вліяніе на міръ чувственнаго.

Интеллиг. Отлично. Хотя у меня очень важный вопросъ,

какъ это вы отрицаете существованіе нечувственного, все же отложу его на другой разъ. Теперь я бы желалъ васъ спросить, все же мнѣ непонятно, какъ это такъ долго держатся разныя нелѣпости, явно бессмысленныя. Это меня все-таки удивляетъ.

Анарх. Ничего удивительнаго въ этомъ нѣтъ. Представьте себѣ, если въ какомъ нибудь зданіи попадаетъ нѣсколько бабокъ совершенно гнилыхъ, имѣетъ ли это значеніе? Главное конечно это то, что все зданіе покоится на курьихъ ножкахъ. Такъ и съ современными предрасудками. Въ обществѣ, вся жизнь котораго есть одинъ предрасудокъ, одна аномалія, можно ли говорить о правильномъ, о реальномъ. Если люди лунатиками бродятъ въ поискахъ за дикими нелѣпыми небылицами науки, что диво, если они порою, или нѣкоторые изъ нихъ, отправляются къ колдунамъ, знахарямъ, гадателямъ, оккультистамъ, хиромантамъ и прочимъ шарлатанамъ. По моему, это въ порядкѣ вещей.

Интеллиг. Но какъ это все таки держится?

Анарх. Вы помните народную сказку, какъ тащили рѣпу. Бабка за дѣдку, внучка за бабку и т. д. Всѣ эти предрасудки, въ конечномъ счетѣ, держатся на наукѣ. Знахарство, колдовство держится за религію, религія же—за науку. Быть можетъ, вамъ это покажется страннымъ. Вы скажете: вѣдь наука самый главный врагъ колдовства, магіи и т. д. Но важна борьба не на словахъ. Не важно, что наука борется на словахъ съ религіей и магіей, важно, что она самимъ своимъ существованіемъ ихъ поддерживаетъ, питаетъ. И только тотъ человѣкъ можетъ сказать, что онъ свободенъ отъ предрасудка, именно только тотъ, который свободенъ отъ науки.

Интеллиг. Такъ, по-вашему, бороться съ суевѣріемъ или съ религіей одна трата времени. Если бить, то бить уже всѣхъ и все вмѣстѣ. Искореняя науку, уже искоренишь всякую религію и колдовство. Такъ ли?

Анарх. Такъ оно и есть. Только освобождая человѣчество отъ глупости науки, мы его освободимъ и отъ религіи и отъ суевѣрія.

Интеллиг. Все таки и для васъ существуетъ разница между религіей-наукой и суевѣріемъ?

Анарх. Вовсе нѣтъ. Признаемся, что употребляемъ эти термины привычки ради или классификаціи (распределенія) ради. Но для насъ лично и, мы увѣрены, для всякаго человѣка, умѣющаго стать выше предрасудковъ своего времени, современная наука, во всякомъ случаѣ, не меньшій предрасудокъ и глупость, чѣмъ знахарство, колдовство и молитвы священниковъ. Мы уже вамъ сказали, что считаемъ ее большимъ суевѣріемъ, чѣмъ

всякое религіозное суевѣріе. Мы считаемъ, что наука дальше отъ истины, т. е. отъ дѣйствительнаго, чѣмъ древняя религія. Она ложнѣе, т. е. вымышленнѣе, чѣмъ романъ, чѣмъ искусство, которое и есть древняя религія. Наука лживѣе самыхъ утонченнѣйшихъ стиховъ. И если мы издѣваемся надъ тѣмъ глупцомъ, который залечиваетъ себѣ бородавки разными приемами заклинаній и заговоровъ, то еще болѣе смѣшонъ врачъ, лечащій „научной“ медициной.

Интеллиг. Такъ корень всякаго суевѣрія нынѣ это наука, которую и нужно вырвать съ корнемъ, и громить нужно не церковь, а университетъ.

Анарх. Я не говорю: не церковь. Нѣтъ, искоренить нужно и то и другое, но, конечно, главный ударъ долженъ быть направленъ противъ главнаго врага, т. е. противъ науки.

Контрреволюціонность науки.

Интеллиг. А я, читая анархическую литературу и изданныя вами за время революціи прокламаціи, видѣлъ, что анархисты, главнымъ образомъ, борются съ религіей.

Анарх. Это было ихъ роковой ошибкой. Такъ побѣдить они не могли. И этимъ объясняются всѣ неудачи анархистовъ. Непобивая своего главнаго врага, они находились подъ постоянной угрозой и обстрѣломъ съ его стороны. И смѣшно было видѣть эту безтолковую идейную борьбу. Тратя всѣ свои пули на обстрѣлъ церкви, на борьбу съ религіей, они безоружными стояли противъ тяжелой артиллеріи науки.

Интеллиг. Но, вѣрно, церкви то они здорово бомбардировали, не такъ ли?

Анарх. Это такъ. Все же это смѣшно и глупо. Анархисты какъ бы „отвели душу“, выместивъ злобу на религію, чтобъ потомъ сдать на милость наукѣ. Читайте „Богъ и государство“ Бакунина и вы увидите, какъ онъ жалокъ. Возставая противъ всѣхъ и всего, обрушиваясь на всѣхъ и все, онъ смиренно опускается на умственные колѣни передъ ея величествомъ, наукой. И потому наука то безнаказанно свирѣпствовала до сихъ поръ, духовно опустошая наши анархическіе ряды, вырывая у насъ самыя лучшія силы. Но вотъ пробилъ часъ возмездія. Пришелъ наконецъ духовный анархистъ-террористъ, террористъ буржуазной культуры, пришелъ рѣшительный и смѣлый, съ динамитомъ всеотрицанія въ рукахъ, и отъ тюремъ духа, отъ грозныхъ стѣнъ, камня на камнѣ не осталось.

Интеллиг. Да, вашъ терроръ грозенъ. Нельзя отказать вамъ въ всемѣлости, и вашему динамиту—въ всеокрушительности. Его силу я испыталъ на собственной глупости. Право, не могу пенять на себя, что не устоялъ противъ него. Не знаю, кто бы могъ устоять противъ вашихъ ударовъ и взрывовъ. Но, интересно, спорили ли вы съ „свѣтилами“ науками, съ авторитетами ея?

Анарх. О, немало.

Интеллиг. А кто кого переубѣдилъ?

Анарх. Мнѣ лично не встрѣчалось ни одного крупнаго ученаго, который бы не пятился назадъ, сдавая нѣкоторыя свои позиціи. И ученые, какъ люди изъ народа, обыкновенно придерживаются взглядовъ популярной науки, т. е. суевѣрной науки, но когда ихъ прижимаешь къ стѣнкѣ, то они уже спасаются „очищенной“, „точной“ наукой, экспериментальной. Тутъ же на сцену выдвигаются разные позитивизмы, феноминализмы и, наконецъ, прагматизмы... Но это лишь „для парада“. Какъ минуетъ опасность и этотъ „еретикъ“, снимая защитительную философскую броню, гуляетъ въ обыкновенномъ домашнемъ болѣе удобномъ халатѣ научнаго суевѣрія.

Интеллиг. А съ священниками, съ теологами вамъ пришлось спорить?

Анарх. Очень рѣдко. Съ ними спорилъ въ молодости, когда оставилъ теологію вмѣстѣ съ религіей. Нынѣ считаю всѣ эти выпады противъ религіи, покровительствуя наукѣ, ребячествомъ. И вправду наши герои, травящіе нынѣ религію, обнаруживаютъ очень мало геройства. И если это дѣлаютъ профессора и академики, то это понятно: они хвалятъ свой товаръ, зазывая въ свою лавочку. Но если это дѣлаютъ анархисты, то они, право, смѣшны. Стать въ позу героя духа и объявить нынѣ о ложности религіи немножко поздневато. Этотъ герой шаблонныхъ анархическихъ прокламацій смахиваетъ на того, который въ кругу знакомыхъ похвасталъ, что онъ одинъ на одинъ пошелъ на медвѣдя. Когда же друзья удивленные, начали допытываться, какимъ путемъ ему одному удалось справиться съ грознымъ медвѣдемъ, выяснилось, что собственно медвѣдь то, котораго онъ убилъ или еще лучше обезглавилъ, уже былъ-лежалъ безъ головы... Такъ оно и у насъ.

Интеллиг. Не понимаю, что оно у насъ? нѣтъ, ужъ лучше разъясните.

Анарх. Да вѣдь это просто. Это „туа“ на медвѣдя религіи сейчасъ, не богъ вѣсть, какое геройство. Они его травятъ, убиваютъ съ большою помпою, но вѣдь у этого медвѣдя уже давно голова отрублена, отрублена много столѣтій тому назадъ Спи-

нозой или другими охотниками. Болѣе того, разные сатирики говорятъ, что у него собственно никогда головы и не было...

Интеллиг. Да развѣ не всѣ анархисты отрицаютъ науку?

Анарх. Нѣтъ не всѣ. Многие еще не успѣли освободиться отъ этого предрасудка. Право, стыдно за такихъ анархистовъ. Герои бомбъ, но грусы духа. Догматики, рабы Ньютона. Трусливенькіе мѣщане, курящіе еиміамъ дарвиновской дребедени. Глупые, ограниченные интеллигентики, освободившіеся отъ государства, отъ всякаго рабства, но не освободившіеся отъ главнаго рабства, отъ духовнаго рабства, разбившіе всѣ цѣпи, но оставившіе нетронутыми самыя страшныя цѣпи, цѣпи науки, которыя надѣла имъ на душу буржуазная культура.

Интеллиг. А почему васъ возмущаетъ, я вижу, больше угнетеніе наукой, чѣмъ угнетеніе властью или капиталомъ?

Анарх. Потому что оно прикрыто. Меня спекуляція больше коробитъ, чѣмъ открытый грабежъ. Наука это обманъ. Наука это разбой во имя любви, во имя бога... Вы же видите, что люди гораздо раньше освободились отъ предрасудка государства, чѣмъ отъ предрасудка науки.

Интеллиг. Да, это правда. Нынѣ всѣ уже знаютъ, что данный строй буржуазный, что онъ означаетъ господство буржуазіи, во всякомъ случаѣ хозяйственное. Но науку всѣ еще считаютъ общей, обязательной для всѣхъ людей, всѣхъ народовъ и классовъ.

Анарх. Въ томъ то и ея чрезвычайная, сугубая опасность. Она волкъ въ овечьей шкурѣ.

Интеллиг. Нынѣ, впрочемъ, уже говорятъ о буржуазной наукѣ, но это лишь по отношенію къ социальнымъ наукамъ, физическія же науки считаются общими. Неужели вы и на физическія науки посягаете, усматривая и въ нихъ буржуазность. Мнѣ прямо страннымъ и чудовищно нелѣпымъ кажется такое утвержденіе. Можно ли въ законѣ тяготѣнія, напр, видѣть какую то буржуазность. Происходитъ ли движеніе земли по-пролетарски иначе, чѣмъ по-буржуазному. Это же дико.

Анарх. Сколько бы вы ни возмущались и съ какой горячностью вы бы это не отвергли, какъ нелѣпость, мнѣ, однако, ясно, что и законъ тяготѣнія, съ виду совершенно невинный, какъ все научное, таитъ въ себѣ чистѣйшую контрреволюцію, и помимо его ложности и бессмысленности.

Интеллиг. Помилуйте, гдѣ же здѣсь контрреволюція? Мнѣ начинаетъ казаться, что вы страдаете маніей контрреволюціи, еще худшей, чѣмъ у Урицкаго. Контрреволюція въ звѣздахъ, въ солнечной системѣ—вѣдь это слишкомъ смѣшно. Неужели вы это серьезно?

Анарх. Напрасно вы такъ острите. Все же это такъ. Вник-

ните только и вы сами убедитесь, что законъ тяготѣнія есть космическая (вселенческая) контрреволюція. Консерватизмъ англійскаго духа (психоморфизмъ — наподобіе духа) и консерватизмъ англійской общественной жизни (соціоморфизмъ, наподобіе общества) возведены тутъ, очевидно, въ мировое начало. Этимъ англійскій консерватизмъ утверждается, укрѣпляется, этимъ контрреволюція получаетъ небесное благословеніе, научное освященіе. Вы, такимъ образомъ, видите, что научные законы нерѣдко носятъ специфическій прямой явно - контрреволюціонный характеръ, и помимо косвенной контрреволюціонной сущности науки, какъ отвлеченія вниманія отъ реальнаго міра, вообще.

Интеллиг. Но все сказанное вами бьетъ лишь въ физику Ньютона, котораго, я знаю, вы считаете однимъ изъ самыхъ реакціоннѣйшихъ и сумбурнѣйшихъ головъ въ мірѣ. Впрочемъ, и Ломброзо вѣдь указалъ, что Ньютонъ былъ ненормальнымъ...

Анарх. Да, этотъ цвѣтъ англійской культуры настоящій пустоцвѣтъ. Впрочемъ, онъ принесъ и плоды, но лишь контрреволюціонные. Все, что говорилъ и творилъ этотъ Аристотель Англии такъ же контрреволюціонно, какъ творенія аристотелевскія, несмотря на то, что англичане не прочь были бы сжечь cadaго, кто не раздѣляетъ ихъ вѣры въ Ньютона. Кстати, Ньютонъ стоитъ англійской націи и англійская нація—Ньютона. Реакціоннѣйшій, консервативнѣйшій человѣкъ въ мірѣ и реакціоннѣйшій народъ въ мірѣ. Контрреволюція на контрреволюціи сидитъ и контрреволюціей погоняетъ. Но не думайте, что Германія на много лучше. Конечно, энергія съ ея переходами и видами уже смягченная форма контрреволюціи, она знаменуетъ собою вторую стадію (ступень), уже замаскированную контрреволюцію, вродѣ принципа эволюціи (развитія), представляющей собою вторую ступень, т. е. смягченную форму контрреволюціи принципа инерціи. Но какъ въ нынѣшней эволюціи еще хватаетъ реакціи и „контрреволюціи“ для Англии, такъ и хватаетъ таковой для Германіи въ принципѣ сохраненія энергіи. Тутъ проглядываетъ духъ смягченной контрреволюціи Германіи, духъ **реформизма** (мелкихъ измѣненій). Одинъ видъ энергіи переходитъ въ другую, значитъ и у Вильгельма можно урвать что-то, какую то свободу. Можно измѣнить лишь „видъ“ управленія, прибавить немножко конституціи, но основной тонъ государственности долженъ сохраниться. Вотъ какъ ловко скрыта собака „контрреволюціи“ и въ германской физикѣ, болѣе яко-бы прогрессивной, чѣмъ старая англійская.

Интеллиг. Признаюсь, безъ васъ никогда и не раскрылъ бы этой своеобразной контрреволюціи. Право, вы ловко раскрываете „контрреволюціонные заговоры“ науки. И удивительно это

то, что хотя я этого никогда не замѣчалъ, все же это ясно до очевидности, прямо такъ лежитъ на ладони. Англійскій консерватизмъ и физика Ньютона, вы правы, представляютъ собою одно неразрывное цѣлое, одну „контрреволюцію“. Политическій „контрреволюціонеръ“ естественно долженъ быть и вселенческимъ (космическимъ) контрреволюціонеромъ, а вселенскій контрреволюціонеръ долженъ быть политическимъ контрреволюціонеромъ. Тутъ послѣдовательность, цѣльность, выдержанность вездѣ и всюду, всегда и во всемъ. Тутъ неумолимая, какъ природа въ изображеніи англійской науки, несокрушимая, ровная и самоуверенная реакція, „контрреволюція“, потому что всегда она вѣрна самой себѣ, потому что она глубока и всестороння. Я еще съ вами не вполне согласенъ, а, главнымъ образомъ, не вполне усвоилъ себѣ вашихъ взглядовъ, но, для пониманія васъ, я всегда стараюсь временно стать на вашу точку зрѣнія. Вы это одобряете, одобряете мой способъ усвоенія вашихъ мыслей?

Анарх. Конечно. Хорошо, что вы такъ дѣлаете. Мои взгляды слишкомъ далеки отъ общепринятыхъ и потому, не отрекаясь, хоть на время, отъ современныхъ господствующихъ догмъ, не стараюсь стать на новую точку зрѣнія, вы меня не поймете.

Интеллиг. И вотъ, вникая въ сказанное вами, я начинаю понимать, что наука, по вашему, „контрреволюціонна“ не случайно, не по злоупотребленію ученыхъ, не изъ-за ихъ продажности буржуазіи. Нѣтъ, она контрреволюціонна по существу. Сами основы физики, астрономіи контрреволюціонны. И такъ какъ въ основѣ всей современной науки лежатъ основные законы физики, то наука въ цѣломъ контрреволюціонна, контрреволюціонна непосредственно, спеціально, и помимо ея общаго контрреволюціоннаго характера, заключающагося въ отвлеченіи вниманія недовольныхъ массъ въ сторону отвлеченныхъ мировъ. Правильно ли я васъ понимаю?

Анарх. Правильно. Но вы упустили изъ виду, что „контрреволюціонность“ ея лежитъ еще глубже, и лежитъ она не только въ физикѣ, а буквально во всей наукѣ.

Интеллиг. Въ чемъ же? Я любопынтствую.

Анарх. А я удивляюсь, чтобъ вы сами не отгадали. Она заключается въ одномъ словѣ.

Интеллиг. Я бы пробовалъ, но лучше сами говорите. Скажите мнѣ это слово.

Анарх. Это слово **законъ**. Вся наука сводится къ отысканію и раскрытію законовъ, которые якобы существуютъ въ природѣ.

Отрицаніе законовъ природы и законовъ государства.

Интеллиг. А вы, что ли, не признаете и законовъ природы?

Анарх. А какъ вы себя представили? Разъ не признаемъ природы, то, разумѣется, не признаемъ и законовъ природы.

Интеллиг. Вы не признаете? Пусть—но они все таки существуютъ.

Анарх. Нисколько. Критически-мыслящіе ученые сами признаютъ, что законовъ въ дѣйствительности нѣтъ; они лишь выдумки нашего ума, вносятся нами во внѣшній міръ. Въ дѣйствительности существуетъ лишь беззаконіе, анархія.

Интеллиг. Но все-таки, что-нибудь да есть! Есть же какой-нибудь порядокъ.

Анарх. Есть лишь внутренній (имманентный) порядокъ, именно анархическій порядокъ.

Интеллиг. Да какая же разница?

Анарх. Разница колоссальная. Этотъ порядокъ не навязывается вещамъ или вещи извнѣ, онъ не является результатомъ космическаго „усмиренія“, воздѣйствія одного тѣла на другое.

Интеллиг. А вы отрицаете и воздѣйствіе?

Анарх. Да. Воздѣйствіе есть соціоморфизмъ (обществоподобіе), государствовподобіе. Это государственное „принужденіе“, переложенное на физику, перенесенное изъ общества во вселенную. Такими же переложеніями являются и другіе же, яко бы основные законы физики.

Интеллиг. Все-таки какъ это такъ безъ законовъ, безъ воздѣйствія, безъ порядка—это же чертъ знаетъ, что такое. Я иногда голову начинаю терять отъ васъ, отъ головокружительнаго вашего отрицанія. Мнѣ порою кажется, что это полное опустошеніе человѣческой культуры.

Анарх. Вы слишкомъ раскудахтались. Не опустошеніе культуры, а опустошеніе человѣческой глупости. Я уже разъ вамъ объяснилъ, что отъ гибели разныхъ призраковъ міръ нисколько не теряетъ.

Интеллиг. Но отрицая всякій законъ, законообразность, міровой порядокъ, міръ долженъ былъ превратиться, вѣрнѣе, представлять собою какое-то вавилонское столпотвореніе.

Анарх. Вы вѣрны самому себѣ, послѣдовательны въ вашихъ заблужденіяхъ. Такъ и въ государствѣ, отвергая внѣшній принудительный, навязанный порядокъ, т. е. принужденіе, мы, по вашему, должны неизбѣжно придти къ беспорядку, къ хаосу.

Но ваше утвержденіе произвольно и лишено всякаго основанія, ибо мы отвергаемъ лишь навязанный, государственный, насильственный порядокъ, каковой мы отрицаемъ и въ космосѣ. Но за то еще большей ясностью, выпуклостью выступаетъ необходимость и дѣйствительное существованіе внутренняго самостоятельнаго „порядка“. Это, конечно, не можетъ называться закономъ, да врядъ ли оно можетъ даже нести названіе „порядокъ“, ибо онъ не наводимый кѣмъ-то порядокъ вещей, а свойство вещей, что означаетъ: сама вещь. Значитъ это не законъ и не міровой порядокъ, а самъ міръ, ибо ясно до очевидности, что въ томъ, что Иванъ, напр., является Ивановъ, т. е. въ томъ, что а есть а, ничего „законнаго“ или „порядковаго“ нѣтъ.

Интеллиг. Мнѣ это, однако, еще не совсѣмъ ясно.

Анарх. Вотъ объясню вамъ глубже. Всякій законъ терпитъ крушеніе между двумя этими предѣлами, между „вымысломъ“ и „самостью“. Постольку, поскольку онъ удалился отъ вещи, онъ вымыселъ, его не существуетъ, онъ лишь произвольно созданъ; постольку же, поскольку онъ на самомъ дѣлѣ существуетъ, онъ является собою самъ предметъ.

Интеллиг. Я васъ уже понимаю. То, что, обыкновенно, на научномъ языкѣ величается „закономъ“—одно изъ двухъ: или это слишкомъ реально, или это слишкомъ иллюзорно. Но какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ закона все-таки нѣтъ.

Анарх. Я очень радъ, что, какъ вижу, вы уже меня понимаете. И вы меня, надѣюсь, поймете, когда я скажу, что понятіе о законѣ, какъ всѣ основныя научныя понятія, страдаетъ обычнымъ для науки эклектическимъ дуализмомъ (двойственностью), являющимся результатомъ недомыслія.

Интеллиг. Хотя уже все у васъ постигъ. Однако, двойственности, о которой вы говорите, не уловилъ.

Анарх. Присмотритесь хорошенько и вы увидите, что законъ есть лишь „хватаніе веревки за оба конца“, да и нѣтъ въ одно и то же время. Законъ есть отчасти вещь сама и отчасти не-сама, отчасти сущностное, нутраное, неотдѣлимое отъ самой вещи, и отчасти отдѣлимое, внѣшнее.

Но это логическій обманъ, непослѣдовательность, которымъ легко провести слабые умы. Какъ ни верти, а „законъ“ все-равно разбивается о два крайнихъ столба, о вещь саму, съ одной стороны, и вещь не-саму, съ другой: вещь сама не нуждается въ законѣ, онъ для нея лишенъ, а вещь не-сама не можетъ стать закономъ, быть выведенной изъ вещи самой. Половинчатость „закона“ это именно то, что онъ хочетъ быть въ одно и то же время и **самовещью** и **не-самовещью**, т. е. быть не-самовещью и все же выведенной, производной изъ самовещи.

Интеллиг. Глубокомыслие послѣднихъ вашихъ словъ меня прямо ошеломило. Признаться, мнѣ еще придется обмозговать это наединѣ. Но сейчасъ я бы желалъ отъ васъ узнать, что вы особое контрреволюціонное усматриваете въ „законѣ“.

Анарх. Я не понимаю вашего вопроса. Что вы развѣ не знаете, что мы анархисты отрицаемъ всякіе государственные законы, что основа всякаго государства это законъ и т. д.

Интеллиг. Но вѣдь дѣло идетъ не о государственныхъ законахъ, а о научныхъ законахъ.

Анарх. На этотъ разъ вы не оправдываете моихъ надеждъ: вы не догадливы. Ужъ нѣсколько разъ мною было указано вамъ, что несмотря на гордыню и спесь науки, несмотря на ея презрѣніе къ религіи, она однако, повторила и повторяетъ всѣ старыя ошибки религіи.

Интеллиг. Я, однако, ничего не понимаю, какое отношеніе это имѣетъ къ „закону“?

Анарх. Будьте терпѣливѣе, и не прерывайте меня.

Интеллиг. Извиняюсь. Прошу продолжать.

Анарх. Основное заблужденіе религіи было, какъ ужъ нѣсколько разъ указалъ, ея человѣкоподобіе (антропоморфизмъ) и обществоподобіе (соціоморфизмъ): богъ рисовался въ видѣ чело-вѣка и царство небесное явилось отраженіемъ царства земного. Даже ангелы, херувимы, серафимы и проч. свита, были точнымъ изображеніемъ земного войска; небесный милитаризмъ копировалъ земной, и въ библии богъ потому называется Саваоѣ, что означаетъ богъ войскъ, которыми вначалѣ были звѣзды (звѣзды въ библии нерѣдко называются *Zaba haschamaim*, т. е. войско неба), а лишь впоследствии ангелы, на что ужъ разъ вамъ указали.

Это же человѣкоподобіе и обществоподобіе унаслѣдовала и наука. Я уже вамъ указалъ выше, что законъ инерціи, законъ тяготѣнія и законъ эволюціи, даже законъ сохраненія энергіи—все это обществоподобіе и человѣкоподобіе. Тутъ остается мнѣ лишь прибавить, что само понятіе о законѣ, являющееся основнымъ понятіемъ науки, опять-таки является лишь обществоподобіемъ. Законъ научный является изображеніемъ государственнаго закона, который такъ же, какъ первый, улетучивается, колеблясь между двумя предѣлами и опять-таки какъ тамъ въ одномъ случаѣ онъ лишень и въ другомъ—безсмысленъ, вреденъ. Государственный законъ, внѣшній порядокъ, по-стольку, поскольку онъ приближается къ нравственному закону, къ „внутреннему порядку“, къ совѣсти, онъ становится лишнимъ, какъ научный законъ, стремясь къ самовещи; постольку же, поскольку государственный законъ удаляется отъ нравственнаго, идетъ въ разрѣзъ съ нимъ, вступаетъ въ противорѣчіе съ нимъ, онъ безсмысленъ и вреденъ, какъ научный законъ, рассматри-

ваемъ, какъ не-самовещь. Основная черта государственнаго закона, права, которое всегда неправо, это тотъ же эклектиче-скій дуализмъ: государственный законъ отчасти хочетъ быть и нравственный закономъ, основаннымъ на убѣжденіи и признаніи, и отчасти противонравственнымъ, основаннымъ на одномъ на-силіи, въ одно и то же время, что, однако, совершенно невоз-можно. Государственный законъ страдаетъ и гибнетъ отъ той же двойственности, что и научный.

Интеллиг. Однако, контрреволюціонность научнаго закона мнѣ еще не ясна. Пока я слышалъ лишь о „контрреволюціон-номъ“ происхожденіи его.

Анарх. Научный законъ освящаетъ государственнъ законъ. Всю силу, мощь и ореолъ свой государственный законъ черпаетъ въ научномъ, въ физическомъ законѣ. Насильственный харак-теръ государственнаго закона слишкомъ явенъ, очевиденъ, чтобы противъ него не возставала свободная личность, если бы не та дымка освященности желѣзной естественной необходи-мостью, которой его задерживаетъ научный, физическій законъ. Научный законъ—это моральная база его произвола, оправданіе всѣхъ его козней.

Интеллиг. Не знаю. Тутъ мнѣ чудится что-то противорѣчивое въ вашихъ словахъ. Съ одной стороны, вы говорите, что первообразъ научнаго, т. е. физическаго закона—это госу-дарственный законъ, а съ другой стороны, какъ бы выходитъ, что научный законъ является источникомъ и вдохновителемъ государственнаго закона.

Анарх. Тутъ никакого противорѣчія, въ сущности, нѣтъ: На дѣлѣ, научный законъ созданъ по образу и подобию госу-дарственнаго, отвлеченный законъ является отраженіемъ конкрет-наго закона, но люди въ ограниченности и слѣпотѣ своей при-нимаютъ отраженіе за предметъ, а предметъ за отраженіе, и, провозглашая господство отраженія надъ предметомъ, всячески стараются подогнать предметъ подъ отраженіе. Эту сторону явленія, коверканіе предмета подъ вліяніемъ отраженія, мы на-зываемъ „идеоморфизмомъ“, вымыслоподобіемъ. Такъ что, въ сущности, происходитъ что-то очень любопытное: научный законъ, будучи самъ дѣтищемъ государственнаго закона, объявляется его отцомъ и господиномъ. А въ этомъ заключается самое реак-ціонное, самое контрреволюціонное, самое пагубное и опасное, что въ наукѣ.

Интеллиг. Неужели такъ вредна эта объявленная мнимая „отечественная“ роль научнаго закона по отношенію къ государ-ственному.

Анарх. Дѣло не въ объявленіи, а въ осуществленіи своихъ правъ.

Интеллиг. Но вѣдь это ложь, это фикція?

Анарх. Пусть фикція, пусть манія, но для сумасшедшаго какая то навязчивая идея реальнѣе многихъ реальныхъ предметовъ. Во имя бога люди шли на костры, затѣвали войны, которыя стоили тысячи жизней. Нерѣдко какая то манія доводитъ чело-вѣка до самоубійства. Безуміе религіи, несмотря на всю ея вымысленность, отравила жизнь чело-вѣчеству. Для всѣхъ ужъ те-перь не тайна, что богъ есть созданіе чело-вѣка, но несмотря на то, что чело-вѣкъ первоначально создалъ себѣ бога по образу и подобію своему, современемъ, однако, съ укрѣпленіемъ этихъ вымысловъ, они приобрѣли такую силу и крѣпость, что совер-шенно преобразовали чело-вѣка. Богъ началъ именно создавать себѣ чело-вѣка по образу и подобію своему. Обработка чело-вѣка на колодки „героическаго“ у грековъ имѣла очень громадное вліяніе (худо ли, хорошо ли—это насъ тутъ не интересуетъ) на выработку типа эллина (грека). Каждый грекъ считалъ своимъ долгомъ смахивать или приблизиться къ идеалу гомерическаго героя. Боги, герои греческой классической литературы, будучи правильными или неправильными отраженіями-изображеніями греческой жизни, стали съ теченіемъ времени сами „фетишами“, коверкательями, насильственными измѣнителями греческой жизни. Такъ Іегова сталъ обязательнымъ предметомъ каждого фанатика-іудея. А въ этомъ гвоздь контрреволюціонности, какъ религіи, такъ и науки. Вымыселъ становится господиномъ дѣйствительнаго. Сумасшествіе является неотъемлемымъ при-знакомъ божественнаго, пророческаго.

Интеллиг. Но какое же это имѣетъ отношеніе къ закону? Гдѣ же тутъ реакціонная роль науки?

Анарх. Государственный законъ, законъ произвола, очевиднаго насилія, не могъ бы продержаться столько тысячелѣтій, если бы его насиліе не ступевывалось бы, не смягчалось бы „идеологическими“ (религіозно или научно-вымышленными) эле-ментами. Государственный законъ освящается, возвышается, за-маскировывается научнымъ закономъ. Такъ еще въ древности, у ассирянъ и вавилонянъ, законы государственные свелись къ законамъ свѣтилъ, къ астрологіи. Государственный произволъ, капризы деспота вводятся въ вселенческое начало, провозгла-шаются незыблемыми, въ величайшіе дары „Неба“ сынамъ земли. Кнутъ, окровавливающей спину, становится символомъ вѣры, или началомъ науки. Теперь волею-не-волею тебѣ слабому чело-вѣку, несмѣющему возстать противъ неба, бога, или стихій, природы, приходится капитулировать. Такъ бунтаря чело-вѣка искони усми-ряють призраками, пугалами. И таковъ уже характеръ чело-вѣка: непокорный передъ вещами, онъ смирененъ передъ отраженіями, призраками.

Конецъ сказки.

Интеллиг. Ваши мысли такъ свѣжи, такъ поражаютъ меня своей новизной, что поддаваясь ихъ обаянію, совершенно забываюсь, пере-ношусь въ другой міръ. Я васъ всегда слышу съ увлеченіемъ. Увлекая себя и меня бурнымъ потокомъ, мы столько разъ уже сбились съ нашей темы.

Анарх. Несмотря на расточаемыя вами мнѣ похвалы, я съ вами, однако, не согласенъ. Наша тема, тема философа, это все, весь міръ. Вышли ли мы изъ его предѣловъ?

Интеллигентъ. Вы такъ обидчивы. Простите. Я, быть мо-жетъ, не хорошо выразился. Собственно наша тема именно „все“. Но, признаюсь, это разнообразіе меня нѣсколько сбиваетъ съ толку. Не сердитесь. Вы же видите, я не философъ. Вы себя вездѣ чувствуете, какъ у себя дома. Взлеты вашихъ мыслей не утомляютъ васъ. Стрѣлою вы опускаетесь на дно жизни, въ гущу житейской обыденщины, выхватывая, вырывая у нея не-обходимые вамъ факты, а мигомъ, я васъ вижу, снова гордо рѣете въ бездонныхъ высяхъ мысли. Но я—слабый жалкій чело-вѣкъ, интеллигентикъ, достаточно, что я слѣдовалъ за вами неустрасимо, не отступая. Мнѣ пора отдохнуть. А тогда я вспо-минаю про ваши сказки. Знаете, мнѣ стыдно сознаться въ моемъ ребячествѣ: если бы не ваши сказки, я бы васъ нево-лею бросилъ, не успѣлъ бы за вами. Закончимъ на сей разъ этотъ нашъ курсъ на остаткѣ сказки, хотя въ моей головѣ цѣлый рой неразрѣшенныхъ еще вопросовъ.

Анарх. Да, видно по нашей сегодняшней бесѣдѣ, что мы устали. Я чувствую, что повторяюсь, между нами будь сказано, порою перехожу въ водянистость. Разсказать?

Интеллиг. Я весь ребенокъ, весь его слухъ.

Анарх. Гдѣ остановился? Ну, ужъ все равно. Право, и я чувствую себя уже исчерпаннымъ. Разскажу вкратцѣ.

Интеллиг. Раскажите, какъ хотите. Лишь бы рассказали. Не выведите меня изъ нетерпѣнія вашимъ чванствомъ.

Анарх. Я буду краткимъ. Гдѣ мы? ага—о надтреснутости. Дни шли за днями, а зеркало все болѣе трескалось. Но чѣмъ болѣе оно трескалось, тѣмъ болѣе искажалось все, отражаю-щееся въ немъ, особенно лицо братьевъ. Но чѣмъ больше ис-кажались ихъ лица, тѣмъ довольнѣе они были, поговаривая другъ другу: смотри, какъ необыкновенны наши лица, какъ ве-личественны, божественны ликъ нашъ! Такъ прошло много времени, и они были довольны и жили себѣ счастливо. Только

„глупый“ ребенокъ, узрѣвъ однажды лицо папы въ зеркалѣ, ахнулъ и сказалъ: „экая дикая рожа!“ но спохватился, и, покраснѣвъ, выбѣжалъ вонъ изъ комнаты. Неизвѣстно сколько лѣтъ они прожили такъ беззаботно, безъ ссоръ и безъ печалей, любясь все болѣе искажающимся ихъ лицомъ во все болѣе растрескавшемся зеркалѣ. Но вотъ, какъ говорится обыкновенно, чистыя ихъ небеса вдругъ заволакивались черными тучами. Отецъ померъ. Дѣти опечалились. Но скоро прошла ихъ печаль. Усѣвшись у чуть ли не совсѣмъ уже разваливагося зеркала, ставшаго еще болѣе дорогимъ ихъ сердцу, они рѣшили, что печалиться собственно нечего. И на вопросъ сына, лоторый съ грустью показавъ на пустующее кресло у зеркала, спросилъ: гдѣ дѣдушка? родители отвѣтили: дѣдушка ушелъ въ зеркало. На этомъ всѣ успокоились. Но смерть отца ставила передъ нимъ серьезная задача: раздѣлъ имущества. Мирно премирно они справились бы и съ этимъ раздѣломъ, но тутъ помѣхой встало передъ нимъ зеркало. „Раздѣлить его наполовину нельзя, совсѣмъ разсыплется“ — говоритъ младшій. „Какъ же быть?“ поговаривали оба, ломая себѣ голову. Какъ выйти изъ затрудненія?

— Знаешь что? Сказалъ старшій — я тебѣ уступлю зеркало, я знаю, ты жить безъ него не можешь.

— А что будетъ съ тобою? — сказалъ младшій — мнѣ жаль тебя...

— Я... я возьму все остальное, всѣ призрачные предметы. Такъ. Тебѣ, въ сущности, они же совершенно не нужны, разъ имѣешь зеркало. Ты можешь посмотрѣть въ зеркало въ любой моментъ, тамъ ты „все“ найдешь. Истинныя настоящія вещи будутъ у тебя, въ зеркалѣ, у тебя будутъ души вещей, а у меня ихъ жалкія бранныя тѣла. Мнѣ, конечно, больно разстаться съ зеркаломъ, съ истинными вещами, но ради тебя, ради братской любви, я на все готовъ...

— Дорогой братъ! чѣмъ отблагодарить тебя за твое великодушіе? — сказалъ младшій, упавъ на шею старшаго.

— Милый! мнѣ благодарность не нужна, вѣдь я твой братъ, я желаю лишь твоего счастья. Вотъ ты будешь счастливымъ — это будетъ самая лучшая благодарность мнѣ.

— Благородный братъ мой! все же мнѣ пріятно будетъ чѣмъ-нибудь отблагодарить тебя.

— Хорошо. Вотъ чѣмъ отблагодаришь меня! ты дашь мнѣ на время зеркало, хотъ бы на время работы. Это будетъ единственнымъ моимъ упоеніемъ „реальнымъ“. Всегда зеркало будетъ у тебя, „реальное“, а „призрачное“, вещи, у меня. Но, когда нужно будетъ работать, ты дашь мнѣ зеркало, ты будешь работать, а я буду смотрѣть тогда въ зеркало, ты будешь работать брэнно-призрачно, а я буду работать по настоящему,

реально, въ зеркалѣ. Это единственное, чѣмъ можешь меня отблагодарить. „Реальная“ моя работа, въ зеркалѣ, будетъ мнѣ возмѣщеніемъ за призрачность моихъ вещей.

— Бѣдный! мнѣ тебя жаль. Ты выбираешь себѣ такой крестъ. Мнѣ страшно будетъ видѣть тебя, какъ ты будешь „реально“ обливаться потомъ въ зеркалѣ, я же буду лишь „какъ бы“ работать. Мнѣ тяжело, страшно тяжело согласиться на это.

— Но иначе быть не можетъ. Если только желаешь мнѣ доставить какое-нибудь удовольствіе, ты долженъ мнѣ на-время уступить зеркало, т. е. реальное.

— Ладно. Скрѣпя сердце, я соглашаюсь.

Такъ раздѣлили между собою братья наслѣдство. Старшій забралъ все, всѣ поля, огороды, лѣсъ, все хозяйство, жилъ въ довольствѣ и роскоши. Съ каждымъ днемъ его богатство стало все больше и больше. Наконецъ, онъ выстроилъ себѣ великолѣпный мраморный дворецъ, кругомъ былъ чудный паркъ, въ паркѣ хрустальное озеро. А невдалекѣ, на краю деревни, въ землянкѣ жилъ младшій братъ. Въ землянкѣ пола не было, на голой землѣ спалъ онъ съ женою и дѣтьми. Дѣти рваны и босы и голодны.

Разная жизнь была у братьевъ, совсѣмъ не похожа одна на другую, все же одинаково счастливы были оба. Когда бѣдный младшій братъ вышелъ на зарѣ изъ землянки, подошелъ къ дворцу старшаго брата, подставилъ зеркало, и вотъ весь дворецъ, паркъ и озеро улыбается ему изъ зеркала — воистину не было челоуѣка болѣе счастливаго и радостнаго на землѣ. Обогнувъ дворецъ, онъ спѣшно повернулъ на поле брата, гдѣ онъ въ седьмомъ потѣ работалъ ежедневно до заката, а иногда до поздняго вечера. А старшему брату, когда ему надоѣло пить шампанское, опостылѣли и опротивѣли поцѣлуи разныхъ танцовщицъ, вышелъ къ младшему на поле, взялъ у него зеркало, и смотрѣлъ въ него, смотрѣлъ какъ братъ обливается потомъ. Такъ онъ „реально“ работалъ съ часикъ, но скоро, страшно утомляясь отъ работы, вернулся обратно во дворецъ.

Прошли года за годами, а братья жили въ согласіи. Зеркало все болѣе растрескалось, а отражающіеся въ немъ предметы все болѣе искажались и удалялись. Все въ зеркалѣ смотритъ такъ микроскопически, и такъ далеко-далеко, какъ бы за три девять земель... Но вѣра въ „реальность“ зеркальныхъ предметовъ не поколебалась у младшаго брата. А когда зеркало такъ состарѣлось, что предметы почти-что совсѣмъ уже не были видны въ немъ, то священникъ, котораго прислалъ къ нему братъ, ему объяснилъ, что чѣмъ дальше смотрятъ предметы и чѣмъ меньше они видны, тѣмъ „реальнѣе“ они, ибо они глубже

сидятъ въ зеркалѣ, и сидятъ они именно въ самой „реальной“ его части, которая имѣетъ два названія: царство небесное и царство будущаго.

Такъ жилъ себѣ, довольный своей нищетою и изнурительнымъ трудомъ, младшій братъ, и быть можетъ никогда не узналъ бы обмана, если бы въ деревню къ нимъ не завернулъ мудрецъ. То былъ странный человѣкъ, необыкновенный. Самъ нищій, но зналъ онъ тайны всякихъ разбогаченій. Самъ не ученый, но онъ зналъ тайны всякихъ обмановъ. Достаточно было проговорить съ нимъ нѣсколько словъ, и всякій обманутый сразу узналъ свой обманъ. Было ли это естественно или въ этомъ было что-то волшебное—неизвѣстно.

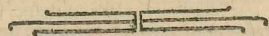
Какъ проговорилъ съ нимъ младшій братъ пару словъ, ему вдругъ все стало ясно. Какъ бы бѣльмо спало съ его глазъ. Потерялъ онъ сразу вѣру въ зеркало, но съ нимъ—увы!—и душевный покой и братское согласіе. Побѣждалъ онъ въ дворецъ къ брату, бросилъ ему къ ногамъ зеркало и говоритъ: „Нѣтъ, больше это тебѣ не сойдетъ. Обманщикъ, грабитель! больше на тебя работать не намѣренъ. Ты живешь въ холѣ, а я въ нищетѣ. Ты лѣнтайничаешь, а я изнуряюсь трудомъ. Нѣтъ, если ужъ мнѣ зеркало, то ужъ мнѣ и работать нужно въ зеркалѣ. Ты будешь трудиться, а я буду смотрѣть въ зеркало... буду смотрѣть въ ту часть, которая называется „царствомъ небеснымъ“ и „царствомъ будущаго“.

Больше младшій братъ на работу не пошелъ. Что стало съ братьями, какъ они ужились на землѣ послѣ—неизвѣстно, ибо на этомъ самомъ любопытномъ мѣстѣ обрывается сказка.

Интеллиг. Да, сказка дивная. Я бы васъ попросилъ разъяснить мнѣ ее, но я вижу, вы устали. Попробую самъ раскусить ее. Мнѣ не все ясно, но многое я въ ней самъ понимаю, да и смутно обо всемъ догадываюсь. Вы мнѣ только одно сдѣлайте. Скажите мнѣ названіе этихъ двухъ братьевъ, священника и мудреца.

Анарх. Имя старшаго брата—буржуазія, младшаго—пролетаріатъ, мудреца же—анархистъ, священника—Христось или Карль Марксъ.

Интеллиг. Теперъ я понимаю. Если царство будущаго, то и работать буду въ царствѣ будущаго: такой правильный отвѣтъ на марксизмъ.



ИЗДАТЕЛЬСТВО
„Ассоціаціи Пананархистовъ (Союза Пяти Угнетенныхъ)“.

Вышли изъ печати:

Брошюры бр. Гординыхъ:

- 1) Пансоціалистическій манифестъ (распроданъ).
- 2) Педагогическій манифестъ (къ учащейся молодежи) (распроданъ).
- 3) Долой анархію! Цѣна 25 коп.
- 4) Рѣчи Анархиста (распроданы).
- 5) Почему! или какъ мужикъ попалъ въ страну Анархіа (распродано).

Въ печати:

Сочиненія бр. Гординыхъ:

- 1) Пантехникализмъ или философія анархизма. 3 т.
- 2) Курсъ новѣйшей философіи. 2 т.
- 3) Манифестъ Пананархистовъ.
- 4) Противъ бога и природы.
- 5) Богъ, природа и Анархіа.
- 6) Богъ, природа и Человѣкъ.
- 7) Христосъ и Марксъ, папизмъ и ленинизмъ.
- 8) Репродуктина или педагогика и Анархіа.
- 9) О пананархизмѣ (брошюры, рѣчи и статьи). 2 т.
- 10) Благовѣсть безумія. Поэма въ 10 пѣсняхъ.
- 11) Мать и дитя. Трагедія.
- 12) Путь къ ребенку.
- 13) Союзъ Пяти Угнетенныхъ. Никедія (драма побѣды) въ 5 акт.
- 14) Красное и черное знамя. Сказка.

Въ
стихахъ.

Адресъ:

Петроградъ, Троицкая, 23, Союзъ Пяти Угнетенныхъ.
Москва, Анастасьенскій пер., 1, Издательство Федераціи.